

XXVIII-й годъ изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

4.

Прод. 50

Стр.

441. Переписка князя М. С. Воронцова съ А. П. Ермоловымъ. 1851—1855. (Борьба съ Шамилемъ.—Хаджи-Муратъ.—Атаманъ Крюковский.—Титулъ свѣтлости.—Даніель-Бекъ.—Переселеніе горцевъ на плоскость.—Новыя дороги на Кавказъ.—Передъ разрывомъ съ Турціей.—Старческое утомленіе.—Передъ отъездомъ съ Кавказа.—Выходъ изъ службы.—Рана сына).
473. Изъ воспоминаній графа Рохешуара. (Турецкая война 1806—1812.—Колонисты южной Россіи.—Черноморскіе казаки.—М. А. Нарышкина.—1812 годъ.—Березина.—Походы 1813 г.—Моро.—Посылка къ Бернадоту.—Близость къ Александру Павловичу).
501. Изъ воспоминаній Б. Н. Чичерина. (По поводу дневника Н. И. Кривцова).
526. Археологія и исторія въ произведеніяхъ новѣйшихъ Русскихъ писателей. А. П. Труворова.
536. Давнія встрѣчи. Изъ воспоминаній А. Н. Андреева. (Бальзакъ.—Джунковский.—Д. Т. Ленскій.—Актеръ Максимовъ.—Актеръ Мартыновъ.—Императоръ Николай Павловичъ.—Н. Ф. Павловъ и Н. М. Пановскій.—Ренанъ.—Графъ С. Г. Строгановъ и профессоръ Ваагень).
553. Н. Г. Чернышевскій по воспоминаніямъ земляка. И. У. Палим-сестова.
569. Графъ П. А. Толстой. Замѣтка о. архимандрита Леонида.
570. Письмо князя М. Л. Кутузова къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ (1812).
571. Библиографическія замѣтки. I. Книга о судѣ Шемяки. И. М. Остроглазова.
575. О Русскомъ народномъ пѣніи. Е. Е. Шалошниковъ.
581. Еще о словѣ копейка. Замѣтка А. А. Чумикова.

Въ приложеніи:

Капище моего сердца. Сочиненіе князя И. М. Долгорукаго (Л—М).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи.

на Страстномъ бульварѣ.

1890.

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

на 1890 годъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ, МУЗЫКАЛЬНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

А Р Т И С Т Ъ.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Вл. А. Александровъ, Н. Θ. Арбенинъ, А. С. Аренскій, К. С. Баранцевичъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Бобырыкинъ, проф. А. Н. Веселовскій, проф. П. Г. Виноградовъ, А. Е. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, И. Н. Врековъ, В. Е. Ермиловъ, И. И. Ивановъ, М. С. Карелинъ, Н. Д. Кашкинъ, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревскій, С. П. Кругликовъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ (Александровъ), А. Θ. Крюковской, Ц. А. Кюи, И. И. Лавровъ, М. И. Лавровъ, И. Н. Ладыженскій, О. Я. Левенсонъ, Д. М. Леонова, И. Л. Леонтьевъ (Щегловъ), проф. И. А. Линниченко, А. П. Лукинъ, Н. С. Лѣсковъ, А. Е. Лядовъ, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Маттернъ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковский, К. В. Назарьева, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, Влад. И. Немировичъ-Динченко, Ф. Д. Нефедовъ, А. П. Новицкій, А. Н. Плещеевъ, І. М. Познеръ, Г. А. Рачинскій, Н. А. Римскій-Корсаковъ, М. Н. Розановъ, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, проф. Н. И. Стороженко, Кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), С. Н. Терпигоревъ (Атава), проф. Н. С. Тихонравовъ, Кн. А. И. Урусовъ, А. А. Филоновъ, П. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, К. С. Шиловскій, И. В. Шпажинскій, С. Ф. Ѳедотовъ, А. А. Ѳедотовъ и др. Художники: А. Е. Архиповъ, В. Н. Бакшеевъ, Θ. А. Бронниковъ, С. А. Виноградовъ, С. В. Ивановъ, А. А. Киселевъ, Бар. Н. А. Клодтъ, К. А. Коровинъ, Н. М. Ковалевскій, С. И. Кохъ, А. И. Левитанъ, А. П. Ленскій, А. Е. Маковская, М. В. Нестеровъ, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплетчиковъ, В. Д. Полѣновъ, Д. П. Поляковъ, И. Е. Рѣпинъ, А. Е. Сильверсманъ, Гр. Θ. Л. Соллогубъ, А. С. Степановъ, Ч. А. Танскій, К. А. Трутовскій, Е. М. Хрусловъ, С. И. Ягузинскій, Г. Θ. Ярцевъ и др.

Издатель Ф. А. Куманинъ. Отвѣтственный редакторъ А. Р. Гиппиусъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ теченіе зимняго сезона (7 разъ въ годъ, съ сентября по апрѣль) книжками большаго формата.

Подписная цѣна за годъ 9 р., съ пересыл. и достав. 10 р., отдѣльные нумера по 2 р.

Подписка принимается и отдѣльные №№ продаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудрино, Садовая, д. Бартельсъ), въ книжной лавкѣ Большаго театра, въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія Линіи), въ театральн. библиотекѣ Е. Н. Разсохиной (Москва, Тверская, Георгіевскій пер., д. Сушкина) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ. Иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала.

**ПИСЬМА КНЯЗЯ МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧА ВОРОНЦОВА КЪ АЛЕКСѢЮ
ПЕТРОВИЧУ ЕРМОЛОВУ *).**

35.

Тбились, 7 Февраля 1851.

Я виноватъ передъ тобою, любезный Алексѣй Петровичъ, что послѣднія двѣ-три недѣли не писалъ къ тебѣ, получивъ въ это время сперва одно, а потомъ другое письмо отъ 18 Генваря. Начинаю съ того, чтобы благодарить тебя душевно, какъ отъ себя, такъ и отъ жены моей, за истинное дружеское твое поздравленіе о пожалованіи ей ордена ленты св. Екатерины: это большая милость, и мы должны быть весьма благодарны. Что же касается до того, что ты мнѣ пишешь о празднествахъ въ Москвѣ въ будущемъ Августѣ мѣсяцѣ и объ ожиданіи твоемъ меня тамъ видѣть, то скажу тебѣ, что объ этихъ празднествахъ мы ничего не знаемъ офиціально, и должно или можно ли будетъ мнѣ туда ѣхать, мнѣ теперь совершенно неизвѣстно. Отсель уѣзжать, кромѣ физическихъ трудовъ поѣздки, вмѣсто возможнаго отдыха на водахъ или въ Крыму, есть и другое всегдашнее затрудненіе: слишкомъ отдалиться отъ здѣшнихъ мѣстъ и дѣлъ въ самое то время, когда у насъ есть предпріятія и когда противъ непріятеля должно быть въ осторожности. Притомъ помощниковъ у меня весьма много отличныхъ, но нѣтъ никого, которому и по старшинству, и по другимъ обстоятельствамъ вмѣстѣ, я бы могъ все сдать на время отсутствія, и въ 1849 году я долженъ былъ устроить довольно трудное распоряженіе между лицами: никто не былъ назначенъ всѣмъ завѣдывать и хотя по милости Божіей все это пошло хорошо, но на подобное счастье всегда считать не возможно, и я нерѣдко въ это время очень беспокоился. Впрочемъ къ тому времени увидимъ, что обстоятельства покажутъ и что Богу будетъ угодно.

О князѣ Палавандовѣ я, кажется, уже писалъ тебѣ въ прошломъ году; я бы желалъ отъ души сдѣлать что-нибудь ему пріятное и выгодное, но запрещеніе входить съ просьбами о денежныхъ награ-

*) См. выше, стр. 329.

дахъ и арендахъ теперь еще сильнѣе прежняго, и мы получили недѣли двѣ тому назадъ такія о томъ повторенія и наставленія, что должны, хотя на время, не только не входить съ подобными просьбами, но даже останавливаться въ нѣкоторыхъ предположеніяхъ и улучшеніяхъ по краю, какъ скоро это влечетъ въ сверхсмѣтные расходы. Что же касается до мѣста для Палавандова, то одно, которое онъ можетъ здѣсь занимать и которое я очень былъ бы радъ ему доставить, какъ скоро будетъ вакансія, есть мѣсто въ главномъ здѣшнемъ Совѣтѣ, гдѣ находятся и гражданскіе чиновники; губернаторы же всѣ должны быть военные, и воля Государя на это есть рѣшительная

Ты можешь откровенно объ этомъ переговорить съ княземъ Палавандовымъ и увѣрить его не только о готовности, но и объ истинномъ желаніи моемъ видѣть его здѣсь въ службѣ, на которую онъ по опытности въ дѣлахъ и совершенному знанію края болѣе нежели способенъ и будетъ весьма полезенъ. Вакансій въ Совѣтѣ хотя теперь въ виду нѣтъ, но таковая можетъ всегда встрѣтиться, и дѣло бы тогда скорѣе сдѣлалось по общему нашему желанію, ежели бы онъ въ то время былъ не въ Москвѣ, а здѣсь; впрочемъ, я слышу, что они намѣрены пріѣхать назадъ на родину въ этомъ году и надѣюсь, что они это сдѣлаютъ.

У насъ нѣтъ ничего особеннаго кромѣ продолженія рубки лѣса въ Большой Чечнѣ. Шамиль сильно сопротивляется, но съ помощію Божіею, надѣюсь, мѣшать намъ не можетъ, и сопротивление это хотя стоитъ намъ нѣкоторую потерю людей, но по сіе время небольшую, и доказываетъ лучше всего, сколько Шамиль дорожитъ этою мѣстностію и сколько онъ боится, что плоскость Большой Чечни попадетъ къ намъ въ руки, такъ какъ это сдѣлано въ Малой Чечнѣ. Онъ привелъ для сопротивленія почти всѣ силы Дагестана. Даніель-Бекъ и Хаджи-Муратъ съ нимъ, и сей послѣдній на дняхъ ходилъ въ верховья рѣкъ Черныхъ горъ въ Малой Чечнѣ, гдѣ остались еще въ весьма трудныхъ мѣстахъ тѣ жители Малой Чечни, которые еще не покорились, и оттуда хотѣлъ ударить на какую-нибудь станицу Сунженскую или на мирныхъ нашихъ Чеченцевъ но Слѣпцовъ не дремалъ, и Козловскій послалъ за непріателемъ часть своей кавалеріи. Хаджи-Муратъ долженъ былъ уйти, не сдѣлавши совершенно ничего. Но Слѣпцовъ этимъ не довольствовался и пошелъ наказывать жителей, принявшихъ этого пришельца; въ этомъ онъ совершенно успѣлъ, но не безъ потери съ нашей стороны по особенно труднымъ мѣстамъ, по которымъ онъ долженъ былъ слѣдовать возвратнымъ путемъ послѣ сожженія и истреб-

ленія всего принадлежащаго виновнымъ противъ насъ ауламъ и хуторамъ. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли, къ общему сожалѣнію, добраго и стараго служиваго полковника Германса и служащаго въ Сунженскомъ полку сына наказнаго атамана Хомутова. Вообще же въ Чечнѣ и на Кумухской плоскости дѣла идутъ весьма хорошо, и я смѣю думать, что сѣверная часть Дагестана недолго останется въ порабощеніи сильнаго и умнаго возмутителя, съ которымъ мы имѣемъ дѣло.

На Правомъ Флангѣ я также надѣюсь, что въ этомъ году дѣла сильно подвинутся; теперь строится мостъ на Лабѣ у ст. Тенгинской, а весною пойдетъ сильный отрядъ строить укрѣпленіе, а въ послѣдствіи и мостъ съ тетъ-де-пономъ, на Бѣлой, въ 35 верстахъ отъ Тенгинской станицы. Это единственный способъ держать въ страхъ все племена Закубанскія и особливо Абазеховъ, а этимъ можно и должно уничтожить вліяніе Шамиля и его агентовъ на всѣ тамошнія мѣстности.

36.

Кисловодскъ, 20 Іюля 1851.

Ты мнѣ пишешь, и я самъ думаю, что ничто не помѣшаетъ мнѣ отправиться именно завтра на Правый Флангъ и, пробывъ тамъ нѣсколько дней, чрезъ Ейскъ въ Крымъ на настоящій отдыхъ; но здѣсь болѣе нежели на всякомъ другомъ мѣстѣ человѣкъ предполагаетъ, но не располагаетъ. Покаместъ все идетъ такъ хорошо въ Чечнѣ и за Кубанью, Шамилю вздумалось попробовать смѣлую штуку въ Дагестанѣ. Послѣ первой неудачи Омара Салтинскаго, онъ отправилъ Хаджи-Мурата съ партіею около 800 доброконныхъ черезъ Буйнаки, которые онъ разграбилъ, въ Кайтагъ и вольную Табасаранъ, гдѣ многіе или отъ страха или съ дурнымъ намѣреніемъ къ нему пристали. Князь Аргутинскій, узнавъ это на Турчидагѣ, былъ въ довольно затруднительномъ положеніи, ибо около Чоха и Согрателя находился Шамиль съ сильнымъ сборомъ. Онъ однако рѣшился идти противъ главной непріятельской операціи и, оставивъ хорошаго штабъ-офицера съ четырьмя батальонами, самъ съ пятью батальонами, съ драгунами, милиціею и проч. пошелъ черезъ Чирахъ въ Табасаранъ. Не знаю, какъ и когда это все развяжется и надѣюсь на Бога, на славное войско и опытнаго нашего начальника Дагестана; но во всякомъ случаѣ ѣхать отсель на Правый Флангъ, прежде нежели получу извѣстіе о чемъ-нибудь рѣшительномъ, невозможно, тѣмъ болѣе ежели тамъ хуже загорѣлось, надо будетъ подвинуть къ Сулагу и къ Шурѣ резервъ изъ войскъ Лѣваго Фланга. Я непременно напишу тебѣ, какъ скоро узнаю что-нибудь интересное, а

теперь скажу только, что 8-го числа князь Аргутинскій долженъ былъ выйти изъ Кумуха на Чирахъ, и что я считаю около 4-хъ переходовъ, чтобы войти въ Табасаранъ; одинъ батальонъ изъ Гельмеца на Самуръ выступилъ къ Чираху, чтобы дѣйствовать по обстоятельствамъ.

37.

Кисловодскъ, 4 Августа 1851.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я обѣщался увѣдомить тебя о развязкѣ дѣла въ Дагестанѣ прежде моего отъѣзда отсель. Теперь спѣшу написать, что все тамъ, слава Богу, кончилось такъ, какъ можно было желать и какъ можно было ожидать отъ знанія дѣла и рѣшительности князя Аргутинскаго. Отъ него прямо я еще ничего не имѣю, но по официальному отношенію Кубинскаго уѣзднаго начальника намъ извѣстно, что Хаджи-Мурадъ, ворвавшись въ Табасаранъ, успѣлъ привлечь къ себѣ часть жителей, хотя всѣ беки ему сопротивлялись; потомъ, когда войска наши пришли со всѣхъ сторонъ, то онъ началъ метаться и укрѣпилъ нѣсколько деревень; 21-го числа князь Аргутинскій взялъ съ бою четыре деревни, а 22-го атаковалъ главную, гдѣ былъ самъ Хаджи-Мурадъ, на которую жители надѣялись. Хаджи-Мурадъ однако думалъ иначе и, какъ кажется, еще прежде боя ушелъ. Деревня взята мигомъ и сожжена въ наказаніе, равно какъ и взятая наканунѣ. Часть мюридовъ защищалась съ жителями и была переколота; съ другою частью Хаджи-Мурадъ пробрался, какъ могъ, тропинками и 24-го наткнулся на одинъ нашъ батальонъ, какъ кажется, изъ отряда генерала Сулова и потомъ успѣлъ спастись, хотя со стыдомъ и съ большою потерей. О Шамилѣ я ничего не знаю; но, какъ кажется, онъ не посмѣлъ ни сдѣлать диверсію въ пользу Хаджи-Мурада и вольныхъ Табасаранцевъ, къ нему приставшихъ, ни атаковать наши войска, оставленные на Койсу кн. Аргутинскимъ. Сегодня я отправлюсь на Бѣлую и далѣе. Конечно еще лучше бы было, еслибы самъ Хаджи-Мурадъ попалъ бы къ намъ въ руки, но на это считать было бы невозможно. Довольно сильное и смѣлое предпріятіе Шамиля ни въ чемъ не удалось, и жители, къ мюридамъ приставшіе и которыхъ давно Аргутинскій хотѣлъ наказать за непокорность, теперь сильно наказаны, и главное, что когда въ Чечнѣ и на Правомъ Флангѣ для насъ все идетъ какъ нельзя лучше, новое и смѣлое предпріятіе Шамиля повернулось въ нашу пользу. Прежде нежели отправиться въ Крымъ, я тебѣ еще напишу, что я увижу и узнаю на Бѣлой. Прощай, любезный другъ; я посылаю это письмо чрезъ Булгакова не запечатанное, чтобы онъ могъ видѣть, что у насъ дѣлается.

38.

Лагерь на БѢлой, 9 Августа 1851.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я начинаю это письмо здѣсь, по кончу и отправлю оное завтра или послѣ завтра изъ Тифлисской станицы на Кубани, и тогда можетъ быть я что нибудь узнаю прямого и офиціальнаго отъ князя Аргутинскаго. Мы пришли сюда третьяго дня и съ самой Лабы, черезъ которую мы проѣхали по прекрасному мосту о трехъ аркахъ по досчатой системѣ, въ станицѣ Тенгинской я вошелъ въ край прежде мнѣ неизвѣстный. Отъ Лабы до этого мѣста около 35 верстъ; здѣсь я нашелъ укрѣпленіе почти конченнымъ на 6 ротъ и 4 сотни казаковъ; въ началѣ Сентября начнутъ строить мостъ или, лучше сказать, два моста съ укрѣпленіями для тетъ-де-пона. Вчера мы выстроили временный мостъ на козлахъ, заняли лѣсъ на лѣвомъ берегу пѣхотою, и сегодня я ѣздилъ на ту сторону версты двѣ по прекраснымъ равнинамъ за лѣсомъ. Вдали были видны Абазехскіе аулы, но ни одинъ живой человекъ не показывался; непонятно даже, какой упадокъ духа могъ быть причиною, что отрядъ здѣсь живетъ, строить крѣпость и купается въ рѣкѣ безъ всякой защиты на лѣвомъ берегу и безъ всякаго со стороны непріятеля покушенія. Еще сначала были рѣдкія перестрѣлки, но послѣ разбитія Магомета-Аминя 16-го Мая Волковымъ и кн. Эристовымъ, здѣсь уже не было ни одного выстрѣла. Разныя племена все говорятъ о необходимости покориться; но мы имъ объявили, что между БѢлою и Лабою мы не дадимъ никому селиться и что все это пространство останется пусто, по Кубани же у насъ есть земли готовыя къ услугамъ. Когда же всѣ построенія будутъ здѣсь кончены, т.-е. будущю весною, и здѣсь будетъ съ хорошимъ гарнизономъ хорошій и опытный начальникъ, то Абазехи будутъ у насъ въ рукахъ, и заднія линіи нижней Лабы и части Кубани будутъ сильно обезпечены, а нѣсколько сотенъ отличныхъ казаковъ всегда готовы, какъ резервы, для дѣйствій.

Здѣсь вообще мѣсто здоровое, вода въ рѣкѣ и въ колодцахъ отличная и въ изобиліи. До половины Іюля здѣсь не было больныхъ; но послѣ несносныхъ жаровъ не только здѣсь, но даже и въ Кисловодскѣ пошли лихорадки и отчасти поносы. При лѣченіи, введенномъ въ послѣдніе годы Андриевскимъ, лихорадки бываютъ непродолжительныя и, что всего важнѣе, рѣдко возвращаются. Почтенный генералъ Заводовскій также пострадалъ отъ жаровъ и отъ давней его болѣзни, волненія въ крови; но ему эти два дня гораздо лучше, и онъ вездѣ со мною ѣздитъ верхомъ; онъ поѣдетъ недѣли на двѣ полѣчиться въ Же-

лѣзноводскъ и потомъ прїѣдетъ назадъ сюда, гдѣ его присутствіе драгоцѣнно по совершенному его знанію дѣла и края и по совершенному уваженію и довѣренности, которыя имѣютъ къ нему всѣ здѣшніе народы.

Ст. Тифлисская, 11 Августа (1851).

Съ удовольствіемъ спѣшу прибавить тебѣ нѣсколько словъ, любезный Алексѣй Петровичъ, о дѣлахъ Дагестана. Вчера я былъ обрадованъ подробнымъ донесеніемъ князя Аргутинскаго, изъ котораго узналъ, что Хаджи-Мурадъ, пробравшись въ вольную Табасаранъ, гдѣ часть жителей присоединилась къ нему, вездѣ былъ атакованъ нашимъ отрядомъ и, потерявъ лучшихъ людей своихъ, съ частію мюридовъ бѣжалъ обратно, но и тутъ еще встрѣченъ войсками и жителями нашими и потерпѣлъ новые уроны. Съ другой стороны Шамиль со всѣмъ скопищемъ своимъ, считая отрядъ, оставленный въ Гамашіи недостаточнымъ для остановки его, сталъ дѣйствовать противъ Казикумуха, гдѣ Агаларъ-Бекъ съ милиціею и батальономъ пѣхоты опрокинулъ его; а 12-го числа генераль-маіоръ Граматинъ совершенно разбилъ всѣ скопища горцевъ около Турчидага. Шамиль бѣжалъ къ Чоху, потерявъ три значка, много убитыхъ и въ томъ числѣ 4 наиба; сборъ распущенъ, и въ Табасарани водворено полное спокойствіе: жители дѣлаютъ дороги и просѣки, которыя во всякое время сдѣлаютъ доступною нашимъ войскамъ трудную эту мѣстность.

Вообще я совершенно спокойно отправляюсь въ Алуку и смѣло могу сказать, что въ послѣдніе эти годы, по всему, что дѣлалось въ Чечнѣ, что напелъ я здѣсь и наконецъ съ послѣдними успѣхами въ Дагестанѣ, никогда дѣла наши не были въ такомъ удовлетворительномъ и блестящемъ положеніи, какъ теперь.

Князь Аргутинскій въ послѣднемъ походѣ дѣйствовалъ отлично и оправдалъ вполне высокую репутацію его въ войнѣ Дагестана. Сей часъ отправляюсь въ Ейскъ.

39.

Темиръ-Ханъ-Шура, 7-го Ноября 1851 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ, ты справедливо жалуешься на меня въ письмѣ твоёмъ 8-го Октября, полученномъ здѣсь только сегодня, что я такъ давно къ тебѣ не писалъ. Одно извиненіе была болѣзнь, постигшая меня немедленно по прибытіи въ Алуку, которая мнѣ помѣшала даже быть въ церкви при свадьбѣ сына и во время лѣченія отъ которой мнѣ тѣмъ болѣе не позволяли ни писать, ни безъ необходимости чѣмъ бы то ни было заниматься, чтобы сдѣлать меня

способнымъ къ поѣздкѣ къ Государю въ Елисаветградъ и потомъ въ Одессу для встрѣчи молодыхъ Великихъ Князей и потомъ для встрѣчи ихъ опять въ Алуцкѣ *). Между тѣмъ nolens-volens я долженъ былъ хотя съ разборчивостію и только по необходимости входить въ дѣла Кавказа и Новороссійскихъ губерній. И такъ могу сказать, что у меня ни минуты не было свободной; вмѣсто покою и отдохновенія въ Крыму, какъ я надѣялся, недѣль на шесть или болѣе, я имѣлъ всего свободныхъ пять дней между отъѣздомъ Великихъ Князей и моимъ собственнымъ отъѣздомъ изъ Алупки. Хотя еще на діэтѣ и съ предосторожностями послѣ сильной болѣзни, опять вмѣсто покою я отправился съ адмираломъ Серебряковымъ въ Новороссійскъ, тамъ осматривалъ новую дорогу черезъ горы, потомъ долженъ былъ въ Керчи вмѣстѣ съ г. Оедоровымъ хлопотать о перемѣнѣ полусумасшедшаго градоначальника, потомъ по всему теченію Кубани имѣлъ толкованіе со всѣми Закубанскими народами, а изъ Ставрополя отправился черезъ Малую Чечню, чтобы водворить сына моего съ молодою женою въ Воздвиженскомъ: онъ принялъ полкъ скоро и исправно и съ большимъ рвеніемъ принимается за дѣло. Оттуда мы пріѣхали сюда и я въ короткихъ словахъ тебѣ скажу: *первое*, что Закубанскія дѣла въ этомъ году взяли очень хорошій оборотъ; объ Чечнѣ довольно тебѣ сказать, что я привезъ дамъ (ибо жена моя и графиня Шуазель со мною) отъ Владикавказа по Сунжѣ, потомъ черезъ Урусъ-Мартанъ въ Воздвиженское и оттуда въ Грозную въ экипажахъ и большою рысью съ кавалерійскими конвоями. Въ Грозной, по желанію жены моей и моему собственному, мы были въ твоей землянкѣ, которая остается сохранною и драгоцѣннымъ памятникомъ о тебѣ. Теперь остается тебя увѣдомить о важномъ дѣлѣ, о которомъ ты можешь быть уже слышалъ, а именно о ссорѣ Шамиля съ Гаджи-Мурадомъ. Чтобы дать тебѣ ясную идею объ этомъ, я посылаю то что мы сообщаемъ въ Тифлисъ; тамъ все сказано что мы знаемъ, ни больше ни меньше. Что будетъ вполнѣдствіи, Богъ одинъ знаетъ; можетъ быть отъ этого для насъ хорошее, дурнаго же быть не можетъ. Сегодня мы получили извѣстіе, что Анцухскій наибъ, получивши повелѣніе Шамиля сдать свое наибство другому, объявилъ неповиновеніе и хочетъ ни новаго наиба, ни Шамиля къ себѣ не пускать.

Прощай, любезный другъ; мы послѣ завтра отправляемся въ Дербентъ и потомъ черезъ Баку и Шемаху въ Тифлисъ, куда надѣюсь прибыть 22-го числа.

*) Единственный сынъ князя Воронцова, князь Семенъ Михайловичъ, женился въ Алуцкѣ, въ Августѣ 1851 года на вдовѣ Алексѣя Григорьевича Столыпина, урожд. княжѣ Марѣ Васильевнѣ Трубецкой. П. Б.

40.

Тифлисъ, 17 Генваря 1852 г.

Я такъ противъ тебя виновать, любезный Алексѣй Петровичъ, въ послѣднія времена, что, собираясь писать къ тебѣ сегодня и въ это время видя письмо твое, пришедшее по почтѣ, я боялся, что ты меня будешь крѣпко бранить; а между тѣмъ я право не такъ виновать какъ бы казалось. Послѣдніе три или четыре мѣсяца я имѣлъ всякаго рода недугъ, хлопотъ и запутанныхъ дѣлъ и занятій, которые не давали мнѣ ни покоя, ни досуга. Между тѣмъ въ Декабрѣ я было оглохъ, и это продолжалось дней 8 или 10; потомъ, только что это поправилось, сдѣлалось у меня маленькое воспаленіе въ глазѣ, и опять недѣли на двѣ я нигуда не годился. Не знаю что будетъ далѣе, но теперь пока-мѣстъ я поправился и могу ѣздить верхомъ и ходить пѣшкомъ по обыкновенію. Объ дѣлахъ здѣшнихъ ты знаешь по газетамъ и потому, что я пересылалъ тебѣ черезъ Булгакова. Я былъ очень обрадованъ блистательнымъ началомъ зимней экспедиціи и хорошимъ участіемъ въ этомъ моего сына. Князь Бяратинскій оказываетъ вотъ уже года два или три хорошія военныя способности и совершенное понятіе здѣшней войны. Онъ всегда дѣлаетъ больше и лучше нежели въ инструкціи предположено. При прощаніи съ нимъ я съ нимъ условился, чтобы при рубкѣ лѣсовъ, (гдѣ найдется лучшимъ для вящаго расширенія и такъ уже большихъ полянъ Большой Чечни и доступныхъ мѣстъ и для отнятія у нихъ всѣхъ средствъ къ продовольствію и тѣмъ принуждать къ покорности или къ уходу пропадать въ горахъ) найти удобный случай занять и разорить главныя селенія и, можно сказать, теперешнюю столицу большой Чечни, Автурь. Сообразивъ свѣдѣнія и всѣ обстоятельства мѣстности, Бяратинскій исполнилъ это съ полнымъ успѣхомъ и ничтожною потерею, распорядительно и неожиданно, въ самый первый день вступленія на боевыя мѣста. 6-го числа, когда Шамиль только что собирался сдѣлать сильную защиту на рѣкѣ Басѣ и около Герменчука, онъ выступилъ въ два часа утра и прежде полдня пришелъ прямо къ Автуру; тутъ онъ поручилъ Куринцамъ съ сыномъ моимъ немедленно штурмовать это селеніе, въ которомъ было до 1000 домовъ, и это сдѣлано такъ молодечески и неожиданно по навѣсной крутизнѣ отъ рѣчки Хулхулу, что непріятель совершенно потерялся, и намъ досталось это важное селеніе съ потерею одного убитого и нѣсколькихъ раненыхъ. Занявъ Автурь Бяратинскій тотчасъ повелъ 4 батальона къ Гелдыгену, и баронъ Николай съ Кабардинцами немедленно занялъ съ бою и это важное селеніе: не менѣе 600 дворовъ. Оно тотчасъ истреблено со всѣми запасами, находящимися въ немъ, и

къ вечеру весь отрядъ былъ сосредоточенъ въ Автурѣ. Ты видѣлъ въ извѣстіяхъ съ Кавказа, какъ на другой день Барятинскій сдѣлалъ разкогносцировку къ сторонѣ Веденя и потомъ воротился въ лагерь на Аргунѣ послѣ сильного боя Куринцевъ уже съ самимъ Шамилемъ, который въ отчаяніи точно самъ бросался въ атаки и стрѣлялъ изъ ружья и потомъ въ разстройствѣ бѣжалъ со всѣмъ своимъ сборищемъ.

Истребленіе этихъ двухъ главныхъ селеній и всѣхъ запасовъ, приготовленныхъ для вспомогательныхъ сборовъ изъ Дагестана, есть дѣло важное и совершенно измѣняетъ всѣ расчеты и дѣйствія и сопротивленія на зимній походъ, который во всякомъ случаѣ долженъ продолжаться до первыхъ чиселъ Марта. Несчастные Чеченцы точно находятся въ ужасномъ положеніи, и можно надѣяться, что мы приближаемся къ развязкѣ. Между тѣмъ 18 числа, по согласію съ генераломъ Вревскимъ, Барятинскій исполнилъ то, что покойный Слѣпцовъ всегда считалъ важнѣйшимъ дѣломъ для окончанія въ Малой Чечнѣ: самъ повелъ Куринцевъ и батальонъ Эриванскій въ верховья Гойты, а Вревскій съ Кабардинцами и батальономъ Навагинскимъ или Тенгинскимъ пошелъ въ верховья Рошни. Послѣднія главные убѣжища немирныхъ истреблены, взято много плѣнныхъ и добычи всякаго рода и, все это было сдѣлано такъ распорядительно и секретно, что Шамиль во все время ожидалъ, что будетъ въ Большой Чечнѣ и не успѣлъ ни однимъ человѣкомъ помочь атакованнымъ ауламъ. Это дѣло важное и полезное; но тутъ при бочкѣ меда досталась намъ горькая ложка дегтю: храбрый и почтенный атаманъ Крюковской велъ кавалерію впереди колонны Барятинскаго, и какъ видно изъ писемъ Барятинскаго и сына моего (но оффиціального еще ничего не имѣю), не умѣрилъ шага кавалеріи, и особливо авангарда, который бросился въ главный аулъ и занялъ оный; но когда тутъ произошелъ сперва безпорядокъ, то бросился съ 10 человѣками въ середину аула и тамъ изрубленъ. Куринцы, бѣгомъ подоспѣвшіе, тотчасъ все поправили, истребили всѣхъ сопротивляющихся и, какъ выше сказано, вообще дѣло было прекрасное; но смерть Крюковскаго испортила для насъ удовольствіе. Онъ былъ всѣми уважаемъ и всѣми любимъ. Я всегда думалъ и говорилъ, что ежели бы взять изъ 1000 человѣкъ по частицѣ нужной для составленія превосходнаго атамана для линейнаго казачьяго войска, нельзя бы лучше составить, нежели это составлено натурою, опытомъ и внутренними качествами въ генералѣ Крюковскомъ. Прошу тебя сообщить Булгакову, что я пишу тебѣ о военныхъ нашихъ дѣлахъ, ибо я писать ему о томъ не успѣю; а надо, чтобы онъ это все зналъ: ибо къ нему адресуются за извѣстіями и, по неимѣнію таковыхъ, могутъ выдумывать фальшивые толки.

Ермоловъ писалъ князю Воронцову 10 Генваря 1852 г.

Булгаковъ, по порученію твоему, давалъ мнѣ читать письмо твое о Хаджи-Мурадѣ. Воображаю, сколько это досадно и можетъ быть вредно Шамилю. Одинъ изъ лучшихъ его наибова, человекъ предприимчивой, имѣющій приверженцевъ, заставитъ его быть осторожнымъ, и онъ конечно удержитъ залогомъ жену его и семейство. Власть, съ которою управляетъ Шамиль, долговременная борьба, хотя весьма невыгодная, доказываютъ, что онъ человекъ необыкновенно умный. На мѣстѣ его другой будетъ предприимчивѣе, побудитъ горцевъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, обѣщая большія выгоды въ случаѣ успѣха. Двѣ или три неудачи съ чувствительнымъ урономъ не только потрясутъ, но могутъ даже разрушить власть имама. Потерянная къ нему довѣренность можетъ уничтожить и самое его существованіе. Для этого надобно быть Даніель-Бекѣмъ. Онъ сядетъ на Русскій штыкъ, и съ нимъ исчезнетъ безобразное имамство! Этого я ожидаю и можетъ случиться въ непродолжительномъ весьма времени. Ты конечно смѣешься надо мною, что я не скорѣе ожидаю этого дѣйствія прямо отъ оружія нашего. Я не буду противорѣчить тебѣ; но конечно весьма много способствуетъ тому жестокая власть Шамиля, давно замѣтившая *снѣжною* фанатизмъ религіозный.

Перейду къ другому предмету, къ слухамъ. Вскорѣ ожидается юбилей военного министра; къ нему присоединится твой юбилей и, говорятъ, что приготавливаются два фельдмаршальскіе жезла. Это согласно съ общимъ ожиданіемъ и если изрѣдка слышится разсужденіе, оно тебя не касается. Тебѣ подносится какъ принадлежащее!

Сюда вскорѣ ожидается генералъ Реадъ, котораго, не знаю на какомъ основаніи, выдаютъ подъ названіемъ твоего помощника. Не думаю, чтобы ты имѣлъ въ таковомъ нужду, и ты можешь дѣлать ихъ изъ подчиненныхъ, во множествѣ отлично способныхъ и конечно болѣе знакомыхъ со страной и обстоятельствами. Впрочемъ, можетъ быть, это было собственное твое желаніе; а если нѣтъ, то конечно князь Паскевичъ участвовалъ въ его назначеніи.

Не видывалъ я Слѣпцова, но какъ жалѣлъ о потерѣ храбраго! Горько пасть молодцу отъ пули подлаго Чеченца! Не одну можемъ мы считать подобную утрату. Ты лучше многихъ знаешь это, служа на Кавказѣ во время славнаго Циціанова, котораго дѣла, по мѣрѣ ничтожныхъ средствъ, кажутся неимоверными. Имя, данное станицѣ, есть награда, за которую надобно пасть на колѣна предъ Императоромъ. Это сотворитъ не одного Слѣпцова въ послѣдствіи.

41.

Тифлисъ, 18 Февраля 1852 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я никакъ не могъ написать тебѣ съ послѣднею почтою. Мы три дня тому назадъ офиціально получили Георгіевскій крестъ для Семѣна Михайловича. Моженъ себѣ вообразить, что для меня было очень пріятно видѣть на сынѣ моемъ тотъ же самый крестъ и въ томъ же самомъ краѣ, гдѣ я получилъ оный 48 лѣтъ тому назадъ. Дѣла въ Чечнѣ идутъ какъ нельзя лучше. Барятинскій дѣйствуетъ и смѣло, и распорядительно, знаетъ совершенно и край, и образъ тамошней войны, любимъ войскомъ, жителями и даже непріимыми, которыхъ онъ успѣлъ увѣрить, точно такъ какъ сдѣлалъ покойный Слѣпцовъ, что онъ ихъ первый защитникъ и благодѣтель, какъ скоро они являютъ покорность. Жаль, что зимою надо размѣрять сроки для дѣйствій по возможному приготовленію особливо сѣна. Я первый началъ требовать, чтобы все сѣно приготовлено было и закуплено, хотя иногда и большими цѣнами, но такъ, чтобы не менѣе двухъ мѣсяцевъ можно было дѣйствовать въ чужой землѣ; такъ было въ прошломъ году, и такъ оно есть и теперь. Но ежели бы было возможно остаться тамъ до Апрѣля мѣсяца, то Чечня Большая въ этомъ же году, можетъ быть, была бы совершенно покорена; впрочемъ, и такъ результаты уже большіе и до начала Марта будутъ еще болѣе. Окончивъ между Воздвиженскимъ и Автуромъ, Барятинскій перешелъ съ отрядомъ внизъ по Аргуну близъ бывшаго селенія Тепли въ 15 верстахъ отъ Грозной. Лагерь расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки, мосты сдѣланы, и оттуда всякій день ходятъ на рубку, также въ дирекцію на Автуръ, такъ что вся эта сѣверная часть Большой Чечни, гдѣ лѣсовъ гораздо менѣе (и тѣ болѣе островками среди полянъ), совершенно отнята у непріятеля, и въ оной пахать, сѣять или косить невозможно имъ будетъ безъ нашего позволенія. Въ этихъ мѣстахъ Шамилю съ своимъ сборомъ трудно противиться нашимъ операціямъ, рубки дѣлаются почти безъ сопротивленія, а иногда вовсе безъ выстрѣла; когда же они что-нибудь пробуютъ, то всегда неудачно.

Третьяго дня мы получили извѣстіе объ одномъ блистательномъ дѣлѣ трехъ сотенъ казаковъ подъ командою Лорисъ-Меликова, которыя бросились на сильную Тавліяскую партію подъ командою сына Шамиля, показавшуюся съ намѣреніемъ преслѣдовать колонну, окончившую въ этотъ день рубку. Изъ приказовъ, изъ которыхъ я на всякій случай посылаю тебѣ здѣсь одинъ экземпляръ, ты увидишь подробности кроваваго, но славнаго дѣла ген. Сулова, который съ молодецкою

рѣшимостью уничтожилъ совершенно сильное скопище всѣхъ абрековъ изъ Дагестана, пришедшихъ волновать Кайтахъ и Табасаранъ и тѣмъ надолго успокоилъ весь тотъ край. На правомъ же флангѣ и за Кубанью совокупное движеніе генерала Евдокимова, адм. Серебрякова и генерала Рашпиля не можетъ не имѣть также большихъ результатовъ.

Отвѣтъ на письмо съ описаніемъ подвиговъ князя А. И. Барятинскаго, Ермоловъ писалъ 11 Февраля 1852 года.

Князь Барятинской, по истинѣ храбрый и предприимчивый офицеръ, и на посту имъ занимаемомъ не упуститъ случая воспользоваться обстоятельствами, и ты имѣешь въ немъ неуспынаго лейтенанта. Хорошаго также ты избралъ ему помощника. Не помышляя говорить комплимента отцу, скажу, что давно уже знаю я сына твоего офицеромъ блистательно смѣлымъ; отъ всѣхъ это слышу; не менѣе многихъ вѣрю моему Клавдію, который нерѣдко бывалъ свидѣтелемъ и разумѣетъ, что такое храбрость, чѣмъ и самъ приобрѣлъ его расположеніе къ себѣ. Всегда съ большимъ удовольствіемъ я его выслушиваю.

Говоря о службѣ твоего сына, всегда вспомню обстоятельство, сдѣлавшее на меня очень досадное впечатлѣніе. У князя Кутузова былъ зять князь Кудашевъ, офицеръ исполненный военныхъ способностей. Получаемыя имъ награды и тѣ даже, которыя бывали ниже оказанныхъ имъ заслугъ, нерѣдко относились къ сильному покровительству. Это самое можетъ происходить съ твоимъ сыномъ, и мнѣ досадно за молодаго Воронцова, которому, какъ молодцу, многое должно принадлежать по строгой справедливости.

Можно поздравить тебя, любезный князь, съ цѣлымъ рядомъ блистательныхъ успѣховъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Ты можешь сказать подобно великому Суворову: „У меня и Розенбергъ бьетъ“. Ты угадаешь что я говорю о *Суловѣ*. Знаменитость его останется незабвенною!

Давно слышу о желаемомъ тобою увольненіи въ отпускъ; разумѣю какъ велики твои права на то и сколько можетъ быть полезнымъ для тебя отдохновеніе, особенно послѣ болѣзни твоей въ Крыму; вчера же утверждали достоверно, что фельдъ-егерь провезъ тебѣ увольненіе на шесть мѣсяцевъ и вмѣстѣ Георгіевской крестъ князю Семену Михайловичу. Скажи ему въ письмѣ своемъ, что я отъ души поздравляю его съ этою лестною наградою *). Не могъ отыскать ленточки, чтобы послать ему по обычаю старшихъ кавалеровъ: едва ли не старшаго изъ кавалеровъ; ибо между служащими одинъ князь И. Леонт. Шаховской, въ одно время со мною получившій за взятіе Праги Суворовымъ.

*) Князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ послалъ тотъ самый Георгіевскій крестъ, который получилъ былъ дѣдомъ его графомъ Семеномъ Романовичемъ за Кагулъ.

42.

Тифлисъ, 24 Марта 1852 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ, отъ тебя въ первый разъ слышу я о юбилеѣ *тысячелѣтія* Россіи: всѣ наши историки назначаютъ на то 1862 годъ. Но вчера я читалъ въ «Кавказскомъ Вѣстникѣ» статью, доказывающую, что это расчисленіе было ошибочное и что эта любопытная эпоха точно въ текущемъ 1852 году. Теперь, говорятъ, другіе ученые и объ этомъ спорятъ, и весьма легко спорить о вещахъ, о которыхъ ничего вѣрнаго не знаютъ; но какъ скоро есть о томъ споръ, то лучше выиграть десять лѣтъ и объявить именнымъ указомъ, что *тысячелѣтіе* великой Имперіи должно быть признано и праздновано въ 1852 году.

43.

Тифлисъ, 2-е Апрѣля 1852 г.

Христосъ Воскресъ!

Фельдъегерскаго корпуса капитанъ Иностранцевъ отдастъ тебѣ это письмо, любезный Алексѣй Петровичъ; онъ мнѣ сказалъ, что онъ желалъ и безъ того быть у тебя и былъ у тебя въ старину здѣсь въ Тифлисъ. Онъ мнѣ привезъ наканунѣ праздника, какъ это ему было приказано, Высочайшій рескриптъ съ титуломъ свѣтлости. Вы вѣрно уже копію изъ этого рескрипта получили изъ Петербурга. Я долженъ быть благодаренъ за лестныя слова этого рескрипта и за то, что наконецъ вспомнили о *50-лѣтіи* моей службы военной, не говоря уже о томъ, что три года до того служилъ я по гражданской. Благодаря за эту милость, я имѣлъ удовольствіе донести о новомъ подвигѣ храбрыхъ моихъ Куринцевъ. Князь Барятинскій пріѣхалъ въ Тифлисъ по дѣламъ службы, и сынъ мой пріѣхалъ насъ навѣстить и оставить здѣсь жену до времени, когда онъ опять пріѣдетъ, чтобы ѣхать съ нами въ Боржомъ. — Можно полагать, что послѣ двухъ мѣсяцевъ безпрестанной драки и видя отсутствіе начальника фланга и того полка, который къ нимъ ближе и безпрестанно съ ними дерется, Чеченцы не были въ полной осторожности. Генералъ Меллеръ-Закомельскій, командующій въ отсутствіи Барятинскаго, воспользовался этимъ и секретнымъ ночнымъ движеніемъ напалъ съ разсвѣтомъ на хуторъ наибо Талгика; гдѣ всегда находились двѣ пушки, уже нѣсколько лѣтъ довѣренныя ему Шамилемъ. Двѣ роты Куринцевъ съ храбрымъ маіоромъ Оглобжію и капитаномъ Мансурадзевымъ ворвались на дворъ Талгика, перелѣзли чрезъ всѣ препятствія, взяли обѣ пушки и привели ихъ благополучно, хотя съ дракою, до полянки, гдѣ самъ Меллеръ съ двумя батальонами былъ

готовъ ихъ принять и въ случаѣ нужды помочь, и съ этого уже мѣста пошли съ своими трофеями безъ выстрѣла до Воздвиженской. Самъ наибъ успѣлъ спастись, но значекъ его и принадлежащее ему домашнее имущество остались въ рукахъ побѣдителей. Потеря наша убитыми и ранеными менѣе 100 человекъ, между коими ранено 8 офицеровъ. Вообще въ здѣшнихъ старыхъ полкахъ и, можетъ быть, еще болѣе въ Куринскомъ, офицеры составляютъ во время опасности какъ будто переднюю шеренгу передъ своими частями. Эту потерю нельзя считать большою въ сравненіи съ важностію этого дѣла.—Можно вообразить, какъ приметъ Шамиль своего наиба. Мы давно зубы востригли на эти двѣ пушки, но удивительная осторожность, съ которою они употребляютъ орудія, не позволяла намъ ими завладѣть.—Въ 1848 году отъ гальваническаго взрыва одна изъ этихъ пушекъ была на воздухъ, и самъ Талгикъ былъ сброшенъ, покрытъ землею и потерялъ часть своего оружія; но это было ночью; управляющій гальванизмомъ, будучи въ низкомъ мѣстѣ, не увидѣлъ взрыва, думалъ, что зарядъ отказался и такъ донесъ резерву, который былъ всегда готовъ бѣжать къ мѣсту взрыва. Мнѣ же тогда объ этомъ доложили только по утру, и Чеченцы уже успѣли съ разсвѣтомъ собрать и увезти разломанное свое орудіе. Теперь не только эта пушка, но и обѣ стоятъ благополучно въ Воздвиженской.

Теперь предстоитъ задача, произведутъ ли кн. Чернышева (давно свѣтлѣйшаго) въ его юбилей? Ежели произведутъ мимо меня, то это будетъ для меня большая услуга: ибо тогда могу и долженъ безъ всякаго могущаго быть упрека пойти на покой совершенный и тѣмъ продлить хотя немного жизнь, и то самымъ пріятнымъ и безукоризненнымъ образомъ.

44.

Тифлисъ, 18-го Мая 1852 г.

Я много виноватъ передъ тобою, любезный Алексѣй Петровичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на письмо твое съ добрымъ нашимъ Клавдіемъ, отъ 10 Апрѣля; но ей Богу, какъ будто нарочно столько былъ погруженъ въ обыкновенныя и необыкновенныя дѣла и бумаги и столько долженъ былъ видѣть и толковать съ людьми всякаго рода и племени, которые, зная, что я отъѣзжаю отсель на нѣсколько мѣсяцевъ, не даютъ мнѣ покоя по разнымъ дѣламъ, что не имѣлъ и не имѣю минуты свободы и сегодня бы еще не могъ тебѣ писать, ежели бы не рѣшился взять хотя четверть часа изъ нужнаго времени для прогулки, дабы не уѣхать изъ Тифлиса не напцсавши тебѣ нѣсколько строкъ. Я уѣзжаю

послѣ завтра, сперва въ Осетію, чтобы осмотрѣть то, что уже сдѣлано на будущей нашей резервной дорогѣ чрезъ Осетинскія горы въ объѣздѣ Казбека и теперешней Военно-Грузинской дороги. Я проѣду съ перевала у деревни Гаки, гдѣ уже у насъ есть маленькое укрѣпленіе и открыто арбенное сообщеніе у Цхинвала, оттуда я поѣду на новую Имеретинскую дорогу, такъ называемую Улескую, которая оставляетъ влѣво затрудненія Сурамскаго перевала и ущеліе двухъ рѣкъ и соединится со старой дорогой у станціи Квирильской; пробывъ потомъ два дня въ Кутаисѣ, я поѣду въ Боржомъ на воды, которыя надѣюсь пить шесть недѣль сряду и оттуда на досугъ пошлю тебѣ подробное описаніе мѣстности и выгодъ двухъ вышеозначенныхъ новыхъ дорогъ, изъ коихъ Имеретинская должна быть готова въ началѣ будущаго года.

Сейчасъ получилъ отъ Булгакова твою записку на счетъ Хаджи-Мурада. Я объ немъ много напишу тебѣ на досугъ; скажу тебѣ теперь только, что побѣгъ его не былъ *prémédité* сначала, какъ это многіе думаютъ, а произошелъ отъ порыва дикой и буйственной души и видя себя въ положеніи фальшивомъ и неприличномъ, подъ сильнымъ подозрѣніемъ отъ многихъ и съ половиною только довѣренностію отъ меня. А впрочемъ конецъ для насъ былъ самый счастливый и для меня избавленіе тяжелой и весьма неприятной отвѣтственности. Съ Шамилемъ онъ бы не ужился на долго, но, можетъ быть, на время бы помирился и былъ бы для насъ немаловажной причиной безпокойства. Человѣка ему подобнаго въ Дагестанѣ нѣтъ, не было кромѣ Ахверды-Магома, убитаго въ 1844 году и, кажется, не будетъ.

45.

Коджоры, 25 Іюля 1852 г.

Я получилъ дня три тому назадъ письмо твое, любезный Алексѣй Петровичъ, отъ 3-го Іюля и спѣшу тебя за оное благодарить. Изъ Боржома, гдѣ я былъ шесть недѣль, я не писалъ къ тебѣ болѣе потому, что ждалъ развязки весьма важнаго для насъ дѣла на Лезгинской линіи, а въ послѣдніе дни не имѣлъ ни минуты свободной: ибо, кончивъ воды, я поѣхалъ въ Ахалцыхъ, на угольные копи, недавно вблизи найденныя и въ Ахалхалаки, гдѣ я до того еще не былъ; потомъ изъ Гори поѣхалъ въ Уплисъ-цихе, гдѣ прелюбопытныя древнѣйшія пещеры, по увѣреніямъ ученыхъ троглодическія, былъ у старика Еристова въ Атенахъ и оттуда на стеклянный заводъ Элизбара Еристова, единственный за Кавказомъ и вверхъ по Атенскому ущелію до прекрасной старинной церкви Сіона, не меньше въ размѣрѣ Тифлисской

и весьма примѣчательной конструкціи. Оттуда я поѣхалъ въ Тифлисъ по новой дорогѣ по правому берегу Куры, которая будетъ почтовая, какъ скоро будутъ готовы около Гори строящіеся два моста, одинъ выше, другой ниже впаденія Ляхвы. Изъ Тифлиса же, чтобы уйти какъ можно скорѣе отъ несносныхъ жаровъ, я пріѣхалъ сюда на Коджоры, куда еще въ 1846 году я перенесъ часть весьма плохихъ строеній, сдѣланныхъ моими послѣдними предметниками въ Пріютѣ, по дорогѣ отъ Тифлиса въ Манглисъ: они всегда тамъ проводили часть лѣта съ большимъ безпокойствомъ для себя и для всѣхъ имѣющихъ съ ними дѣла. Отъ Тифлиса до Пріюта болѣе 35 верстъ по ужасно дурной дорогѣ; поѣхать туда и воротиться въ одинъ день почти невозможно и останавливаться тамъ негдѣ, кромѣ казенныхъ домишекъ и баракъ, сдѣланныхъ для штаба, канцеляріи и адъютантовъ.

Между тѣмъ я узналъ, что въ урочищѣ Коджоры, въ 12 верстахъ отъ Тифлиса Грузинскіе цари любили имѣть лѣтній лагерь; климатъ здѣсь лучше нежели въ Пріютѣ, а такъ какъ я не хотѣлъ опять строить здѣсь дома и помѣщеній, то я перевелъ только часть меньше другихъ гнилую, принадлежавшую лично покойному Нейдгарту; а съ казенною землею около 100 десятинъ у этого урочища я сдѣлалъ то, что мнѣ такъ удалось 20 лѣтъ передъ тѣмъ на южномъ берегу Крыма съ урочищемъ Магарачемъ: роздалъ участки въ 5 или 6 десятинъ съ условіемъ что-нибудь выстроить и что-нибудь посадить, и составила прекрасная колонія, около 20 маленькихъ имѣній, 1½ ч. верхомъ шагомъ отъ Тифлиса, поправилъ дорогу, ведущую сюда, такъ что можно пріѣзжать въ экипажахъ, и это мѣсто сдѣлалось общее спасеніе для желающихъ избѣгнуть Тифлисскій жаръ, и большая часть строителей отдаетъ эти дома въ наемъ съ весьма болѣею выгодною противъ суммы, употребленной на постройку. Сынъ мой былъ одинъ изъ первыхъ, который взялъ участокъ и выстроилъ и посадилъ хорошій садъ; жена его теперь тутъ живетъ и будетъ жить до конца Августа, а потомъ поѣдетъ въ Тифлисъ, гдѣ надѣется родить въ Ноябрѣ. Сынъ мой на дняхъ отправляется въ полкъ и воротится въ Тифлисъ въ концѣ Октября.

Вотъ все, что касается до меня и до моихъ. О дѣлахъ военныхъ и прочее ты увидишь всѣ подробности въ газетахъ; по милости Божіей все шло и идетъ хорошо, и всѣ предпріятія Шамиля и его наголовъ кончились къ ихъ общему стыду и къ нашей большой выгодѣ. Всего примѣчательнѣе и полезнѣе что случилось на Лезгинской линіи, гдѣ глупое и совершенно несчастное предпріятіе Даніель-Бека дало намъ и возможность, и рѣшительную волю кончить важнѣйшее дѣло

переселенія на плоскость всѣхъ жителей верхнихъ магаловъ. Я еще въ 1850 г., будучи на мѣстѣ, видѣлъ необходимость этого дѣла, но такъ какъ мѣра казалась крутая, и по другимъ обстоятельствамъ, не могъ это выполнить. Теперь Даниель-Бекъ самъ далъ на то сильный поводъ и дѣло сдѣлано въ пять или шесть дней безъ всякой съ нашей стороны потери; около 1.500 дворовъ, живущіе въ 15 деревняхъ, перешли и сами помогали истребить свои селенія, проклиная Даниель-Бека, но сами признаютъ, что оставаться тамъ имъ невозможно. Кромѣ лѣтняго времени мы ихъ защищать не могли, а они принуждены были помогать всѣмъ качагамъ и партіямъ непріятельскимъ, идущимъ или сильно, или слабо для грабежа на плоскость; а еще кромѣ того они платили ежегодно Даниель-Беку 12.000 рублей, которые онъ дѣлилъ съ Шамилемъ. По всѣмъ извѣстіямъ Шамиль ужасно сердится на Даниель-Бека за его необдуманное предпріятіе и весьма растревоженъ потерю цѣлаго края, коего жители по принужденію ему во всемъ помогали и хоть намъ платили положенную подать, но ему платили больше.

О сынѣ генерала Ховена я достану и пришлю тебѣ справку и все сдѣлаю возможное по твоему желанію и для утѣшенія почтеннаго его отца.

46.

Ейскъ, 13-го Сентября 1852-го года.

Любезный Алексѣй Петровичъ. Я думалъ, что изъ Ейска найду минуту свободно и подробно писать къ тебѣ; но здѣсь, какъ почти вездѣ, въ этомъ опять ошибся черезъ большое количество людей всякаго рода и званія, которые меня ожидали и въ эти два дня ко мнѣ прѣхали; не хочу однакоже выѣхать изъ Кавказа, не написавъ тебѣ нѣсколько словъ и отвѣчать хотя на два или три пункта твоихъ послѣднихъ писемъ. По дѣлу Ховена посылаю тебѣ справку изъ корпуснаго штаба и прибавлю только, что кромѣ милостиваго обѣщанія начальника штаба я самъ займусь этимъ дѣломъ и коли нельзя, какъ кажется, кончить мягче, то по крайней мѣрѣ по желанію твоему я постараюсь доставить ему случай подраться рукопашно съ Чеченцами, заслужить опять производство и, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ.—Объ Дуровѣ я сдѣлаю все, что могу, и изъ Крыму напишу тебѣ то, что покажется возможнымъ и кому о немъ писать, лишь бы только не старому твоему пріятелю Закревскому, съ которымъ я всякой переписки убѣгаю какъ огня. Я ему писалъ, даже дружески, насчетъ несчастнаго генерала Нестерова, но кромѣ глупыхъ формальныхъ бумагъ ничего отъ него не получилъ и не знаю даже, удостоилъ ли онъ когда-нибудь своимъ визитомъ этого всѣми лю-

бимаго и всегда отличавшагося Кавказскаго воина. Ты можешь на меня сердиться, но скажу тебѣ, что пріятель твой могъ бы быть хорошимъ комиссаріатскимъ чиновникомъ, а по безрыбью и порядочнымъ дежурнымъ генераломъ, но онъ не рожденъ и не воспитанъ быть генераль-губернаторомъ въ Москвѣ, даже въ теперешнемъ фабричномъ положеніи этого древняго города. — Дурова я теперь видѣлъ въ Кисловодскѣ, и онъ знаетъ, что я все сдѣлалъ, что могу въ его пользу.

Боржомскія воды точно первый поднялъ въ нѣкоторую извѣстность генераль Головинъ; послѣ него онѣ были брошены до моего пріѣзда. Посѣтивъ ихъ проѣздомъ въ Ахалцыхъ въ 1845 году, я велѣлъ выстроить тамъ галерею; въ прошломъ году и въ теперешнемъ я пробылъ тамъ по шести недѣль. И воды, и мѣстность чудесны; тамъ строится цѣлый городъ, и со всѣхъ сторонъ просятъ о мѣстахъ для построения и мѣстахъ для хуторовъ на противоположномъ берегу Куры. Порывъ такой, что это стоитъ особаго о Боржомѣ письма, въ которомъ я тебѣ расскажу и о Боржомѣ, и объ удивительныхъ водахъ, и заведеніяхъ близъ Стараго Юрта и Сунженской станицы, Михайловской. — Объ Лещенкѣ скажу тебѣ, что о немъ хорошаго мнѣнія, что доказывается его производствомъ въ генералы изъ комендантовъ и бригадныхъ командировъ линейныхъ батальоновъ, хотя не имѣлъ случая ни одного раза быть въ дѣлѣ. Я буду стараться его окуражить, но въ этомъ году трудно придаться къ чему-нибудь, чтобы его представить.

Я читалъ съ большимъ удовольствіемъ что ты писалъ о переселеніи жителей верхнихъ магаловъ; надѣюсь, что это дѣло будетъ полезное, и нельзя не радоваться, что оно сдѣлано такъ легко и безъ всякаго пролитія крови. Такъ какъ мнѣ сегодня не остается уже пяти минутъ для окончанія этого письма, то я прошу тебя послать къ Булгакову за письмомъ, въ которомъ я ему описываю прогулку мою 28-го Августа по Большой Чечнѣ. Это была для меня преутѣшительная экспедиція и также тѣмъ болѣе, что мы не потеряли ни одного чело-вѣка. Это тебя удивитъ, когда ты посмотришь на картѣ, гдѣ мы безпрепятственно ходили, какъ перешли черезъ рѣку Бассъ, раздавали кресты за прежнія дѣла, стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ и ружей за здоровье Государя и какъ проходили мимо меня церемоніальнымъ маршемъ съ музыкой и развернутыми знаменами всѣ пять батальоновъ Куринскаго полка, весь Гребенской полкъ, весь Донской № 19 и 12 орудій. А ты, какъ превосходный и опытный военный чело-вѣкъ, усмотришь поэтому, что, не смотря на слишкомъ многочисленныя наши гарнизоны по укрѣпленіямъ, я могъ въ два дня собрать такой ре-

зервь для прогулки, но которая бы могла сдѣлаться настоящей экспедиціей и съ вѣрнымъ успѣхомъ для насъ, ежели бы Шамиль, который очень хорошо слышалъ нашъ *feu de joie* *), захотѣлъ намъ помѣшать. Мнѣ нужно было видѣть своими глазами работы и результаты трехъ зимнихъ экспедицій и то, что я видѣлъ, далеко превзошло мои ожиданія.

Объ Эйскѣ уже я не имѣю времени говорить. Четыре года тому назадъ мы съ Заводовскимъ искали мѣсто для этого города, а теперь уже въ немъ десять тысячъ жителей, законно приписанныхъ, три тысячи ожидающихъ разрѣшенія приписаться, болѣе 600 домовъ и 17 кирпичныхъ заводовъ для построенія новыхъ. Прощай, любезный другъ; я буду писать тебѣ еще изъ Крыма, гдѣ надѣюсь найти жену мою. Сажусь сегодня на пароходъ; надѣюсь быть завтра въ Бердянскѣ, послѣ завтра въ Керчи, а 16-го числа въ Алупкѣ.

Это письмо было отвѣтомъ на то, что писалъ Ермоловъ:

Благодарю за письмо, въ которомъ сообщашь объ экспедиціи противъ Даніель-Бека со стороны прежнихъ его владѣній. Привыкъ я видѣть, что предпріятія оканчиваются всегда согласно съ желаніемъ; но на сей разъ есть обстоятельство новое и весьма замѣчательное. Переселеніе 1.500 семействъ безъ выстрѣла есть дѣло необыкновенное, и конечно ничто столько не обнаруживаетъ дѣйствія нравственной силы. Тутъ не были въ употребленіи огромныя военныя средства. Новые переселенцы, безъ затрудненія доступные, теперь по необходимости, можетъ быть, сдѣлаются менѣе мошенники. Весьма ощутительны успѣхи оружія нашего, быстро идущее внутреннее благоустройство края или, можно сказать, новое данное ему бытіе, и воображаю, какимъ чувствомъ исполняется душа твоя, какъ виновника всему, и можно ли удивляться, что есть завидующіе твоему положенію? Не понимаю я Даніель-Бека, какъ не ослабѣваетъ онъ въ предпріятіяхъ, всегда наказываемый пораженіемъ, ни разу не ободренный удачею. Характеръ замѣчательный! Жаль, что предмѣстники твои не умѣли извлечь изъ него пользы.

Здѣсь минуту видѣлъ я генерала Головина, который съ восхищеніемъ рассказывалъ мнѣ, что ты хвалишь Боржомскія воды, обязанныя ему своею извѣстностію. Говорилъ мнѣ также о послѣдней экспедиціи по извѣщенію отъ тебя.

Позволь мнѣ сказать слово о генералъ-маіорѣ Лещенко, бригадномъ командирѣ линейныхъ баталіоновъ за Кубанью. Онъ въ мое время былъ старшимъ адъютантомъ въ корпусномъ штабѣ, послѣ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при Вельяминовѣ на Линіи, былъ офицеръ отлично-расторопный, усердно исполнявшій разныя порученія и изъ числа тѣхъ, которымъ знакомы письменныя дѣла. 40 лѣтъ на Кавказѣ; но по наградамъ его вижу,

*) Веселая стрѣльба.

что онъ позади всѣхъ, что и заставляетъ меня думать, что онъ подпалъ невыгодному замѣчанію. Если я обманываюсь въ догадкахъ, то по усмотрѣнію твоему, почтенный князь, улади ему его служеніе. Быть не можетъ, чтобы онъ былъ всѣхъ хуже на Кавказѣ; а назначенія его не видныя не онъ избираетъ. Я хлопочу за сослуживца, а таковыхъ повсюду остается у меня весьма немного.

Сегодня, какъ слышно, назначено празднованіе юбилея военнаго министра, и приверженцы его дѣлаютъ большія приготовленія. Собираются деньги по подпискѣ. Посмѣетъ ли кто не желать участвовать въ высокомъ торжествѣ? Вѣроятно ожидаетъ его огромная награда. Конечно ты обо всемъ узнаешь лучше меня; но и я написалъ бы, если бы ты не былъ въ разлѣздахъ.

Москва, 25 Августа 1852.

47.

Тифлисъ, 22 Генваря 1853 г.

Я такъ давно къ тебѣ не писалъ, любезный Алексѣй Петровичъ, что я даже стыжусь начинать сегодня это письмо и даже не знаю, какъ начать; давно также не имѣю отъ тебя ни слова, но имѣю отъ добраго Клавдія о тебѣ извѣстіе и отъ проѣзжающихъ черезъ Москву я знаю, что ты здоровъ. Последнія двѣ или три недѣли я останавливался писать, ожидая всякій день извѣстія о первыхъ дѣйствіяхъ князя Бяратинскаго въ Большой Чечнѣ; но по причинамъ, которыя я считаю весьма хорошими, Бяратинскій отложилъ начало своихъ дѣйствій недѣли на три; я думаю, что онъ теперь начинаетъ и, ежели будетъ что-нибудь важное, то я тебя увѣдомлю. Одна изъ причинъ, помѣшавшихъ мнѣ тебѣ писать, было безпрестанное непріятное безпокойство на счетъ жены сына моего; признаковъ теперь меньше, нежели было въ началѣ лѣта, но должна быть какая-нибудь женская болѣзнь, которую здѣсь никто не понимаетъ; а всѣ совѣтуютъ ей ѣхать въ Парижъ къ первому, какъ говорятъ, въ Европѣ доктору по женскимъ болѣзнямъ, *Шомель*. Я долженъ былъ послать на дняхъ просьбу Государю Императору объ отпускѣ Семена Михайловича на четыре мѣсяца, чтобы отвезти жену свою въ Парижъ. Сынъ мой въ отчаяніи и по потерѣ надеждъ своихъ, и потому, что долженъ быть въ отлучкѣ отъ полка, и то еще въ самое время зимнихъ дѣйствій; но оставить жену въ такомъ положеніи и физическомъ, и моральномъ совершенно невозможно, и надо покориться волѣ Божьей. Они отправляются на дняхъ въ Одессу и тамъ будутъ дожидаться разрѣшенія изъ Петербурга. Семенъ Михайловичъ оставитъ жену въ Парижѣ и возвратится сюда.

Дѣла наши идутъ довольно хорошо, непріятель вездѣ ослабѣваетъ, распри и неудовольствія между ними усиливаются, и въ Большой Чечнѣ дѣлается сильный поворотъ въ нашу пользу, такъ что можно полагать, что на подобіе Малой Чечни вся плоскость Большой будетъ въ нашихъ рукахъ. Барятинскому предложено въ эту зиму очистить Мичикъ, прикрывать переселенія жителей въ наши границы и дѣйствовать по обстоятельствамъ. О томъ что дѣлалось лѣтомъ въ Дагестанѣ и на Лезгинской линіи я тебѣ писалъ въ прежнихъ письмахъ. На возвратномъ пути изъ Крыма (гдѣ я былъ все время очень нездоровъ и насилу могъ пріѣхать въ Севастополь для свиданія съ Государемъ) мы проѣхали по восточному берегу Чернаго моря; изъ Анапы мы пошли берегомъ черезъ фортъ Раевскій въ Новороссійскъ, а изъ Новороссійска я ходилъ съ отрядомъ въ землю Натухайцевъ. Мы почевали въ долинѣ Адагумъ и, кромѣ пустой перестрѣлки съ цѣпями, непріятель не показывался; потомъ опять моремъ до Сухума, а оттуда съ большимъ удовольствіемъ я могъ сдѣлать въ первый разъ поѣздку сухимъ путемъ по новой дорогѣ до Редута, которую шесть лѣтъ готовили и въ которой мнѣ много мѣшали глупости и неумѣніе прежнихъ офицеровъ путей сообщенія. Теперь это дѣло, можно сказать, кончено: съ 1-го Мая сего года будутъ почтовые станціи между Сухумомъ и Редутомъ и также по новой дорогѣ отъ Кутаиса въ Карталинію, называемую Уманскою, но которую я называю Митрополитскою, потому, что Имперетинскій митрополитъ еще въ 1845 году совѣтовалъ мнѣ эту дорогу вмѣсто ужасной и безпрестанно починающейся дороги; но, при прежнихъ начальникахъ округа гг. Эспехо и К. ничего невозможно было сдѣлать. Тогда можно будетъ надѣяться, что коммерческія и другія сообщенія отъ Тифлиса до Чернаго моря будутъ совсѣмъ на другой ногѣ; о сію же пору положеніе ихъ служило для насъ стыдомъ. Скажу тебѣ еще вещь довольно интересную для здѣшняго края, а именно, что пароходство съ успѣхомъ заведено по Курѣ: пароходъ въ 60 силъ пришелъ изъ Каспійскаго моря до Мингичаура и будетъ постоянно служить на Курѣ. Вотъ все, что я могу тебѣ сказать немножко новаго.

1 Іюня 1853 года Ермоловъ писалъ своему устарѣлому, но все еще дѣятельному пріятелю:

Князь Бебутовъ, пробывши здѣсь два или три дня болѣе нежели предполагалъ, сообщилъ мнѣ много любопытныхъ свѣдѣній или поправилъ мои прежнія не во всемъ основательныя о странѣ, часто воспоминаемой мною. Нерѣдко рассказы его казались мнѣ о чемъ-то мнѣ незнакомомъ: такъ перемѣнился Кавказъ, принявшій видъ устройства и порядка, что говорили мнѣ весьма многіе, но не съ такою основательностію и знаніемъ обсто-

ательствъ. Не стану говорить о созданномъ тобою Европейскомъ Тифлисѣ, когда уже глухой и мрачный Владикавказъ сдѣлался красивымъ городомъ, охватившимъ оба берега Терека.

Пріятно мнѣ было свиданіе съ княземъ Бебутовымъ и встрѣтить въ немъ чувства ко мнѣ долгое время служившаго вмѣстѣ и по должности близкаго мнѣ человѣка. Мало весьма могъ я сдѣлать ему пользы; но ты, важными по службѣ порученіями, занимаемою имъ значительною должностью, обнаружилъ его способности, сдѣлалъ его извѣстнымъ Государю и Наслѣднику и для службы полезнымъ и надобнымъ. Онъ все это живо чувствуетъ, и изъ множества облагодѣтельствованныхъ тобою, конечно, нѣтъ болѣе признательнаго и приверженнаго. Словомъ, онъ принадлежитъ тебѣ душою. Мнѣ пришла мысль вознаградить его за это, и ты вѣрно одобришь ее. Выслушай предисловіе.

Давно просилъ я князя Бебутова, чтобы прислалъ мнѣ свой портретъ. Онъ привезъ съ собою изъ Тифлиса такъ гнусно нарисованный, что я отказался имѣть его въ домѣ и требовалъ, чтобы доставилъ онъ мнѣ другой, по крайней мѣрѣ имѣющій человѣческую фигуру. Въ бытность его въ Варшавѣ писалъ его портретъ хорошій художникъ; но какъ въ короткое время невозможно было его кончить, то братъ князя Бебутова, чрезъ мѣсяцъ по возвращеніи его въ Петербургъ, прислалъ его ко мнѣ изъ Варшавы, по его приказанію. Портретъ этотъ я тебѣ посылаю. Знаю совершенно, что для него это будетъ одною изъ самыхъ лестныхъ наградъ, если ты его примешь. Онъ везетъ его съ собою, нимало о томъ не подозрѣвая, и ящикъ адресованъ на имя Михаила Павловича Щербинина. Я письмо это, по отъѣздѣ князя Бебутова отсюда, посылаю съ экстрэ-почтою. Я воображаю, какой это для него сюрпризъ и думаю, что за выдумку онъ благодаренъ мнѣ будетъ. Въ коллекціи портретовъ обязанныхъ во множествѣ тобою лицъ ему принадлежитъ высокое мѣсто.

*

Иностранные журналы, политическая путаница голову мою до того сбили съ толку, что и самые дипломаты, кажется мнѣ, не съ большимъ дѣйствуютъ умомъ. Долго можно было полагать, что войны не будетъ; теперь есть и такіе, которые за то не ручаются.

Порту преодолѣть не трудно; но, будутъ ли другіе равнодушными свидѣтелями, этого и самъ мудрый Нессельроде не знаетъ. Появленіе войскъ нашихъ въ княжествахъ возбудитъ живущихъ за Дунаемъ христіанъ, и компликація, умноживъ затрудненія, наброситъ на насъ подозрѣнія несправедливыя.

Порта стоитъ на колѣнахъ, божится, что войны не желаетъ и даже боится; но все-таки не хочетъ, чтобы ее били въ морду. Будутъ и тебѣ занятія, на которыя ты не расщипывалъ; а Шамиль воспользуется мол-

вою о разрывѣ и утвердить власть свою, примѣтно уже слабѣвшую. Слышалъ я, что помышляютъ усилить войска твои дивизіею. Невѣроятно, чтобы извѣстные трусы Анатолицы (исключая Лазовъ) искали давать баталіи; но на грабежъ и набѣги найдутся охотники, и войска на границѣ необходимы.

Іюль 6-го дня, 1853. Москва.

48.

Боржомъ, 12 Іюля 1853.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я бы долженъ прежде отвѣчать на два письма твои, одно доставленное кн. В. О. Бебутовымъ и другое писанное скоро послѣ его отъѣзда изъ Москвы, но которое по почтѣ пришло ко мнѣ прежде перваго.

Всѣ эти дни я не имѣлъ времени писать, ибо дѣла и хлопоты прибавились вслѣдствіе шаткаго положенія нашихъ сношеній съ Турками, а къ тому еще прибавились для меня большія хлопоты оттого, что въ самое тоже время надо было брать безпрестанно мѣры для предохраненія границъ отъ хищниковъ, которые не ожидаютъ настоящей войны, чтобы грабить и устроить воровскія дѣла свои, къ которымъ они привыкли и въ мирное время, и, какъ ты самъ хорошо знаешь, наша Турецкая граница и по Гуріи, и между Ахалцыхомъ и Александрополемъ совершенно открыта. Надо было придвинуть хотя слабые резервы съ дорожныхъ и штабныхъ работъ частію къ Ахалцыху и частію для прикрытія богатыхъ сектаторскихъ деревень Ахалкалакскаго участка. Ежели будетъ настоящій разрывъ, то еще придвинемъ отъ четырехъ до пяти батальоновъ, куда окажется нужно, и будемъ дожидаться обстоятельствъ и Божіей воли. Какъ я выше сказалъ, въ самое то время, когда я былъ безпрестанно занятъ этими непривлекательными подробностями, я нашелся вдругъ лишень всякой помощи сотрудника по военной части. Ты знаешь, что генералъ Коцебу отпущенъ по Ноябрьр и теперь получилъ даже другое, хотя временное, назначеніе; генералъ Вольфъ, который очень хорошо исправлялъ его должность, уже болѣе двухъ мѣсяцевъ серьезно боленъ, особливо приливомъ крови въ голову. Уже въ Тифлисѣ онъ мнѣ сказалъ, что онъ боится скоро не быть въ состояніи продолжать такую трудную службу. Я, не имѣя никого въ виду для его замѣщенія, просилъ его еще подождать и попробовать; но на дняхъ ему сдѣлалось хуже, такъ что можно было бояться удара, и мнѣ осталось только воспользоваться дружескимъ предложеніемъ князя Барятинскаго принять на себя должность начальника штаба; онъ уже ее принялъ предварительно, и объ утвержденіи уже писано въ Петербургъ.

Такое назначеніе тѣмъ для меня выгодноѣ, что сношенія мои съ Барятинскимъ самыя дружескія и откровенныя, что всегда необходимо между начальникомъ войскъ и начальникомъ штаба и что 8-ми лѣтняя отличная его служба здѣсь со мною дала ему полный опытъ въ здѣшнихъ военныхъ дѣлахъ и общую къ нему довѣренность. Все это прекрасно соединилось съ прїѣздомъ князя Василя Осиповича Бибובה, который, бывъ прежде управляющимъ и командиромъ войскъ и въ Имеретіи, и въ Ахалцыхъ, и въ Эривани, лучше всякаго другаго могъ помочь насчетъ лучшаго расположенія малыхъ силъ, которыми я теперь могу располагать безъ слишкомъ большаго ослабленія разныхъ нужныхъ работъ. Я право не зналъ бы что дѣлать безъ этого распоряженія насчетъ главнаго штаба, ибо всякая экстренная работа теперь уже не по моимъ силамъ. Первые дни здѣсь въ Боржомѣ я примѣтно поправился; но, какъ пошли фельдъегеря, и извѣстія, и распоряженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе главныхъ помощниковъ, я скоро потерялъ все, что прежде выигралъ, и такъ лѣчиться невозможно. Теперь мнѣ сдѣлалось легче, но все-таки труды слишкомъ велики.

Прощай, любезный другъ. Мы здѣсь остаемся до 25, потомъ я поѣду отчасти по границѣ на Ахалкалаки, Духоборскія деревни и черезъ Манглись въ Коджоры, гдѣ желаю пробыть весь Августъ мѣсяцъ и до жаровъ, а въ Сентябрь обстоятельства укажутъ, ежели здоровье не слишкомъ измѣнитъ, куда будетъ полезно и возможно мнѣ ѣхать.

Ермоловъ писалъ 10 Августа 1853 года:

Воображаю, сколько новыхъ заботъ по случаю перѣшеннаго Восточнаго вопроса, который, какъ впрочемъ ни кажется запутывающимся, многіе полагаютъ, что войны не будетъ. Судя по иностраннымъ журналамъ, никто войны не желаетъ; а въ Петербургѣ все покрывается непроницаемою тайною, и вѣрное одно то, что положительнаго ничего никто не знаетъ. Но какъ всегда есть люди, желающіе казаться дальновидными и проницательными, то одни вымыслы перемѣняются другими, и происходитъ странная путаница. Многому даютъ поводъ огромныя прїуготовленія къ войнѣ, формированіе войскъ и прочее. У тебя всегда множество иностранныхъ журналовъ, слѣдовательно извѣстны всѣ дѣйствія другихъ державъ. Между демократами необыкновенная дѣятельность, и, конечно, многое подготовлено въ разныхъ мѣстахъ. На нихъ устремлено повсюду особое вниманіе; мелочи попадаютъ въ руки, важныя обстоятельства ускользаютъ. Давняя практика научила быть скрытными и хитрыми. Возбуждать и направлять мятежи и возстанія приведено въ правила подобно наукѣ, и желѣзныя дороги въ многихъ случаяхъ немало способствуютъ.

Приближается время, въ которое обстоятельства настоящаго времени перестанутъ быть загадкою. Кто знаетъ, можетъ быть и твои обозрѣнія границъ будутъ полезнымъ образцомъ. Впрочемъ, какъ ты говоришь, у тебя не огромныя будутъ ополченія противъ Турокъ. Конечно достаточныя атаковать и разбить ихъ; но они поймутъ невыгоду серьезной схватки, а границу охранить отъ вторженія едва ли возможно. Найдутся и домашніе мошенники! Воображаю Шамиля ожиданія и какъ вдругъ могутъ разрушиться всѣ нелѣпые замыслы. Какъ, думаю, сумасбродничаютъ Закубанцы, и уже имъ мечтаются Англійскіе паруса!

49.

Тифлисъ, 20 Сентября 1853.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я такъ заѣденъ и утомленъ все это послѣднее время дѣлами и распоряженіями по этимъ проклятымъ Турецкимъ дѣламъ, что не могъ тебѣ писать, какъ я того желалъ, и сегодня пишу тебѣ только нѣсколько словъ, посылая экземпляръ приказа, чтобы ты видѣлъ всѣ подробности и хорошій конецъ сильнаго нападенія Шамиля на Лезгинскую линію. Съ послѣднею почтою я послалъ Булгакову, для предупрежденія фальшивыхъ толковъ въ Москвѣ, неполное извлеченіе объ этомъ событіи; но въ приказѣ ты увидишь всѣ настоящія подробности и всѣ прекрасныя дѣйствія нашихъ войскъ и отличныхъ ихъ начальниковъ. Важный пунктъ тотъ, что Шамиль крѣпко ошибся въ надеждѣ возстанія не только нашихъ Лезгинъ, но и всѣхъ нашихъ мусульманскихъ провинцій. Ни одинъ человекъ во все время не возсталъ, даже изъ тѣхъ деревень, чрезъ которыя непріятель проходилъ, а главныя деревни Джары и Талы вооружились и не позволили никому чрезъ нихъ проходить. Шамиль до того фанфаронилъ въ своихъ надеждахъ, что увѣрялъ жителей, что идетъ въ Тифлисъ, гдѣ долженъ встрѣтить Турецкаго султана. Мы ждемъ скоро прихода въ Сухумъ-Кале изъ Севастополя 13-й дивизіи пѣхотной или части оной для усиленія нашихъ войскъ по Турецкой границѣ. Всѣ эти войска поступаютъ въ командованіе князю Бебутову, который на дняхъ объѣхалъ всю границу, взялъ на все лучшія мѣры и успокоилъ жителей, которые не могли сначала не быть въ страхѣ, зная, что Турки сильно собираются въ разныхъ мѣстахъ, когда у насъ почти тамъ никого не было. Теперь мы это все усиливаемъ по возможности, и Куринскій батальонъ, пришедшій третьяго дня съ Линіи, а потомъ еще два или три батальона, пойдутъ въ Александрополь.

50.

Тифлисъ, 24 Декабря 1853.

Я получилъ вчера, любезный Алексѣй Петровичъ, письмо твое отъ 10-го Декабря и начинаю съ того, чтобы успокоить тебя насчетъ непонятнаго для насъ слуха о плѣнѣ твоего сына. Щербининъ вѣрно тебѣ написалъ, но ты письма еще не получилъ: мы даже не имѣемъ еще извѣстія о пріѣздѣ посольства въ Тегеранъ, а только, что они выѣхали изъ Ленкорана и переѣхали Персидскую границу. Я думаю, что причина этому пустому слуху есть просто ошибочное смѣшеніе съ тѣмъ, что случилось мѣсяца два тому назадъ съ другимъ моимъ адъютантомъ Понсетомъ, который, ѣдучи изъ Эривани въ Александрополь, еще прежде открытія военныхъ дѣйствій, былъ ограбленъ и въ 4-хъ или 5-ти мѣстахъ раненъ разбойниками изъ нашихъ вѣрно-подданныхъ; онъ и теперь еще лѣчится въ Александрополь, но раны его не опасны. Какъ скоро я получу что-нибудь отъ Клавдія, то я немедленно тебѣ сообщу.—Благодарю тебя отъ всей души за поздравленія и примѣчанія твои о нашихъ здѣшнихъ успѣхахъ. Мнѣ совѣстно, что я не писалъ тебѣ по мѣрѣ нашихъ дѣйствій; но, ей Богу, не былъ въ силахъ: ибо съ самаго лѣта я былъ такъ нездоровъ, и слабъ, и замученъ безпокойствомъ, распоряженіями, извѣстіями всякаго рода и принятіемъ необходимыхъ мѣръ послѣ каждаго дѣйствія и приготовленія противъ насъ на пяти разныхъ пунктахъ большихъ непріятельскихъ силъ (особливо, когда, еще до прихода 13-й дивизіи, я не могъ нигдѣ собрать даже 4-хъ баталіоннаго отряда для защиты края отъ Чернаго моря до Арарата), я былъ совершенно истощенъ въ силахъ, и были минуты, что я совершенно не зналъ, какъ изъ этого выпутаться. Почти уничтоженъ физически, я однако выдержалъ морально; но за то теперь, по милости Божіей, что все пошло хорошо, физическія силы не могли возвратиться, и я не имѣю возможности продолжать упражняться какъ должно безчисленными подробностями дѣлъ всякаго рода, которыя по обстоятельствамъ теперь на мнѣ лежатъ, не говоря уже объ обыкновенныхъ, которыхъ здѣсь всегда довольно и слишкомъ много по моимъ лѣтамъ и по всему тому, что я выдержалъ. Покой или на всегда или на время мнѣ необходимъ. Я чувствую, что многіе за это меня будутъ бранить, удивятся, что въ такое время оставляю службу, и будутъ это приписывать разнымъ выдуманнымъ причинамъ; но дѣло само по себѣ простое: силы у меня для такого дѣла совершенно исчезли, не могу теперь съ пользою продолжать и долженъ necessarily отдохнуть.—Мнѣ бы хотѣлось написать тебѣ нѣсколько подробностей о томъ, что у насъ дѣлалось, но теперь это мнѣ совершенно невозможно. Но,

чтобы ты имѣлъ по крайней мѣрѣ что-нибудь больше нежели то, что въ газетахъ и что содержится въ этомъ моемъ письмѣ, я поручилъ одному довѣренному лицу сдѣлать извлеченіе изъ всего того, что у насъ было сдѣлано и офиціально донесено. Я пересмотрю, что онъ напишетъ и пришлю тебѣ коли не съ этимъ письмомъ, то съ первою почтою. Теперь я жду съ нетерпѣніемъ, что скажутъ иностранные журналы о теперешнемъ положеніи нашихъ дѣлъ и что скажутъ Англія и Франція, особливо Англія, которая имѣетъ на совѣсти, что ободряла Турокъ къ войнѣ. Прощай, любезный другъ; я сейчасъ получилъ рапортъ о прекрасномъ дѣлѣ на Лѣвомъ Флангѣ Кавказской линіи. Шамиль послалъ 1500 человекъ Чеченцевъ и Тавлинцевъ для нападенія на нашихъ мирныхъ и для занятія вновь одного важнаго мѣста въ Ханкальскомъ ущеліи, въ которомъ населеніе было истреблено или снято годъ тому назадъ кн. Барятинскимъ. Генералъ Врангель, узнавъ объ этомъ, самъ пошелъ въ это ущелье, а храбрый генералъ Баклановъ съ сильнымъ отрядомъ казаковъ Донскихъ и Линейныхъ столкнулся съ непріятелемъ и почти уничтожилъ всю партію. Непріятель потерялъ болѣе 300 человекъ, и вся Чечня находится въ уныніи.

Это письмо было отвѣтомъ на Ермоловское, изъ котораго приводимъ выдержку.

Поздравляю тебя съ цѣлымъ рядомъ успѣховъ, дѣлающихъ честь во-первыхъ тебѣ, какъ главному распорядителю, частнымъ начальникамъ, исполнившимъ свыше того, что отъ нихъ требовать было возможно, и отличнымъ войскамъ Кавказскимъ. Признательность Царя свидѣтельствуютъ великолѣпный тебѣ рескриптъ, которому великіе міра позавидовать могутъ, и весьма щедрыя другимъ награды.

Тебѣ, какъ прежнему нѣкогда товарищу, сообщаю я, какъ понимаю происшествія; разумѣется, говоря о войнѣ вѣдѣ предѣловъ нашихъ. Я очень былъ доволенъ рѣшительностію князя Бебутова, когда оттолкнулъ онъ нагло ворвавшихся въ наши границы Турокъ при малыхъ тогда его средствахъ. Я многихъ лучше оцѣнилъ важность случая. Ничтожно дѣло при Ацхурѣ, но разумѣю его зародышемъ важнѣйшихъ. Я восхищался побѣдою князя Андроникова, съ которою конечно сравниться не могутъ первыя дѣйствія князя Бебутова, особенно взявши въ разсужденіе, что у него войска Кавказскія были не въ большомъ количествѣ, а прочія новыя, неизвѣстныя. Последняя князя Бебутова побѣда къ сторонѣ Карса есть блистательная и комплектная; достоинство ея, думаю, можно справедливо опредѣлить слѣдующимъ образомъ: отъ дѣла при Асландузѣ *незабвеннаго Котляревскаго* до нынѣшняго послѣдняго всѣ въ промежуткѣ сего времени военныя дѣйствія изгладятся изъ памяти людей, какъ ничтожныя мелочи. Важны были сдѣланныя пріобрѣтенія, отодвинувшія предѣлы наши; но славы для оружія нашего не было равной, Великому подководцу нашему

можно нѣсколько похвастать Елисаветпольскимъ сраженіемъ, особливо тогда главнѣйшіе дѣятели уже не существуютъ—Вельяминовъ и князь Мадатовъ. Но какую артилерію имѣлъ непріятель, и сколько взято у него пушекъ?

51.

Тифлисъ, 16 Февраля 1854 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ, пишу къ тебѣ съ добрымъ Клавдіемъ и пишу мало, потому что его пріѣздъ лучше всякаго письма и потому, что я не въ силахъ писать много; ибо кромѣ обыкновенныхъ недугъ я теперь замученъ пропастью дѣлъ со всѣхъ сторонъ и приготовленіемъ къ сдачѣ генералу Реаду. Онъ мало-по-малу входитъ въ дѣла и принимается за оныя дѣльно и съ разсудкомъ. Я надѣюсь сдать все офиціально къ 1-му Марта, а 4-го пуститься въ дорогу. Какова бы ни была дорога, она все будетъ мнѣ отдыхомъ по мѣрѣ удаленія отъ бумагъ, докладовъ и убійственныхъ подробностей всякаго рода. Я посылаю къ тебѣ при этомъ взглядъ на прошедшую кампанію и точное описаніе всего, что у насъ было. Ежели бы проклятые Англичане и Французы не вмѣшались такъ безсовѣстно и съ такою злостію въ наши дѣла съ Турками, то султанъ конечно бы помирился; а въ случаѣ его упрямства онъ бы былъ наказанъ сильно въ будущую кампанію, какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ. Но съ вмѣшательствомъ западныхъ державъ дѣло гораздо труднѣе, потому особливо, что нашъ правый флангъ, т. е. приморская часть Мингрелія, Грузія и вся береговая линія, будутъ въ большой опасности и что, можетъ быть, нужно будетъ ослабить главный дѣйствующій отрядъ, которому поручено сначала взять Карсъ, Ардаганъ и Балзетъ, для сопротивленія десанту сильному въ Мингреліи и Абхазіи. Надо надѣяться на Бога; войска у насъ славныя, духъ вездѣ отличный, а Турки послѣ сильнаго наказанія въ прошломъ году будутъ морально и въ матеріальномъ отношеніи слабѣе прежняго. Можешь себѣ вообразить, какъ мнѣ больно и печально оставить корпусъ и край въ такую минуту; но я такъ истощенъ въ силахъ, что служить теперь мнѣ невозможно: я бы только погибъ безъ всякой пользы и скоро бы былъ въ такомъ же положеніи, какъ теперь находится князь Аргутинскій. На прошедшей недѣлѣ я почти ждалъ нервическаго удара; можетъ быть, удаленіе отъ работы меня хотя на время поправитъ. Мы поѣдемъ отъ Ставрополя не по Кубани и Крыму, гдѣ бы я не могъ избавиться опять отъ многихъ дѣлъ, просьбъ и докладовъ, но на Ростовъ, Мариуполь, Херсонъ и оттуда прямо въ Мошны; изъ Мошенъ же, какъ скоро будетъ можно, поѣдемъ за границу черезъ Лембергъ, Краковъ, Дрезденъ и оттуда въ Карлсбадъ, ежели главные Нѣмецкіе медики не посовѣтуютъ, послѣ разсмотрѣнія моего положенія, вмѣсто Карлсбада другія воды.

Клавдій тебѣ расскажетъ о своемъ путешествіи въ Тегеранъ и зачѣмъ онъ теперь отправленъ въ Петербургъ. Персіяне теперь сожалеютъ, что не покончили съ нами условіе по прежнему и хотѣли бы опять къ оному возвратиться. На нихъ считать нельзя, особливо при сильномъ дѣйствіи на нихъ Англичанъ. Да и большаго содѣйствія намъ отъ нихъ ожидать нельзя; но мы должны желать и надѣяться, чтобы по крайней мѣрѣ они не соединились съ нашими непріятелями и не пошли бы противъ насъ.

О себѣ тебѣ расскажетъ самъ Клавдій. Я просилъ Реада, когда онъ воротится изъ Петербурга, прислать его хотя на короткое время ко мнѣ, гдѣ бы я ни былъ и, разумѣется, ежели онъ самъ того пожелаетъ, и онъ всетаки можетъ успѣть участвовать въ дѣлахъ у князя Бебутова, который его очень любитъ и будетъ ему очень радъ.

Р. S. Разумѣется, что все, что я пишу въ этомъ письмѣ, кромѣ о моемъ здоровьи и все что тебѣ скажетъ Клавдій насчетъ Персидскихъ дѣлъ, есть *секретъ*. Описаніе же дѣйствій прошедшаго года, сдѣлай милость, покажи кому угодно и кто этимъ интересуется. М. В.

52.

Карлсбадъ, 30 Іюля 1854 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ, пользуюсь отъѣздомъ сына твоего Виктора, чтобы написать тебѣ хотя нѣсколько словъ въ добавокъ къ тому, что онъ тебѣ скажетъ о моемъ лѣченіи и пребываніи здѣсь. Я кончилъ воды Карлсбадскія вчера, и мы теперь собираемся ѣхать черезъ Дрезденъ въ Шлангенбадъ, гдѣ я долженъ три недѣли купаться. Здѣшнія воды нѣкоторымъ образомъ мнѣ будутъ полезны, ибо по крайней мѣрѣ остановятъ зло въ печени и не дадутъ ему сдѣлаться хуже; но что касается до силъ и до возможности серьезно чѣмъ-нибудь заниматься, я не чувствую почти разницы и полагаю, что надежды въ этомъ мало. Доктора всѣ совѣтуютъ быть въ совершенномъ покоѣ, лѣчиться опять въ будущемъ году и даже остаться на зиму гдѣ-нибудь въ Германіи; на это послѣднее ни въ какомъ случаѣ я не соглашусь и непременно возвращусь на зиму въ Россію. Впрочемъ да будетъ воля Божія—на все надо покориться. О дѣлахъ тебѣ не пишу; газеты ты получаешь, а я ихъ не читаю. Прощай любезный другъ; я очень радъ, что добрый твой Клавдій со мною. Жена моя тебѣ усердно кланяется, обнимаю тебя душевно и остаюсь навсегда весь твой М. Воронцовъ.

53.

Дрезденъ, 6 (18) Ноября 1854 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ, ты уже знаешь рѣшеніе моей судьбы и что, по просьбѣ моей, на необходимости основанной, Государь Императоръ милостиво и лестнымъ для меня образомъ уволилъ меня отъ должностей, которыя уже были сверхъ моихъ силъ и для которыхъ я сдѣлался совершенно неспособенъ. Не нужно мнѣ тебѣ сказать, что я не безъ особенной и горькой печали долженъ былъ покориться этой необходимости и удалиться въ теперешнихъ обстоятельствахъ отъ всякой дѣятельной службы; но въ теперешнемъ положеніи моего здоровья я не только не могу служить съ пользою, но служба, при одолѣвшей меня слабости, какъ физической, такъ и моральной, могла бы быть только вредна: ибо на Кавказѣ, особливо теперь, надо пользоваться всѣми условіями необходимыми для безпрестанныхъ дѣятельныхъ усилій, безъ коихъ главный начальникъ тамъ не можетъ служить такъ, какъ я, смѣю сказать, служилъ и какъ край того требуетъ. Со всѣмъ душевнымъ уваженіемъ къ одному изъ моихъ предшественниковъ, почтенному старику Ртищеву, я не могу выдержать мысль быть въ Тифлисѣ въ его положеніи, когда со всѣхъ сторонъ опасность, и храбрыя наши войска вездѣ дерутся. Кромѣ того меня привыкли вездѣ видѣть на Кавказѣ готовымъ быть вездѣ и подавать вездѣ примѣръ, и до 1851 года, когда болѣзни начали меня одолѣвать, несмотря на всѣ труды и походы, я еще не чувствовалъ признаковъ старости и ѣздилъ верхомъ, какъ молодой человѣкъ и ежегодно показывался, а иногда и два раза въ годъ, во всѣхъ частяхъ края, отъ Ленкорани до Анапы и отъ Эривани до Кизляра. Теперь я уже на это не способенъ и я долженъ былъ рѣшиться на увольненіе отъ службы, которую, какъ я выше сказалъ, я уже не могу продолжать съ честью для себя и съ пользою для края. Вотъ, любезный Алексѣй Петровичъ, что меня понудило оставить, какъ я полагаю навсегда, всякую службу; я надѣюсь, что ты поймешь мои причины и не будешь меня хулить за то, что я сдѣлалъ. Совѣсть моя чиста во всемъ, и прежняя болѣе нежели полувѣковая моя служба должна удостовѣрить всякаго безпристрастнаго человѣка, что я бы не удался, особливо въ теперешнее критическое время, отъ трудовъ и отвѣтственности безъ настоящей совершенной необходимости. Здѣсь въ Дрезденѣ слѣдую акуратно особенному леченію подъ руководствомъ доктора Геденуса и лучшихъ здѣшнихъ медиковъ. Я имѣлъ сильное желаніе не оставаться зимою въ чужихъ краяхъ и отправиться на покой въ Кіевскую губернію; но доктора рѣшительно

противъ этого протестовали, потому что лѣченіе мое требуетъ какъ можно меньше стужи и что Дрезденъ хотя не Италія, все-таки теплѣе Кіева. Ёхать же въ Италію или куда-нибудь въ Австрійскія владѣнія я рѣшительно отказался. Мы живемъ здѣсь уединенно и никого не видимъ, кромѣ добраго нашего посланника Шредера. Жизнь не веселая, но кто же теперь можетъ думать о весельи? Участь Севастополя и Крыма особенно мучительно насъ занимаетъ и беспокоитъ. Надѣмся на милость Божію, что конецъ будетъ въ нашу пользу. Меншиковъ съ его войсками геройски защищается и даже дѣйствуетъ иногда наступательно, но союзныя войска также безпрестанно усиливаются и, кажется, на все рѣшились, лишь бы не выйти изъ Крыма безъ успѣха.

54.

(Іюль 1855).

На счетъ силъ я не вижу никакого успѣха, и тому болѣе причиною моральныя чувства вообще, безпрестанное безпокойство отъ извѣстій, иногда вѣрныхъ, иногда несправедливыхъ, на счетъ дѣлъ вообще и на счетъ всего, что происходитъ особливо въ Севастополѣ и вообще въ краяхъ, гдѣ я столько лѣтъ жилъ спокойно и старался всѣми силами быть полезнымъ. Теперь къ этому присоединилось и безпокойство на счетъ сына моего. Но на все Божья воля; онъ исполнилъ долгъ свой, когда просился въ самое опасное мѣсто, и такъ какъ я уже совершенно неспособенъ для какого-нибудь дѣла, онъ меня замѣняетъ въ исполненіи въ сію критическую минуту священнаго долга каждаго Русскаго. Чѣмъ бы все это ни кончилось, геройская защита Севастополя спасаетъ нашу военную славу и составляетъ одну изъ блистательныхъ страницъ нашей военной исторіи.

Я сегодня пишу изъ Петергофа, куда мы пріѣхали вчера на праздникъ сего 22-го числа. Я думаю, что мы останемся здѣсь до 27-го, дня рожденія Императрицы, чтобы послѣ того имѣть на нѣсколько времени совершенный покой и физическій въ Царскомъ Селѣ, гдѣ Государю угодно было назначить намъ прекрасное помѣщеніе въ Китайской деревнѣ. Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ; жена моя тебѣ усердно кланяется. Кн. М. Воронцовъ.

55.

Царское Село, 20 Августа 1855.

Премного благодарю тебя, любезный Алексѣй Петровичъ, за письмо твое отъ 7-го числа. Сожалѣю очень, что твое здоровье не совсѣмъ хорошее; но надѣюсь, что лихорадки у тебя не будетъ; а ежели бы пришла, то совѣтую поступать съ нею по Кавказскому манеру, т.-е. большими приѣмами хины, чего мнѣ кажется здѣшніе доктора мало по-

нимають. Это одинъ способъ испытанный не только для прекращенія лихорадки, но и для того, чтобы она больше не возвращалась; на это есть прекрасная система доктора Андріевского, указаніе которой находится въ моемъ приказѣ по Кавказскому корпусу, кажется еще въ 1846 г. Я въ душѣ увѣренъ, что это распоряженіе, въ девять лѣтъ пребыванія моего на Кавказѣ, спасло нѣсколько тысячъ человѣкъ или отъ смерти, или отъ такихъ повтореній болѣзни, по которымъ они бы сдѣлались совершенно неспособными къ службѣ.

Благодарю тебя за лестныя твои слова насчетъ моего сына. Онъ былъ раненъ 1-го Августа во время осмотра порученной ему дистанціи; ударъ былъ счастливъ тѣмъ, что пуля, не повредивъ костей, ограничилась, какъ пишетъ мнѣ князь Горчаковъ, раздраніемъ кожи сухожильнаго растяженія на два съ половиною дюйма. Его тотчасъ перевезли на Бельбекъ; но слабость его такъ велика, что еще 12-го числа онъ насилу могъ написать нѣсколько словъ и не былъ еще въ состояніи переѣхать въ Симферополь. Боль въ головѣ отъ контузіи ужасная, и первый разъ въ ночь съ 11-го на 12-е онъ могъ порядочно уснуть, отчего и боль очень уменьшилась. Онъ надѣялся дня черезъ два или три быть въ состояніи переѣхать въ Симферополь. Между тѣмъ, съ дозволенія Государя, докторъ Андріевскій поѣхалъ къ сыну моему, чтобы вывезти его изъ Крыма, гдѣ невозможно ему имѣть то спокойствіе, которое необходимо при такой ранѣ въ голову, а можетъ быть, по обстоятельствамъ и по ходу болѣзни, привезти его сюда.

Мое собственное положеніе ничѣмъ не измѣняется: я слабъ до чрезвычайности, и всякая дѣятельная служба для меня невозможна. Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ; жена моя тебѣ усердно кланяется. Остаюсь навсегда весь твой М. Воронцовъ.

*

Престарѣлые друзья увидались въ послѣдній разъ въ Москвѣ, во время коронованія Императора Александра Николаевича. Въ томъ же 1856 году, 6 Ноября, князь Воронцовъ скончался въ Одессѣ. Ермоловъ прожилъ долѣе, именно до 11 Апрѣля 1861 года П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГРАФА РОШЕШУАРА.

(Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration, par le général comte de Rochechouart. Paris, 1889. 8°. XI и 539 стр., съ портретомъ).

Флигель-адъютантъ Александра Павловича, графъ Людвигъ-Викторъ Рошешуаръ родился въ 1788 г. и умеръ въ 1858-мъ. Семья его принадлежала къ Французской знати, но во время революціи лишилась почти всего состоянія. Мать графа Рошешуара, горячо преданная королевскому дому, въ его пользу растратила послѣднія уцѣлѣвшія крохи своихъ богатствъ, и дѣтство Рошешуара прошло въ бѣдности. Занятая политическими пропсками, мать, не обращала никакого вниманія на дѣтей. Въ первыхъ двухъ главахъ своихъ воспоминаній графъ Рошешуаръ описываетъ бѣдствія, которыя приходилось ему испытывать съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни: скитанія по чужимъ краямъ, нерѣдко голодь и холодъ. Послѣ разныхъ походовъ, на тринадцатомъ году возраста, Рошешуаръ уже начинаетъ самостоятельную жизнь: онъ опредѣлился солдатомъ въ Португалію, гдѣ тогда содержались на Англійскомъ жалованьи три полка Французскихъ эмигрантовъ. По заключеніи Амьенскаго мира, эти полки были распущены, и Рошешуаръ снова остался безъ средствъ къ существованію. Въ это время узналъ онъ случайно, что мать его проживала въ Россіи у герцогини Нассауской, а одинъ изъ братьевъ служилъ въ Одессѣ. Рошешуаръ не нашелъ ничего лучшаго, какъ ѣхать къ нимъ. И вотъ, съ тридцатью четырьмя ливрами въ карманѣ, шестнадцати-лѣтній мальчикъ одинъ пускается на удачу въ трудный путь, въ далекую, неизвѣстную страну. Онъ купилъ мѣсто въ дилижансѣ, въ корзинкѣ съ поклажею и, растянувшись на соломѣ, ничѣмъ не прикрытый отъ солнца, вѣтра и дождя, питаясь чѣмъ попало, послѣ всякихъ бѣдъ, Рошешуаръ, въ началѣ 1805 года, доѣхалъ, наконецъ, до гостепріимной Россіи, увидѣлъ свою мать и вскорѣ затѣмъ поступилъ адъютантомъ къ г. губернатору Новороссіи герцогу Ришелье, который приходился ему родственникомъ. Герцогъ Ришелье полюбилъ его, какъ родного сына. Графъ Рошешуаръ всѣмъ своимъ дальнѣйшимъ преуспѣяніемъ обязанъ былъ этому великодуш-

ному человѣку, при которомъ онъ и оставался почти безотлучно до самой его смерти. Не мудрено поэтому, что его воспоминанія наполнены подробностями о герцогѣ Ришелье; но странно, что о Россіи, его пріютившей, въ книгѣ его встрѣчается мало теплыхъ отзывовъ, хотя и враждебности не замѣчается. Это былъ не столько себѣ-наумѣлый, какъ веселый, добродушный и смѣшленный Французъ.

Приведемъ съ его словъ рассказъ герцога Ришелье о первой его встрѣчѣ съ Суворовымъ (стр. 53.).

Въ 1790 году, графъ Шинонъ, герцогъ де-Фронсакъ (т.-е. Ришелье), по смерти своего дѣда, маршала, получилъ позволеніе императрицы Екатерины служить волонтеромъ въ Русской арміи и подъ начальствомъ генерала Суворова участвовать въ осадѣ Измаила. Ришелье прибылъ въ Русский лагерь вечеромъ 30 Ноября. Рано утромъ слѣдующаго дня, въ сопровожденіи Русскаго офицера, онъ отправился являться къ главнокомандующему. Было очень холодно, стоялъ морозный туманъ. Посреди лагеря Ришелье замѣтилъ нѣсколько человѣкъ солдатъ вокругъ совершенно голаго человѣка, который скакалъ по травѣ и выдѣлывалъ отчаянную гимнастику. «Кто этотъ сумасшедшій?» спросилъ Ришелье своего спутника.—Главнокомандующій графъ Суворовъ, сказали ему. Суворовъ, замѣтивъ иностранца (на Ришелье былъ маіорскій мундиръ Французскихъ гусаровъ), поманилъ его къ себѣ. «Вы Французъ, милостивый государь?»—Точно такъ, генераль.—«Ваше имя?»—Герцогъ де-Фронсакъ.—«А, внукъ маршала Ришелье! Ну, хорошо! Чтò вы скажете о моемъ способѣ дышать воздухомъ? По моему, ничего не можетъ быть здоровѣе. Совѣтую вамъ, молодой человѣкъ, дѣлать тоже; это—лучшее средство противъ ревматизма!» Суворовъ сдѣлалъ еще два или три прыжка и убѣжалъ въ палатку, оставивъ своего собесѣдника въ крайнемъ недоумѣніи.

Состоя адъютантомъ при Ришелье, графъ Рошешуаръ видѣлъ много достопамятнаго, и девятилѣтняя служба въ Россіи, особенно въ южной, дала ему возможность познакомиться съ этимъ вторымъ своимъ отечествомъ. Третья и четвертая главы его воспоминаній посвящены исключительно пребыванію въ Россіи и войнамъ 1812—1814 годовъ, когда онъ былъ уже флигель-адъютантомъ Государя.

На первыхъ порахъ своей службы Рошешуаръ участвовалъ и въ Турецкой войнѣ. Армія наша состояла тогда изъ трехъ корпусовъ подъ общимъ начальствомъ генерала Михельсона. Первымъ корпусомъ командовалъ Ришелье, вторымъ—генераль Мейендорфъ и третьимъ

самъ главнокомандующій. Корпусъ Ришелье вступилъ въ Бессарабію и завладѣлъ безъ выстрѣла крѣпостью Акерманомъ. Крѣпость эта была въ хорошемъ состояніи и вооружена 85 пушками, но за то гарнизонъ состоялъ всего изъ 12 артиллеристовъ, четырехъ Янычаръ и тридцати Албанцевъ, подъ начальствомъ хромаго и криваго коменданта, семидесяти восьмилѣтняго старика. Между тѣмъ какъ Ришелье овладѣлъ Акерманомъ, Юсуфъ-паша сдалъ Бендеры Мейендорфу; такимъ образомъ Бессарабія и Буджакъ поступили во власть Россіи за исключеніемъ Измаила: депеши изъ Петербурга запрещали слишкомъ быстрое наступленіе. Ришелье сдалъ командованіе своею частью графу Ланжерону и возвратился въ Одессу.

Въ Маѣ 1807 года изъ Крыма отправилась экспедиція брать Анапу. Вотъ какъ описываетъ ее Рошешуаръ (стр. 72).

Отрядъ въ 7000 пѣхоты, 1500 козаковъ и 22 пушки былъ собранъ на полуостровѣ Тамани. Намъ назначено атаковать Анапу съ берега, а флотъ, вышедши изъ Севастополя подъ начальствомъ маркиза Траверсе, долженъ былъ бомбардировать ее съ моря. Многочисленный Черноморскій флотъ, а также всѣ морскія учрежденія Николаева, Херсона и Севастополя были подчинены маркизу Траверсе. Онъ и Ришелье, два Француза, управляли такимъ образомъ этой громадной областью. Въ Тамани телеграфъ предупредилъ насъ о выходѣ флота въ составѣ двѣнадцати судовъ: сто двадцати-пушечнаго флагманскаго корабля, двухъ семидесяти-четырехъ пушечныхъ съ контръ-адмираломъ Урусовымъ, четырехъ фрегатовъ 1 ранга и 5 корветовъ. Герцогъ Ришелье во главѣ отряда немедленно перешелъ Кубань и направился къ Анапѣ, слѣдуя берегомъ. Пройдя всю ночь, къ восходу солнца остановились въ четырехъ верстахъ отъ мѣста, свернули отъ берега и, поднявшись въ гору, заняли площадку, господствующую надъ городомъ. Пѣхота перестроилась къ бою, кавалерія заняла лѣвый флангъ, а артилерія помѣстилась въ серединѣ. Немного спустя, адмиралъ далъ сигналъ начинать дѣло, контръ-адмиралъ отвѣчалъ ему; немедленно всѣ суда приблизились къ городу и, проходя одно за другимъ въ разстояніи отъ берега на половину пушечнаго выстрѣла, осыпали залпами укрѣпленія, портъ и городъ. Выпустивъ залпъ, каждое судно проходило мимо, поворачивало и возвращалось въ хвостъ колонны дожидаться своей очереди для втораго залпа. Этотъ страшный огонь быстро уничтожилъ батареи, укрѣпленія, дома, публичныя зданія и взорвалъ на воздухъ два пороховыхъ склада. Паша не ожидалъ нашего нападенія и отступилъ въ лѣсъ, лежащій въ верстѣ отъ города. Все населеніе

послѣдовало за гарнизономъ. Суда только что готовились дать по третьему залпу, какъ адмиралъ въ подзорную трубу замѣтилъ общее бѣгство. Въмѣсто того, чтобы дать намъ условный сигналъ, онъ приказалъ свезти десантъ, желая такимъ образомъ доставить флоту честь закончить побѣду. Но лучшіе въ мірѣ развѣдчики, наши козаки, донесли намъ во-время объ оставленіи города непріятелемъ. Тогда герцогъ Ришелье, приказавъ пѣхотѣ слѣдовать за собою возможно скорѣе, самъ во главѣ кавалеріи устремился къ городу. Мы доскакали до него какъ разъ въ то время, когда моряки высадились на берегъ. Не узнавъ другъ друга въ дыму пожара, кавалерія и матросы начали перестрѣливаться. Это недоразумѣніе къ счастью скоро выяснилось, однако не обошлось безъ восьми или десяти раненыхъ. Одна пуля ударилась въ мое сѣдло, не причинивъ, впрочемъ, вреда. Первой нашей заботой было спасти отъ пожара возможно больше домовъ. Городъ горѣлъ, и мы не могли никакъ догадаться, откуда шло благоуханіе, которое чувствовалось въ воздухѣ. Оказалось, что такъ хорошо пахли палисады изъ кедроваго и розоваго дерева.

Послѣ взятія Анапы, Ришелье оставилъ въ ней достаточный гарнизонъ, а самъ возвратился въ Одессу, куда призывали его дѣла; Рошешуаръ же отпросился у своего покровителя остаться при экспедиціи, направленной противъ горцевъ изъ Анапы. Только-что передъ тѣмъ горцы сдѣлали нападеніе на наши области, и надо было примѣрно наказать ихъ. Въ этой экспедиціи, подъ начальствомъ генерала Гангеблова, Рошешуаръ впервые понюхалъ пороху.

Весною 1808 года Рошешуаръ вмѣстѣ съ герцогомъ Ришелье отправился инспектировать Новороссійскія колоніи. Еще императрица Екатерина, чтобы заселить необозримыя пустынные степи вновь прибрѣтеннаго края, старалась привлекать туда колонистовъ изъ разныхъ странъ, давая имъ земли на чрезвычайно льготныхъ условіяхъ. Для этого она имѣла на берегахъ Рейна агентовъ, которые должны были доставлять желающимъ средства къ переселенію. Прибывъ въ Россію, каждое переселенческое семейство получало отъ комитета колоній домъ, выстроенный изъ камня, корову, пару быковъ съ телѣгой и, кромѣ того, денежную помощь до тѣхъ поръ, пока глава семьи, совершенно освоившись на мѣстѣ, не начиналъ самостоятельно извлекать изъ земли средства къ прокормленію. Денежная помощь рассчитывалась сообразно съ численностью переселившейся семьи. Черезъ десять лѣтъ колонистъ получалъ въ собственность землю, на которой работалъ. Тогда комитетъ высчитывалъ все, что было истрачено на каждаго колониста, и

тотъ слѣдующія затѣмъ четырнадцать лѣтъ ежегодно обязанъ былъ выплачивать правительству сумму, равную пяти процентамъ со всего, что было на него истрачено. Первые 25 лѣтъ колонисты избавлены были отъ воинской повинности и даже отъ постоя войскъ. Менонисты же, пришедшіе со всѣми своими богатствами немного позже, были избавлены отъ воинской повинности навсегда. Эти менонисты, принадлежавшіе къ сектѣ анабаптистовъ и извѣстные въ Германіи подъ именемъ Братьевъ Моравскихъ, пришли изъ Кенигсберга. Почти всѣ они были очень богаты, а многіе насчитывали у себя до 100 тысячъ талеровъ. Король Пруссій отпустилъ ихъ не иначе, какъ удержавъ 20-ю часть всего, что они выручили за продажу своихъ земель въ Пруссіи. Ученіе ихъ запрещаетъ вести войну и убивать людей, поэтому-то ихъ и приказано было не брать въ солдаты.

Колоніямъ была предоставлена свобода вѣроисповѣданія. Даже судебныя разбирательства хотя и производились въ Русскихъ учрежденіяхъ, но всегда черезъ посредство комитета колоній. Комитетъ находился въ Екатеринославѣ и подчинялся непосредственно министру внутреннихъ дѣлъ. Губернатору же Новороссіи было предоставлено право лишь инспектировать колоніи.

Въ послѣдствіи гордогу Ришелье удалось прикрѣпить къ землѣ Ногайскихъ Татаръ и образовать изъ нихъ колоніи. Дикія орды, съ незапамятныхъ временъ не понимавшія иной жизни, кромѣ кочевой, долго не поддавались осѣлости. У каждой орды былъ свой мулла и опредѣленная область, въ пространствѣ которой она кочевала. Ришелье приказалъ выстроить въ каждомъ такомъ кочевьѣ мечеть и дома, въ которыхъ поселялись муллы. Орда, не желая покидать своего муллу, селилась около него. Такимъ образомъ завелись деревни съ осѣдыми жителями. Эти Ногайскія колоніи имѣли свою особую администрацію, во главѣ которой стоялъ графъ де-Мезонъ, бывшій президентъ Руанскаго парламента, который жилъ среди Ногайцевъ и посвятилъ имъ послѣднія 30 лѣтъ своей жизни. Онъ много потратилъ трудовъ на эти колоніи и никогда не хотѣлъ получать ни жалованья, ни вознагражденій. Императоръ Александръ Павловичъ, думая вознаградить заслуги графа Мезона, велѣлъ однажды спросить его, не желаетъ ли онъ чего-нибудь. «Я хотѣлъ бы, отвѣчалъ тотъ, дать свое имя Мениль-Мезонъ самой большой деревнѣ этихъ добрыхъ Ногайцевъ». Желаніе его было исполнено, но «добрые Ногайцы», какъ ни старались, никакъ не могли произнести этихъ двухъ Французскихъ словъ, и тогда, особеннымъ указомъ, названіе было переведено на Татарскій языкъ.

Благодаря разнымъ льготамъ, заселеніе Южной Россіи, начатое Екатериною, быстро подвигалось впередъ. Въ то время, когда Ришелье управлялъ Новороссіей, уже насчитывалось до 300 деревень колонистовъ, съ 300 тысячъ жителей. Изъ этихъ деревень 106 было заселено Нѣмцами, пришедшими изъ Швабіи, Баваріи и Виртемберга, 30 Ногайскими Татарами, 13 - Болгарами, 21—Русскими, преимущественно разными сектантами, 26—Греками и 6—Евреями. Кромѣ того, 15 тысячъ колонистовъ жило въ окрестностяхъ и предмѣстьяхъ Одессы.

Греческія колоніи въ округѣ Маріуполя не были подчинены ежегоднымъ инспекціямъ, потому что прошло уже двадцать четыре года со времени ихъ основанія. Герцогъ Ришелье остался совершенно доволенъ цвѣтущимъ состояніемъ, въ какомъ нашелъ эти колоніи и многихъ представилъ къ наградамъ.

Осмотрѣвъ колоніи, мы направились въ Таганрогъ. Городъ этотъ, хотя и уѣздный, но очень важный въ торговомъ отношеніи, управлялся особымъ губернаторомъ. То былъ баронъ Кампенгаузенъ. Онъ показалъ намъ городъ, портъ и обширные хлѣбные склады. Таганрогъ основанъ въ 1706 году Петромъ Великимъ, который учредилъ въ немъ два порта, военный и коммерческій. Теперь военный уничтоженъ, но коммерческій процвѣтаетъ: послѣ Одессы Таганрогъ самый важный торговый пунктъ на всемъ Черномъ морѣ.

Затѣмъ мы посѣтили Нахичевань. Императрица Екатерина II-я, выстроивъ этотъ городъ, предназначила его для всѣхъ Армянъ, разсѣянныхъ по Крыму. Намъ приняли съ великой радостью, потому что никогда, съ самаго основанія города, губернаторы не бывали тамъ. Добрые Армяне дѣлали все возможное, чтобы выказать намъ свое радушіе. Городъ выстроенъ на прекрасномъ мѣстѣ и потонулъ въ великолѣпныхъ садахъ. Мы охотно остались бы тамъ нѣсколько дней; но городничій предупредилъ насъ, что девять десятыхъ населенія, безъ различія бѣдныхъ и богатыхъ, старыхъ и молодыхъ, уже нѣсколько лѣтъ поражены наслѣдственной чесоткой. Это непріятное «нездоровье», какъ они его называютъ, происходитъ у нихъ отъ удивительной нечистоплотности: въ противность восточному обычаю, они никогда не моются; всѣ, даже молодыя и красивыя дѣвушки, страдаютъ чесоткой. Боязнь заразы ускорила нашъ отъѣздъ.

Въ Екатеринодарѣ Черноморскій атаманъ встрѣтилъ герцога Ришелье большими военными почестями. Два раза въ день мы сидѣли за

столомъ по три часа. Надо было пить и ѣсть много, чтобы не оскорбить атамана. Особенно затягивало ѣду то обстоятельство, что атаманъ, желая по всей вѣроятности угодить намъ, приказывалъ подавать каждое кушанье по три раза, какъ онъ говорилъ, «во славу Святой Троицы». Эти его слова каждый разъ сопровождались тремя выстрѣлами изъ пушки и троекратнымъ «ура» казаковъ, стоявшихъ передъ домомъ въ боевомъ строѣ. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, надо было выпить три стакана чаю и три стакана рому! Хозяинъ первый подавалъ примѣръ. Въ его желудкѣ умѣщалось невѣроятное количество пищи. Это былъ великанъ 60-ти лѣтъ, который казался не болѣе, какъ сорокалѣтнимъ. Въ молодости однажды осилилъ онъ разъяренного быка. Черкесы боялись его пуще огня; онъ не разъ показывалъ имъ силу своихъ рукъ. Отецъ многочисленнаго семейства, онъ даже не зналъ хорошенько своихъ дѣтей. Разъ за обѣдомъ, Ришелье спросилъ его: «Атаманъ, сколько у васъ дѣтей?» — «Трофимъ, обернулся атаманъ къ казаку, стоявшему за его стуломъ, сколько у меня дѣтей?» — «Одиннадцать», отвѣчалъ казакъ. — «Все мальчики?» продолжалъ Ришелье, чтобы скрыть одолевавшій его смѣхъ. — «Трофимъ, сколько у меня дочерей?» опять обратился атаманъ къ казаку. — «Четыре», отвѣчалъ Трофимъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Атаманъ назывался Бурсакъ; это имя ему дали въ Кіевѣ, гдѣ онъ, какъ брошенное дитя, воспитывался на казенный счетъ.

Смотры начались на другой день по нашемъ пріѣздѣ. Атаманъ представилъ губернатору двадцать полковъ, по шести сотъ человѣкъ каждый. Герцогъ провелъ пять дней, смотря это чудесное войско, несомнѣнно лучшее въ Европѣ для сторожевой и развѣдочной службы. Лошади казаковъ выдресированы, какъ собаки: по знаку хозяина онѣ ложатся, поднимаются и понимаютъ все, чего отъ нихъ требуютъ.

Воспоминанія графа Ротенштрука представляютъ много любопытнаго для исторіи Южной Россіи и огражданствованія Одессы. Тамъ жилось отлично. Герцогъ Ришелье полюбилъ Крымъ и первый изъ начальниковъ сталъ ежегодно проводить въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Выборъ Гурзуфа дѣластъ честь его художественному вкусу. Его усадьбу, нынѣшнее великолѣпное владѣніе Губонина, подарили ему мѣстные Татары; уѣзжая во Францію, онъ отдалъ его своему адъютанту Стемковскому. Ротенштрукъ, будучи домашнимъ человѣкомъ у Ришелье, ѣздилъ съ нимъ въ Петербургъ и зналъ всю подноготную управленія. Однажды пропало письмо Государя къ герцогу, и никакъ не могли открыть виноватаго въ пропажѣ. Тогда между Москвой и Одессой обязанность правительственныхъ курьеровъ исполняли козаки, жившіе на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Я отправился,

говорить Рошешуаръ, изъ Одессы съ приказаніемъ наказывать всѣхъ козаковъ, которые возятъ царскія бумаги. Приѣхавъ на станцію, я собиралъ козаковъ и говорилъ имъ: «Пропало письмо Его Императорскаго Величества; вотъ приказъ дать всѣмъ по 25 ударовъ кнутомъ». И наказаніе тутъ - же началось: каждый по очереди ложился брюхомъ внизъ и безъ возраженія получалъ отъ своего начальника указанное число ударовъ; потомъ самый старый солдатъ продѣлывалъ тоже надъ начальникомъ станціи; ни жалобы, ни ропота. Покопчивъ, я сѣлся въ повозку и ѣхалъ къ слѣдующей станціи. Шесть дней понадобилось, чтобы выполнить это тяжкое порученіе».

Любопытны страницы (144 и слѣд.) Воспоминаній Рошешуара о путешествіи Маріи Антоновны Нарышкиной, супруги оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича (о которой столько любопытнаго рассказано читателямъ «Русскаго Архива» графинею Эдлингъ). Именно въ это время началась острота къ ней Александра Павловича. Услужливый, находчивый, любезный Французъ въ ея обществѣ попалъ какъ разъ въ свою среду. Знаменитой Полькѣ шелъ тогда 31-й годъ, и она была въ полномъ разцвѣтѣ своей необыкновенной красоты. Значеніе ея, хотя негласное, не уступало значенію любимцевъ Екатерины Второй, а въ отношеніи политическомъ было гораздо вредоноснѣе, такъ какъ рядомъ съ ней, и конечно не безъ ея помощи, дѣйствовалъ князь Адамъ.

«Въ Маѣ 1811 намъ дали знать, что въ Одессу будетъ госпожа Нарышкина, урожденная Четвертинская, которая по совѣту докторовъ опасалась Петербургскаго климата, вреднаго для здоровья ея шестилѣтней дочери Софьи. Пышная свита сопровождала красавицу, и было очень трудно помѣстить ее какъ слѣдуетъ въ простомъ и скромномъ губернаторскомъ домѣ. Герцогъ Ришелье поручилъ мнѣ найти подобающее помѣщеніе для ожидаемаго большаго и блестящаго общества. У графини Потоцкой былъ въ Одессѣ великолѣпный домъ, съ прекрасно разбитымъ, выходящимъ къ морю, садомъ. Я поѣхалъ къ ней въ Тульчинъ за позволеніемъ занять этотъ домъ для ожидаемой гостии, и чрезъ три дня вернулся назадъ. Позволеніе мнѣ было дано очень милостиво, при чемъ я не скрылъ отъ графини Потоцкой, что я очень обязанъ г-жѣ Нарышкиной¹⁾. Приѣхать должны были восемнадцать человѣкъ: г-жа Нарышкина съ дочерью, три компаньонки (Русская, Полька и Англичанка) Нѣмецъ-докторъ, Висконтъ (Французъ-секретарь), егермейстеръ Павловъ²⁾, гувернантка, три горничныя, поваръ, метръ д'отель, курьеръ и три лакея.

Пребываніе Нарышкиной въ Одессѣ поглощало всѣ наши свободныя минуты. Я старался доставлять ей всѣ средства проводить время

¹⁾ Рошешуаръ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю благодаря хлопотамъ Нарышкиной, П. Б.

²⁾ Дмитрій Ивановичъ, родной дѣдъ графа Дмитрія Андреевича Толстаго. П. Б.

какъ можно пріятнѣе. Балы, концерты, морскія поѣздки, прогулки слѣдовали безъ перерыва одно за другимъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Теплый воздухъ и небо Одессы, морскія купанья въ самое короткое время произвели значительныя улучшенія въ здоровьи дѣвочки. Съ цѣлью укрѣпить ея выздоровленіе, такъ хорошо начавшееся, Одесскій докторъ посоветовалъ сдѣлать путешествіе по Крыму, надѣясь на тамошній еще болѣе теплый климатъ. Это предложеніе было принято всѣми съ восторгомъ. Но раньше надо было испросить позволеніе на эту поѣздку изъ Петербурга, которое скоро и пришло. Мы отправились въ путь 5-го Сентября 1811 года. Навѣрно со временъ путешествія императрицы Екатерины Второй край этотъ не видалъ такого многочисленнаго и блестящаго общества, какъ наше. Укладка вещей и размѣщеніе по экипажамъ задержали насъ въ Одессѣ до полдня, и въ первый день мы сдѣлали всего одиннадцать миль. Ночевать пришлось у генерала Кобле. Нашъ авангардъ состоялъ изъ фургона съ кухонными принадлежностями, телѣги съ провизіей и брички съ посудой, серебромъ и чемоданами; потомъ ѣхала моя коляска, въ которой помѣщался я съ нашимъ другомъ, Испанскимъ консуломъ Дула-дель-Кастильо. За нами въ своей каретѣ ѣхалъ Перовскій, сынъ графа Разумовскаго; онъ исполнялъ обязанности секретаря по гражданскимъ дѣламъ у герцога Ришелье. Это путешествіе было для него однимъ изъ самыхъ счастливыхъ, потому что вскорѣ послѣ того онъ женился на Шарлоттѣ де-Салли *), одной изъ кампаньенокъ Нарышкиной. За нимъ ѣхалъ экипажъ съ горничными, потомъ экипажъ секретаря Виконта, ѣхавшаго вмѣстѣ съ докторомъ Мюллеромъ; экипажъ Павлова съ компаньонкой графиней Арценъ (Artzen) и Шарлоттой де-Салли и гувернанткой маленькой Софьи. Наконецъ, въ послѣдней каретѣ сидѣла сама Нарышкина съ дочерью и графомъ Веназонъ, начальникомъ штаба герцога Ришелье. Этотъ бѣдный малый, очень красивый собой, кажется не въ мѣру поусердствовалъ, ухаживая больше чѣмъ слѣдуетъ за своей спутницей. Я не знаю, что у нихъ вышло; но дѣло въ томъ, что въ послѣдствіи графъ Веназонъ, блистательно участвуя въ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ, не получилъ ни разу ни чина, ни ордена. Послѣ этого онъ оставилъ Русскую службу, возвратился на родину въ Сардинію и тамъ скоро сдѣлался генераль-лейтенантомъ. Герцогъ Ришелье поѣхалъ впередъ двумя днями раньше насъ: онъ захотѣлъ вездѣ самъ приготовить намъ подставы.

*) Бабка Софьи Перовской, одной изъ убійцъ императора Александра II-го. Николай Ивановичъ Перовскій позднѣе сдѣлался Симферопольскимъ губернаторомъ. Въ царствованіе Александра Павловича графу М. С. Воронцову трудно было смѣснить его. П. Б.

Путь лежалъ на Херсонъ, Перекопъ, Акъ-мечеть, Бахчи-Сарай и Севастополь, гдѣ насъ ждалъ блистательный пріемъ. На маленькомъ легкомъ суднѣ мы прошли мимо всего флота, разцвѣтившагося флагами и привѣтствовавшего насъ криками «ура» и выстрѣлами изъ орудій. За обѣдами и балами въ адмиралтейскихъ залахъ, украшенныхъ морскими принадлежностями, слѣдовала поѣздка въ монастырь Св. Георгія. Потомъ намъ пришла фантазія играть «Ифигенію» въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ гдѣ произошли событія, послужившія содержаніемъ этой трагедіи. Въ Балаклавѣ по нашему настоянію командиръ батальона сдѣлалъ примѣрный приступъ и взялъ крѣпость. Для дальнѣйшаго пути по южному берегу въ Балаклавѣ было приготовлено восемьдесятъ верховыхъ лошадей и пятьдесятъ для перевозки багажа и провизіи. Вездѣ насъ принимали съ великими почестями; самые оригинальные праздники устраивались какъ бы по волшебству: концерты, балы, спектакли, фейерверки, иллюминаціи. Въ Бахчи-Сараѣ, спрятавшись въ мечети, мы видѣли кружащихся дервишей, которые поютъ и пляшутъ до тѣхъ поръ, пока ни упадутъ замертво на землю. Въ другой разъ Нарышкина посѣтила гаремъ одного мусульманскаго начальника. Это посѣщеніе могло кончиться плохо. Я былъ бѣлокуръ, безъ бороды; кожа у меня была нѣжная и бѣлая. Нарышкиной вздумалось нарядить меня въ платье ея горничной. На меня надѣли шляпу съ большимъ покрываломъ и въ этомъ видѣ принудили идти въ гаремъ. Его обитательницы съ любопытствомъ разсматривали наряды Европейскихъ женщинъ, подходили, осматривали, ощупывали. Ихъ въ особенности занималъ корсетъ. Одна изъ нихъ приближалась ко мнѣ съ цѣлью разслѣдовать. Изъ опасенія передраги, я прикинулся сердитымъ, принялъ на себя сумрачный видъ и усѣлся въ сторонку на диванѣ. Мое положеніе было тѣмъ щекотливѣе, что эти прелестныя женщины ходили полураздѣтыя. Дѣло обошлось благополучно: меня приняли за ворчунью и не беспокоили. Въ Гурзуфѣ мы оставались пять дней. Тамъ дамы купались и не могли вдоволь налюбоваться великолѣпнымъ видомъ на море. Нарышкина платила за все съ истинно-царской щедростью: такъ нравились ей эти непрерывные праздники, которые устраивались въ честь ея и на которыхъ всѣ старались превзойти другъ друга роскошью и занимательностью. Все наше общество было молодо и весело, и можно прямо сказать, что четыре недѣли путешествія были непрерывнымъ хохотомъ. Крошечная Софья совершенно подружилась со мною; она называла меня своимъ маленькимъ мужемъ и показывала мнѣ письма своего отца, удивительныя по простотѣ и нѣжности *).

*) Софья Дмитріевна Нарышкина скончалась въ 1825 году, будучи невѣстой графа Андрея Петровича Шувалова. П. Б.

30 Сентября мы ночевали въ Судакѣ, гдѣ насъ ждали экипажи для пути въ Кафу. Тамъ два дня были посвящены на осмотръ города, а вечеромъ другаго дня герцогъ Ришелье объявилъ намъ, что праздники должны кончиться и начнутся дѣла серьезные: онъ только что получилъ приказаніе выступить въ походъ и овладѣть портомъ Суджукъ-Каде, лежащимъ къ югу отъ Анапы и построеннымъ еще Генуэзцами. Черезъ этотъ портъ Турки посылали горцамъ оружіе и военные припасы.

Итакъ, въ Кафѣ мы разставались. Одни должны были возвратиться въ Петербургъ и Одессу, другіе—переплыть Керченскій проливъ и присоединиться къ экспедиціи. Нарышкина непременно хотѣла проводить насъ до Анапы, чтобы потомъ имѣть возможность говорить, что была въ Азіи. Герцогъ Ришелье согласился на это лишь съ условіемъ оставить маленькую Софію въ Кафѣ съ гувернанткой, докторомъ и Виконтомъ. Устроивъ ее тамъ, мы отправились въ Керчь, гдѣ должны были найти военныя суда для переѣзда въ Тамань; но ихъ еще не было, и намъ пришлось ждать въ Керчи два дня. Мы осматривали столицу Митридата и по вечерамъ играли пословицы. Толпа нашихъ зрителей была самая пестрая: казаки, мусульманы, колонисты изъ всѣхъ странъ, Русскіе солдаты и пр., и все это на томъ мѣстѣ гдѣ погребень Моимъ. Когда суда пришли, мы переправились черезъ Керченскій проливъ, заночевали въ Тамани и на другой день раннимъ утромъ отправились въ путь, оставивъ двѣ шлюпки для Нарышкиной, когда она вернется назадъ. Наши четыре дамы, окруженныя блестящей свитой, ѣхали въ коляскѣ въ шесть лошадей. Спереди и сзади былъ козачій конвой. Маленькіе отряды всюду были разставлены вдоль дороги, чтобы обезопасить путешественницъ отъ засады. Можно себѣ представить, сколько прелести имѣла для дамъ эта воинственная обстановка! До Анапы было 15 миль, и на полпути мы сдѣлали роздыхъ. Въ Анапѣ не было гостиницы; поэтому вечеромъ пришлось расположиться очень по просту: подъ открытымъ небомъ положили на землю тюфяки и покрылись шалими. Дамы, въ восхищеніи отъ этого подобія бивака, вовсе не жаловались на неудобства; напротивъ, это служило новымъ поводомъ къ смѣху. На другой день утромъ онѣ осматривали войска съ Ришелье, а вечеромъ устроился балъ. Нарышкина оставалась въ лагерьѣ три дня. И тутъ, какъ раньше, старались всячески увеселять ее: дѣлали смотръ войскамъ, примѣрныя рекогносцировки и сраженія, въ которыхъ къ крайнему неудовольствію всѣхъ дамъ ни разу не встрѣтился непріятель и не раздалось ни одного выстрѣла. На четвертый только день воинственная красавица отправилась назадъ, благополучно добралась до Кафы и уѣхала оттуда въ Петербургъ.

Тѣмъ временемъ политическій горизонтъ омрачался. Всюду царствовали возбужденіе и безпокойство. Страшная комета возвѣщала великое бѣдствіе, торговля совершенно остановилась. Тяжелыя, громовыя тучи окутывали небо Россіи. На Югѣ Кутузовъ все еще не могъ заключить миръ съ Турціей, а между тѣмъ съ Запада уже грозилъ злой геній войны, исполинъ, передъ однимъ пменемъ, котораго все трепетало. Александръ Павловичъ письмомъ изъ Царскаго Села отъ 9 Апрѣля 1812 года (стр. 167) поручалъ попеченіямъ герцога Ришелье М. А. Нарышкину и ея дочь, которыя должны были опять ѣхать въ Крымъ, гдѣ для нихъ отстраивалась дача. (Поѣздка не состоялась). Въ случаѣ военной опасности Ришелье долженъ былъ препроводить ихъ въ Пензу или въ Саратовъ. «Жду этой услуги отъ вашей дружбы ко мнѣ и къ ней—писалъ Государь.—Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, до какой степени эти два существа для меня дороги».

Графъ Рошешуаръ сообщаетъ любопытныя подробности о переговорахъ съ Турками, для которыхъ посланъ былъ къ нимъ его братъ.

Въ Одессѣ еще съ Марта мѣсяца начали собирать и готовить къ походу войска, какими только могла располагать Новороссія. Только въ Августѣ эти войска были готовы и подъ начальствомъ генерала Тормазова двинулись на Волынъ. Тормазовъ присоединился сначала къ отряду адмирала Чичагова, но потомъ былъ вызванъ Кутузовымъ къ главной арміи. Чичаговъ же долженъ былъ занять Минскъ и Вильну и такимъ образомъ отрѣзать Наполеону отступленіе. Въ Октябрѣ графъ Рошешуаръ распрощался съ своимъ покровителемъ, который остался въ Одессѣ, гдѣ боролся геройски со свирѣпствовавшей чумою. Рошешуаръ уѣхалъ къ арміи Чичагова и былъ въ ней во время извѣстной переправы Наполеона черезъ Березину. Было ли это въ духѣ времени или помогало Рошешуару собственное Французамъ легкомысліе, но повидимому онъ мало задумывался надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ему приходилось стоять въ рядахъ арміи, враждебной Франціи и сражаться противъ своихъ же Французовъ. Въ книгѣ его нигдѣ не встрѣчается подобной мысли. Мы видимъ Рошешуара въ Минскѣ, откуда Чичаговъ только что прогналъ генерала Брониковскаго, которому Наполеонъ поручилъ защиту этого города, гдѣ находились склады продовольствія для его войскъ.

«Мы были въ полнѣйшемъ невѣдѣніи, говорить Рошешуаръ, относительно того, что происходило послѣ пожара Москвы. Мы не знали ни гдѣ находится Наполеонъ, ни того, что Французская армія въ плачевномъ состояніи, ни того, съ кѣмъ именно мы могли встрѣтиться

и сражаться. Адмирала Чичагова очень много осуждали за его медлительность и за дѣйствія при Березинской переправѣ; но никто не хотѣлъ принять въ расчетъ, какъ неожиданно очутился онъ лицомъ къ лицу со всей арміей Наполеона, не будучи объ этомъ предупрежденъ. Между тѣмъ онъ не могъ дѣйствовать сломя голову, а еще менѣе подвергать опасности свои отличныя войска. Адмиралъ не могъ дѣйствовать иначе, какъ онъ дѣйствовалъ. Я правдиво и точно расскажу то, что было, и буду говорить только о томъ, что видѣлъ собственными глазами.

По вступленіи нашемъ въ Минскъ, два дня войска отдыхали и запасались всѣмъ необходимымъ. Потомъ былъ созванъ совѣтъ для обсужденія дальнѣйшаго хода дѣйствій. Прежде всего старались собрать какія бы то ни было свѣдѣнія о положеніи Русской и Французской армій, но это не удалось: никто не зналъ ничего положительнаго. Тогда начали колебаться, идти-ли на Вильну и завладѣть громадными военными складами, которые тамъ находились, или пройдя Оршу направиться въ Витебскъ, чтобы разрушить мостъ черезъ Дняпръ. Рѣшили, наконецъ, идти на Вильну, овладѣвъ между прочимъ Борисовымъ и мостомъ черезъ Березину. Это поручено было графу Ламберту, который командовалъ нашимъ авангардомъ. Подъ его начальствомъ было до 10 тыс. человекъ; изъ нихъ половина кавалеріи и нѣсколько большихъ пушекъ. Ланжеронъ позволилъ мнѣ отправиться съ Ламбертомъ.

7-го Ноября мы пошли на Борисовъ, а 8-го вечеромъ расположились биваками противъ Французскихъ аванпостовъ. Ламбертъ отложилъ до слѣдующаго дня атаку ретраншементовъ. На разсвѣтъ генералъ послалъ меня со стрѣлками развѣдать положеніе и силы нашихъ противниковъ. Ихъ аванпосты скоро начали отступать, и по слабому ихъ и нерѣшительному сопротивленію я заключилъ, что передъ нами не Французы, а сборные отряды различныхъ національностей. Когда аванпосты отступили, непріятель открылъ по насъ артилерійскій огонь, которыми убилъ нѣсколько человекъ и лошадей, и полковнику Мито оторвало руку. Дорога, по которой мы наступали, кончалась у лѣвой стороны предмостнаго укрѣпленія, и я оставилъ ее, предполагая, что съ другой стороны укрѣпленія защита будетъ слабѣе. Дѣйствительно я подошелъ безъ труда къ правой сторонѣ, выходящей на рѣку; но такъ какъ у меня не было достаточно людей, чтобы предпринять что-нибудь важное, я оставилъ свой отрядъ подъ прикрытіемъ маленькаго пригорка, а самъ, осыпавъ непріятельскими пулями, поскакалъ къ Ламберту. Я нашелъ его въ центрѣ нашего главнаго отряда и просилъ дать еще

батальонъ, увѣряя, что правая сторона укрѣплений въ плохомъ состояніи, и ее очень легко взять приступомъ. У насъ было много кавалеріи и очень мало пѣхоты: составъ войскъ, обыкновенный во всѣхъ авангардахъ, но мало удобный для взятія окоповъ. Генераль приказалъ спѣшиться тремъстамъ гусарамъ того полка, котораго самъ онъ былъ командиромъ, и сказалъ имъ: «Дѣти, я доставлю вамъ хорошій случай отличиться. Вы поможете гренадерамъ, которыхъ мало, взять эти окопы! Въ ружье! Впередъ!!!» Громкое ура было ему отвѣтомъ. Къ этимъ гусарамъ Ламбертъ прибавилъ четыре роты пѣхоты и обѣщалъ подождать съ атакой на центръ и на правое крыло, пока я не приду и не стану дѣйствовать на лѣвое. Удовлетворяя нетерпѣнію войска, генераль приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ по укрѣпленіямъ. Но неистовое ура прокатилось по всей линіи вслѣдъ за выстрѣлами; оно подало сигналъ къ атакѣ и привлекло непріятельскія силы на лѣвую сторону предмостнаго укрѣпленія. Мнѣ сдѣлалось тогда очень легко проникнуть туда съ правой стороны съ моими стрѣлками и гусарами. (Рошешуаръ получилъ за это дѣло Владимирскій крестъ). Такимъ образомъ мы заставили немедленно очистить предмостное укрѣпленіе, потому что непріятель, видя себя неожиданно атакованнымъ даже внутри своихъ окоповъ, побѣжалъ по длинному мосту, ведущему въ городъ Борисовъ. Онъ надѣялся, что успѣетъ сломать или сжечь этотъ мостъ; но наши войска, войдя въ городъ одновременно съ непріателемъ и въ перемежку съ нимъ, помѣшали выполнить это намѣреніе. Тутъ я узналъ, что Ламбертъ раненъ въ плечо во время приступа. Я отправился провѣдать о его здоровьи и сопровождалъ его по Борисову, откуда быстро ушли Саксонцы. Когда порядокъ былъ восстановленъ въ городѣ, раненаго генерала помѣстили въ хорошій домъ, гдѣ только-что передъ тѣмъ жилъ Брониковскій. Въ домѣ были каминъ, очень рѣдкая роскошь въ этой странѣ, и въ немъ яркимъ пламенемъ горѣли бумаги. Какъ бы предчувствуя ихъ важность, я бросился къ камину, и мнѣ удалось спасти отъ огня нѣсколько обрывковъ, въ числѣ которыхъ находилось письмо маршала герцога Беллюна къ Брониковскому, губернатору Минска».

Вотъ оно: «Господинъ губернаторъ! Моему адъютанту, князю Сулковскому, подателю сего, поручено выполнить помѣщенныя въ этомъ письмѣ приказанія. Е. В. императоръ Наполеонъ долженъ прибыть послѣ завтра 23 (11) въ Борисовъ, а 25 будетъ въ Минскѣ. Долгіе переходы, а также многочисленныя славныя битвы, настоятельно требуютъ для арміи отдыха и сѣстныхъ припасовъ. Примите мѣры, чтобы все было готово. Главнымъ образомъ надо будетъ перемѣнить много

обуви. Маршалъ герцогъ де-Беллюнъ.» Нечего и говорить о нашемъ изумленіи, когда мы узнали, что завтра у насъ на рукахъ будетъ вся великая армія. Ламбертъ сказалъ мнѣ: «Отвезите сейчасъ-же это письмо адмиралу Чичагову и прибавьте ему, что я оставляю здѣсь только самый маленькій отрядъ, всѣ же остальные войска посылаю немедленно по дорогѣ къ Оршѣ. Рана удерживаетъ меня въ постели, и я передаю командованіе генералу графу Палену».

Я отправился сейчасъ же и нашелъ адмирала въ дорогѣ. Узнавъ о взятіи предмостнаго укрѣпленія, онъ немедленно сѣлъ на лошадь и со всѣмъ своимъ штабомъ поѣхалъ осмотрѣть позицію. Я вручилъ ему письмо герцога Беллюна и передалъ слова Ламберта.

На слѣдующій день, 10 Ноября, я навѣстилъ Ланджерона, расположившагося со своимъ отрядомъ впереди предмостнаго укрѣпленія. Вечеромъ къ нему подошелъ весь нашъ корпусъ и сталъ бивакомъ на правомъ берегу Березины. Такимъ образомъ онъ былъ отдѣленъ отъ города мостомъ, очень длиннымъ по причинѣ болотъ, что на лѣвомъ берегу. Ночевать я возвратился въ городъ.

11-го адмиралъ созвалъ военный совѣтъ и ожидалъ съ петербургскимъ новостямъ изъ авангарда, который провелъ ночь въ Лохмицѣ, въ 6 верстахъ отъ насъ. Въ этотъ день вечеромъ я обѣдалъ у г-жи Рахмановой, жены главнаго интенданта нашей арміи. Въ серединѣ обѣда мы вдругъ увидѣли скачущихъ нашихъ гусаръ, принадлежавшихъ къ авангарду; лошади ихъ были покрыты пѣною, они кричали: «Французы!» и направлялись къ мосту. Съ каждой минутой число бѣглецовъ увеличивалось, а между тѣмъ еще третьяго дни эти же самые солдаты храбро сражались. Я попытался было остановить бѣгущихъ—напрасный трудъ. Подъ вліяніемъ паническаго ужаса, обезумѣвъ отъ страха, они кричали «Французы, Французы» и не были въ состояніи сказать что-либо другое. Нѣсколько пушекъ съ зарядными ящиками проскакали въ галопъ по городу, все опрокидывая и давя на своемъ пути. Приходилось слѣдовать общему теченію; я направился къ мосту и тамъ нашелъ г-жу Ламбертъ *). Ей удалось остановить нѣсколько гусаровъ своего мужа, и она говорила имъ по-русски: «Дѣти, неужели вы оставите вашего раненаго генерала!» Нѣсколько гусаръ спѣшили и понесли на плечахъ своего начальника, а четверо конныхъ, ведя въ по-

*) Это была дочь Суворовскаго генерала Дѣева, сильная духомъ и увѣренная Костромичка. Пушкинъ (въ Царскомъ Селѣ 1831) звалъ ее: „Madame Tolpédje“. П. Б.

воду лошадей товарищей, поѣхали впередъ и расчищали дорогу раненному, до другого конца этого безконечнаго моста. Я воспользовался этимъ шествіемъ, чтобы перебраться черезъ Березину среди страшной сутолки, въ которой нѣсколько разъ могъ быть раздавленъ или сброшенъ въ рѣку. Адмиралъ садился въ это время за столъ со своими офицерами. Онъ долженъ былъ тоже оставить обѣдъ и, какъ я, перейти мостъ пѣшкомъ. Въ полчаса все было кончено, т. е. изъ десяти тысячъ и 12 пушекъ авангарда только тысяча человѣкъ и двѣ пушки перешли рѣку; остальное было взято въ плѣнъ или разсѣяно. Пятьдесятъ человѣкъ Французскихъ егерей изъ дивизіи Леграна, которыхъ вѣрно было напоить вдоволь водкой, захватили редуты нашего авангарда передъ Лохмицей. Бѣдный Паленъ никакъ не могъ собрать вокругъ себя и ста человѣкъ. Принявъ командованіе лишь наканунѣ и не будучи извѣстенъ солдатамъ, онъ противъ воли былъ увлеченъ толпами бѣглецовъ и явился къ намъ на бивакъ въ отчаяніи, которое трудно описать. Адмиралъ, какъ только мы перебрались на другой берегъ, былъ въ ожиданіи съ минуты на минуту появленія всей великой арміи, силъ которой никто не зналъ; онъ велѣлъ сломать мостъ въ двухъ мѣстахъ и уничтожилъ такимъ образомъ всякое сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ. Всѣ пожитки Рошешуара были захвачены Французами. Вѣрный козакъ спасъ ему только его мѣховую шинель.

Вечеромъ полковникъ Михаилъ Орловъ на рекогносцировкѣ встрѣтилъ казачій отрядъ, который везъ письмо Кутузова къ адмиралу. Въ письмѣ сообщалось, что Французская армія, безпорядочная и разстроенная, приближалась. Чтобы спасти какъ можно больше людей, Наполеонъ, по всей вѣроятности, поторопится перейти Березину, и адмиралъ долженъ былъ во что бы ни стало задержать его на этой переправѣ, и тѣмъ дать время главнокомандующему соединиться съ корпусомъ Витгенштейна и атамана Платова. Кутузовъ кончалъ такими словами: «Вы имѣете дѣло съ Наполеономъ, геніальнѣйшимъ полководцемъ. Должно быть, онъ сдѣлаетъ демонстрацію переправы на одномъ пунктѣ, чтобы привлечь ваше вниманіе, и постарается перейти рѣку въ пунктѣ противоположномъ. Поэтому—благоразуміе и бдительность».

Такимъ образомъ, увѣдомленный заранѣе и получивъ свѣдѣнія и совѣтъ отъ главнокомандующаго, адмиралъ долженъ былъ сообразоваться съ мнѣніями своего начальника. Адмиралъ послалъ по правому берегу Березины легкій отрядъ, чтобы попробовать войти въ сношенія съ Витгенштейномъ. Начальникъ этого отряда сообщилъ адмиралу, что Французы, кажется,

хотять строить мостъ въ Студянкѣ, въ 25 верстахъ выше Борисова, мѣстъ очень болотистомъ и потому мало удобномъ для постройки моста. Адмиралъ, убѣжденный, что хотять нарочно привлечь его вниманіе на этотъ пунктъ, чтобы постараться перейти въ другомъ мѣстѣ, напр. въ Березинѣ (гдѣ хорошія дороги и крѣпкій мостъ), отдалъ приказаніе всему корпусу двинуться на Березино. Одинъ Ланжеронъ съ четырьмя тысячами человѣкъ остался въ Студянкѣ наблюдать за дѣйствіями непріятеля.

Березино лежитъ внизъ по рѣкѣ, въ 25 верстахъ отъ Борисова. Мы прошли всю ночь по страшному холоду и невозможнымъ дорогамъ. Прибывъ въ Березино утромъ 13-го, мы не замѣтили и слѣдовъ Французской арміи, и адмиралъ началъ опасаться, не сдѣлалъ ли ошибочнаго маневра. Вечеромъ онъ получилъ свѣдѣнія, что этотъ утомительный переходъ дѣйствительно былъ крайне благопріятенъ Наполеону: адъютантъ Ланжерона пріѣхалъ сообщить намъ, что Французскіе инженеры строятъ противъ нихъ мостъ на козлахъ и что работы производятся подъ прикрытіемъ сорока пушекъ большого калибра. У Ланжерона было только восемь пушекъ, и онъ, боясь быть совершенно уничтоженнымъ такимъ очевиднымъ большинствомъ, ушелъ къ Борисову, чтобы соединиться съ отрядомъ, занимавшимъ тамъ предмѣстное укрѣпленіе и ждать новыхъ приказаній.

Не смотря на отвратительныя дороги, по которымъ надо было идти, утромъ 14-го мы были уже у предмостнаго укрѣпленія, но съ обезсиленными людьми и лошадьми, имѣя множество отсталыхъ, занятыхъ вытаскиваніемъ орудій и фургоновъ, застрявшихъ въ рытвинахъ. Весь день 15-го отсталые собирались.

16-го на разсвѣтѣ мы двинулись къ Студянкѣ; но, благодаря нашему ошибочному маневру, Французская армія перешла Березину безъ помѣхи. Одинъ только отрядъ Партуно, въ 4 т. чел., составлявшій аріергардъ, былъ отрѣзанъ и принужденъ сдаться.

Такимъ-то образомъ Французы перешли послѣднюю важную преграду къ отступленію. Великая армія была тогда уже обезсилена и разстроена, и адмиралъ Чичаговъ со своими 20-ю тысячами свѣжаго войска дѣйствительно могъ бы очень помѣшать переправѣ и нанести значительный ущербъ непріятелю, еслибы, вмѣсто маневра на Березино, былъ въ время въ Студянкѣ. Его обвиняють за это; но, какъ видно, онъ былъ виноватъ развѣ тѣмъ, что слишкомъ довѣрился

совѣтамъ Кутузова и со стороны Французовъ ожидалъ хитрости тамъ, гдѣ было уже не до хитростей. Въ этомъ обстоятельствѣ перехитрилъ всѣхъ хитрѣйшій старецъ, главнокомандующій Кутузовъ. Онъ зналъ плачевное состояніе Французской арміи, зналъ, что Наполеону некогда дѣлать какія бы то ни было демонстраціи, а надо поскорѣе уносить ноги, и въ тоже время писалъ Чичагову, что Наполеонъ, по всей вѣроятности, сдѣлаетъ ложную демонстрацію. Теперь извѣстно, что Кутузовъ не хотѣлъ ни брать самого Наполеона, ни уничтожать окончательно Французскую армію. Онъ даже не хотѣлъ идти далѣе и уступилъ только настояніямъ Государи. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы, прогнавъ Наполеона, не увлеклись славой и остались въ своихъ предѣлахъ, было бы, можетъ быть, меньше блеску, но больше пользы. Начало Наполеоновскому концу уже было положено; дальше Европа и безъ насъ покончила бы со своимъ недавнимъ владыкой, но покончила, употребивъ немовѣрные усилія. Эта борьба ослабила бы въ конецъ и Францію, и всю Европу; а Россія надолго, безъ всякихъ романтическихъ священныхъ союзовъ, самую силою обстоятельствъ являлась бы вершителницею судебъ всѣхъ Европейскихъ государствъ.

«18 Ноября, продолжаетъ Рошешуаръ, мнѣ пришлось быть на томъ мѣстѣ, гдѣ переходила рѣку Французская армія. Чтò за пачальное, раздирающее душу зрѣлище! Всюду видѣлись кучами трупы людей, женщинъ и даже дѣтей, солдатъ всѣхъ родовъ оружія, всѣхъ національностей, замороженныхъ, задавленныхъ бѣглецами или настигнутыхъ Русскими пулями. Все смѣшалось: лошади, экипажи, пушки, зарытые ящики, кинутые фургоны. На мосту я увидаль одну женщину, ноги свѣсились внизъ и замерзли въ рѣчномъ льду. Женщина держала на рукахъ ребенка и умоляла спасти его, не замѣчая, что ребенокъ давно зачечѣлъ. Обѣ стороны дороги были завалены мертвыми во всѣхъ положеніяхъ или людьми умирающими отъ холода и истощенія; они были одѣты въ лохмотья и просили взять ихъ въ плѣнъ».

Съ 1-го Декабря никто уже не думалъ сражаться, а всѣ помышляли какъ бы дойти до Вильны. Французы рассчитывали найти тамъ съѣстные припасы, одежду и обувь, а Русскіе преслѣдовали ихъ, чтобы поскорѣе выгнать изъ своихъ предѣловъ.

«11 Декабря, въ 29-ти градусный морозъ, я вѣхалъ въ Вильну съ Ламсдорфомъ, въ его каретѣ. Нашъ экипажъ съ трудомъ подвигался среди груды труповъ, замерзшихъ посреди дороги. Слуги наши слѣдовали впередъ и раскидывали направо и налево мертвыхъ, мѣшавшихъ проѣхать. Трудно себѣ представить положеніе Вильны въ слѣ-

дующіе четыре дня по нашемъ приходѣ. Всѣ монастыри и дома биткомъ набиты Французами, Поляками, Нѣмцами, Испанцами, Итальянцами, Португальцами, плѣнными, ранеными или больными». А надо было помѣщать всѣхъ! Изъ одного монастыря выкидывали вонъ трупы и вмѣстѣ съ ними раненыхъ иноземцевъ, чтобы опростать мѣсто для своихъ! «Снѣгъ, покрывавшій улицы, смягчалъ стукъ колесъ по мостовой, но не мѣшалъ слышать стоны и крики раненыхъ, просившихъ ѣсть. Однимъ словомъ, мы не знали куда спрятаться, чтобы уснуть хоть на часъ».

Императоръ Александръ прибылъ въ Вильну 10 (22) Декабря. Военныя дѣйствія надо было пріостановить изъ-за страшнаго холода. Пользуясь этимъ временемъ, Рошешуаръ отпросился въ Петербургъ; ему дали отвезти бумаги къ военному министру и плѣннаго маркиза де-Кастри. На него пролились щедроты Государя, и въ обществѣ М. А. Парышкиной онъ благоденствовалъ. Въ Петербургѣ пробылъ онъ три мѣсяца и въ концѣ Марта опять отправился къ арміи вмѣстѣ съ баропомъ Маршалемъ, состоявшимъ при Австрійскомъ посольствѣ и черезъ котораго велись тайные переговоры съ Австріей. Государя Рошешуаръ нашелъ въ маленькомъ Саксонскомъ городѣ Лаубанѣ.

«19-го Апрѣля, пишетъ онъ, Государь принялъ меня очень ласково. Его Величество оставался нѣсколько дней въ Лаубанѣ. Передъ отъѣздомъ онъ велѣлъ сдѣлать цѣнный подарокъ владѣльцу того дома, въ которомъ жилъ; однако владѣлецъ представилъ счетъ графу Толстому: 50 талеровъ за цвѣты, стоявшіе на лѣстницѣ, 3 талера за бутылку Бургонскаго вина, предложеннаго Государю при встрѣчѣ, 16 талеровъ за простыни придворнымъ лакеямъ и т. д. Нѣмцы ничего не дѣлаютъ изъ-за одной чести».

21-е было посвящено осмотру поселенія Братьевъ Моравскихъ или анабаптистовъ. Государь, въ сопровожденіи всего своего штаба, пріѣхалъ на дрожкахъ въ деревню, гдѣ они жили. Сойдя у гостиницы, онъ пожелалъ имѣть проводника, который бы ему все показалъ «Кто вы?» спросили его. — «Я Александръ», отвѣчалъ Государь. Новость быстро разнеслась, и деревня сбѣжалась привѣтствовать Государя; доброта котораго вошла въ пословицу.

22-го Его Величество прибылъ въ Бауценъ; 23-го ночевали въ Радебергѣ, а 24-го вступили въ Дрезденъ. Императоръ въѣхалъ въ городъ во главѣ своей и Прусской гвардіи. По лѣвую его руку ѣхалъ король Прусскій со своими сыновьями; самая блестящая свита сопро-

вождала ихъ. Жители стояли шпалерами вдоль улицъ, и молодыя дѣвушки бросали цвѣты на пути ихъ величествъ. День кончился великолѣпной иллюминаціей, а въ походной церкви нашей Пасхальной заутреней. На другой день парадъ и обѣдъ у Государя, а вечеромъ торжественный спектакль въ оперѣ (играли по-итальянски «Весталку»).

«29-го мы должны были ночевать въ Герингсвальде. Но такъ какъ разстояніе отъ Дрездена было слишкомъ велико, то стали бивакомъ въ открытомъ полѣ. 30-го, чтобы ускорить движеніе, оставили тяжелый обозъ въ Герингсвальде. Главная квартира ночевала въ Фробургѣ, и на слѣдующій день 1 Мая, въ Борнѣ. Былъ отданъ приказъ готовиться въ дальнѣйшій путь къ 2 часамъ ночи. Это было наканунѣ того памятнаго дня, Воскресенья 2-го Мая, который долженъ бы былъ рѣшить участь Европы, еслибы мы остались побѣдителями».

Въ четыре часа утра Русскій императоръ и король Пруссій прибыли въ Пегау. Тамъ ихъ ждалъ новый главнокомандующій Русско-прусской арміей, графъ Витгенштейнъ. Онъ составилъ себѣ хорошую репутацію во время кампаніи 1812-го года. Однако онъ сдѣлалъ большую ошибку 2 Мая, приказавъ всей Прусской арміи пройти передъ нашею, чтобы занять свое мѣсто въ сраженіи. Этотъ маневръ, который очень легко можно было сдѣлать наканунѣ, уничтожилъ всѣ наши успія, замедливъ начало боя на три часа. Вторая его ошибка была удаленіе резерва, состоявшаго изъ 20-ти тысячъ человѣкъ подъ командой Милорадовича, который не могъ принять участія въ боѣ и прибылъ на мѣсто уже ночью, когда началось отступленіе.

На другой день послѣ Люценскаго сраженія, наша главная квартира ночевала въ Пёнигѣ, а императоръ Александръ съ Нессельроде отправился въ Дрезденъ, чтобы тамъ обсудить дальнѣйшій ходъ дѣйствій. Онъ оставался тамъ до 8-го Мая, а 9-го опять прибылъ къ арміи.

Въ Четвергъ, 20 Мая, началась великая битва, называемая у Французовъ сраженіемъ Бауценскимъ, у Русскихъ—Вюршенскимъ. Чтобы слѣдить за всѣми движеніями войска, императоръ Александръ чрезъ мѣру подвергалъ себя непріятельскому огню; всюду, гдѣ онъ ни проѣзжалъ со своимъ штабомъ, наша раззолоченная группа привлекала вниманіе непріятеля, и по насъ стрѣляли. Много офицеровъ было ранено или убито. Послѣ ожесточенной борьбы и чудесъ храбрости съ обѣихъ сторонъ, бой прекратился около десяти часовъ вечера. Императоръ и король ночевали въ трехъ миляхъ отъ мѣста сраженія.

На другой день пушечная пальба началась съ 4-хъ часовъ утра. Около 2-хъ часовъ пополудни Наполеонъ обманулъ насъ ложной атакой на наше лѣвое крыло, упиравшееся въ горы, которыя раздѣляютъ Богемію и Саксонію. Въ тоже время онъ приказалъ маршалу Нею подкрѣпить себя дивизіями Ренне и Лористона и съ образовавшимся такимъ образомъ шестидесятитысячнымъ корпусомъ обрушиться на наши двѣ дивизіи, Барклая-де-Толли и Блюхера, отдѣлившіяся отъ праваго крыла. Эти двѣ дивизіи, боясь быть отрѣзанными отъ арміи, перешли Шпрее. Императоръ Александръ, видя, что нашей арміи грозитъ опасность очутиться прижатой къ Богемскимъ горамъ, рѣшился на отступленіе, пока было еще время. Въ 6 часовъ вечера отдавъ приказъ гвардіи двинуться немедленно на Гохкирхъ. Всѣ корпуса должны были слѣдовать за нею въ самыхъ короткихъ промежуткахъ. Это памятное отступленіе покрыло славою Русскую армію, которая произвела его съ удивительною правильностью и порядкомъ, не торопясь и не путаясь. Графъ Петръ Паленъ командовалъ этимъ мужественнымъ аріергардомъ. Лучшее войско въ мірѣ, преслѣдуя его по пятамъ, не могло ни разстроить, ни взять у него ни одной пушки.

«4 Іюня мы узнали о заключеніи перемирія, подписаннаго въ Плейвицѣ графомъ Шуваловымъ, Клейстомъ и Коленкуртомъ. Военныя дѣйствія должны были снова начаться 17 Августа».

Тѣмъ временемъ, графа Рошенуара посылали въ Кольбергъ съ отвѣтнымъ письмомъ Государя къ графу д'Артуа.

Заключенный за это время наступательный и оборонительный союзъ между Россіей, Пруссіей и Австріей требовалъ новаго плана кампаніи, и на большомъ военномъ совѣтѣ было рѣшено: одинъ корпусъ Русскихъ войскъ и одинъ—Прусскихъ должны были соединиться съ Австрійской арміей въ Богеміи, чтобы тревожить Французовъ съ тылу и фланга, тогда какъ остальные Русскія и Прусскія силы будутъ нападать на нихъ съ фронта.

«Императоръ Александръ къ 15 Августа прибылъ въ Прагу. Вечеромъ 17 Августа, мой товарищъ, полковникъ Рапателъ, адъютантъ Императора, сказалъ мнѣ: «Другъ мой, я хочу представить васъ нашему знаменитому соотечественнику, моему прежнему начальнику. Я говорю о генералѣ Моро, который только-что прибылъ изъ Америки». Я съ радостью принялъ предложеніе, и мы вмѣстѣ отправились къ знаменитому генералу, который выказалъ свои военныя способности въ первыхъ войнахъ Революціи и во всей Европѣ одинъ былъ способенъ бороться съ Наполеономъ».

Этотъ знаменитый человѣкъ сохранилъ до конца прямоту, немного грубую. На другой день моего къ нему визита, Царь давалъ обѣдъ въ его честь. Весь штабъ и много генераловъ Австрійскихъ и Прусскихъ было приглашено къ столу. Императоръ, по правую руку котораго сидѣлъ Шварценбергъ, а по лѣвую Моро, взялъ графиню, чтобы налить себѣ пить. Моро неожиданно схватилъ его за руку. «Государь, не пейте: это ядъ! Или то, что я сейчасъ пробовалъ, поддѣлано какъ пельзя хуже и, въ такомъ случаѣ, не можетъ быть вамъ подаваемо, или это питье содержитъ въ себѣ ядовитую подмѣсь, обличаемую отвратительнымъ вкусомъ». Государь громко разсмѣялся и, обращаясь къ своему гофмаршалу, сказалъ: «Толстой слышишь? Однако я пью это вино вотъ уже нѣсколько дней!» Моро получилъ титулъ Русскаго фельдмаршала.

Императоръ Александръ, заключая союзъ съ Австріей, предлагалъ назначить Моро главнокомандующимъ; такимъ образомъ самолюбіе всѣхъ было бы пощажено. Но Метернихъ подъ угрозою разрыва требовалъ этого титула для Шварценберга. Императоръ выразилъ Моро свои сожалѣнія по поводу этого, и тотъ отвѣчалъ ему: «Государь, я понимаю нежеланіе Австріи. Еслибы вы сдѣлали мнѣ честь посовѣтоваться со мной раньше, я предложилъ бы командовать вамъ самому. Всякія противорѣчія исчезли бы передъ такимъ начальникомъ. Я былъ бы вашимъ главнымъ помощникомъ, и военныя дѣйствія шли бы по опредѣленному направленію. Теперь все, что я могу предложить Вашему Величеству—это совѣты моей старой опытности. Да поможетъ намъ Богъ!»

26-го Августа, въ первый день Дрезденскаго сраженія, атака началась очень поздно и не довольно настойчиво. Однако союзная армія взяла два редута. Силы союзниковъ, собранныя вокругъ Дрездена, превосходили 200 тысячъ человѣкъ и имѣли передъ собою въ этотъ день только корпусъ маршала Гувіона Сепъ-Сира. Этотъ корпусъ неизбежно долженъ бы былъ погибнуть, еслибы атака началась раньше и еслибы послѣ первыхъ успѣховъ ее вели сильнѣе, а не ограничивались посылкой подкрѣплений, что только затягивало бой. Надо было атаковать всѣми силами и по всей линіи. Моро сказалъ Государю: «Но что же тутъ дѣлаютъ? Отчего не подвигаются впередъ? Судя по вялости защитниковъ, здѣсь нѣтъ Наполеона, и мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ его корпусовъ». Императоръ, почувствовавъ вѣрность замѣчанія, подвелъ Моро къ главнокомандующему, чтобы повторить ему это. Австрійскій генералъ давалъ очень плохія объясненія въ оправданіе медлительности, которую онъ называлъ благоразуміемъ, и наконецъ сказалъ: «Мы не хотимъ разрушать Дрездена».

— А! такъ вотъ отчего, возразилъ побѣдитель при Гогенлинденѣ. Однако, князь, воюють не для того, чтобы щадить своихъ враговъ, а для того, чтобы дѣлать имъ возможно больше вреда. Зачѣмъ же было подходить къ этому городу и не выбрать другаго поля сраженія?»

Потомъ, раздраженный спокойствіемъ, съ которымъ ему отвѣчали, Моро бросилъ шляпу на землю и воскликнулъ: — «Э, чортъ возьми, милостивый государь, теперь я больше не удивляюсь, что васъ постоянно бьютъ вотъ ужъ семнадцать лѣтъ!»

Это слова, которыя мы всѣ слышали. Императоръ пытался успокоить и увести въ сторону Моро. Тотъ, удаляясь, прибавилъ: «Государь, этотъ человѣкъ все погубить!»

Нѣсколько времени спустя, мы увидѣли, что изъ трехъ воротъ Дрездена выходятъ три сжатыхъ колонны, приблизительно по 15-ти тысячъ каждая. Эти колонны отбросили союзниковъ далеко за предѣлы той линіи, до которой они только что дошли. Наполеонъ, услышавъ канонаду, поспѣшилъ со всѣми своими силами перейти Эльбу и явился въ Дрезденъ вполнѣ неожиданно.

На другой день, 27-го, пошелъ проливной дождь, котораго никогда не забудутъ всѣ участники сраженія, и лиль не переставая трое сутокъ. Я не даю никакихъ подробностей этого втораго дня, столь печальнаго для союзниковъ. Побѣда, на которую они имѣли право надѣяться, обратилась въ поражение.

Мы начали отступление, которое скоро обратилось въ общее бѣгство. Александръ, окруженный слишкомъ многочисленнымъ штабомъ, былъ вполнѣ на виду. Французскія ядра попадали прямо въ насъ. Моро сказалъ Государю: «Вы слишкомъ нужны, чтобъ подвергать себя опасности, особливо когда, по милости ошибокъ, допущенныхъ вчера, въ эту ночь и даже нынче утромъ, намъ приходится отступать. Умоляю Ваше Величество подумать о томъ, что въ этой отвагѣ нѣтъ для васъ славы и что гибель ваша повергнетъ вашихъ подданныхъ и вашихъ союзниковъ въ величайшее бѣдствіе». Государь понялъ, что дѣлать ему больше нечего, дернулъ поводомъ и сказалъ: «Ступайте впередъ, фельдмаршалъ». Въ эту минуту ядро съ ближайшей Французской батареи ударило Моро въ правое колѣно, пронизало лошадь и оторвало Моро икру лѣвой ноги. Говорившій со мною Рапателъ кинулся подымать своего генерала; я также приблизился и услышалъ, какъ Моро сказалъ: «Смерть! Смерть!» За тѣмъ онъ лишился сознанія.

Государь былъ тутъ же, въ сильномъ горѣ. Между нами упало еще отъ пяти до шести ядеръ. Тогда его отвели вмѣстѣ съ ранеными на нѣсколько шаговъ за пригорокъ. Царскій докторъ объявилъ, что нужна двойная ампутація. На скоро устроили носилки изъ вѣтокъ. Сорокъ человѣкъ Русскихъ, Австрійскихъ и Пруссскихъ гренадеровъ по очередно несли раненаго до города Лана. Онъ проявилъ удивительное присутствіе духа и между двухъ ампутацій попросилъ позволенія выкурить сигару. На другой день онъ скончался, продиктовавъ Ропателю прощальное письмо къ женѣ и дочери (сія послѣдняя, пожалованная фрейлиною Русскаго двора, вышла за графа Курвала).

29-го наша армія отступала въ Богемію въ величайшемъ безпорядкѣ; всѣ народности и даже полки перемѣшались. Императоръ, король и Шварценбергъ провели весь день на большой дорогѣ, раздѣляя бѣглецовъ и указывая имъ путь, по которому надо идти. Государь направлялъ Русскихъ въ центръ, король Прусскій посылалъ своихъ солдатъ на лѣво, а Шварценбергъ направо. За день съ большими успѣхами собрано 100 тысячъ человѣкъ.

Тѣмъ временемъ генералъ Остерманъ, которому удалось собрать около 15-ти тысячъ человѣкъ, былъ атакованъ генераломъ Вандамомъ, командовавшимъ 30-ти тысячнымъ корпусомъ. Французскій генералъ получилъ приказаніе отъ Наполеона, упитоживъ во что бы ни стало всѣ препятствія, придти въ Теплицъ раньше союзной арміи, которая была въ безпорядкѣ, и покончить съ нею. Остерманъ, цѣною огромныхъ жертвъ, мужественно защищалъ свою позицію. Это упрямое сопротивление покрыло славою генерала и храбрецовъ, которыми онъ командовалъ, и спасло главную армію, давъ ей время опять придти въ порядокъ. Остерманъ съ оторванной рукой остался на ногахъ среди своихъ гренадеръ и ободрялъ ихъ.

30 Августа съ утра Вандамъ былъ атакованъ спереди 80 тысячнымъ корпусомъ, справа 20 тысячами Пруссаковъ, а слѣва 25.000 Австрійцевъ. Не будучи въ состояніи противиться такимъ силамъ, онъ началъ отступать, когда Клейсъ со всей своей артилеріей напалъ на него сзади. Окруженный со всѣхъ сторонъ Вандамъ напрасно старался прорваться и, не смотря на храбрость своихъ солдатъ, долженъ былъ положить оружіе.

Австрійскій императоръ, чтобы увѣковѣчить подвигъ Русской гвардіи въ день 29-го Августа и отблагодарить ее, велѣлъ поставить на

свои собственные средства памятникъ на полѣ битвы съ надписью: «Въ честь Русской гвардіи, 29 Августа 1813 года».

До сихъ поръ Рошешуаръ, хотя и состоялъ постоянно при особѣ Государя, какъ его адъютантъ, но мало былъ ему извѣстенъ. Въ Прагѣ, представляя весь свой штабъ императору Австрійскому и дойдя до Рошешуара, онъ не могъ назвать его по фамиліи и, покраснѣвъ, сказалъ: «Назовите сами себя». Рошешуаръ долго думалъ, что этотъ случай подѣйствуетъ въ худомъ смыслѣ на его служебное поприще, потому что онъ, не будучи самъ виноватъ въ этомъ, все-таки доставилъ непріятность Государю. Однако скоро онъ увидѣлъ, что его опасенія были напрасны. Случай далъ ему возможность не только стать извѣстнымъ Государю, но даже войти къ нему въ особенную милость.

7-го Сентября въ главной квартирѣ союзныхъ войскъ въ Теплицѣ *) узнали, что Шведскій принцъ Бернадотъ разбилъ на голову маршала Нея. Бернадотъ однако не воспользовался своею побѣдою: онъ бездѣйствовалъ въ Цербствѣ и не шелъ далѣе. Чтобы побудить его къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, каждый изъ союзныхъ государей посылалъ ему свой знакъ отличія. Георгіевскую ленту отъ императора Александра долженъ былъ вести Бернадоту дежурный адъютантъ, которымъ на этотъ разъ оказался Рошешуаръ. Ему было отдано прямое приказаніе: доставить Георгіевскую ленту раньше, чѣмъ посланные другихъ государей успѣютъ выполнить свое порученіе, и какимъ-нибудь образомъ побудить Бернадота двигаться далѣе. Не такъ легко было выполнить это порученіе. На почтовой станціи, куда Рошешуаръ явился за лошадьми, ему сказали, что лошадей никому не приказано давать до тѣхъ поръ, пока не отправится Австрійскій курьеръ, посылаемый къ Шведскому принцу. Въ виду такихъ, казалось бы, непреодолимыхъ препятствій, посланецъ Русскаго Государя скоро нашелся. Первую станцію онъ проскакалъ верхомъ, совершенно замучивъ свою лошадь; на второй запрещенія уже не было, и онъ такимъ образомъ все-таки первымъ явился къ Бернадоту. Шведскій принцъ велъ тогда тонкую игру. Онъ высказался подъ секретомъ Рошешуару, успѣвшему войти къ нему въ довѣріе, что считаетъ себя самымъ подходящимъ человекомъ для Французскаго престола. На этой-то стрункѣ Рошешуару и удалось поймать честолюбца. За три дня, проведенные вмѣстѣ съ Бернадотомъ, онъ постарался доказать ему, что бездѣйствіе не ведетъ ни къ

*) Рошешуаръ описываетъ церемонію, происходившую въ Теплицѣ по случаю принятія Александромъ Павловичемъ ордена Подвизки, присланнаго Георгомъ III-мъ.

чему, что событія въ Европѣ много теперь зависятъ отъ императора Александра, расположеніе котораго можно заслужить, оказавъ рѣшительныя услуги союзной арміи. Дипломатія увѣнчалась успѣхомъ, и Рошешуаръ самъ присутствовалъ при переходѣ Бернадота черезъ Эльбу.

На слѣдующій день по возвращеніи въ главную квартиру Рошешуаръ былъ позванъ въ кабинетъ къ Государю.

«Какъ только я вошелъ, рассказываетъ онъ, Государь сказалъ мнѣ съ улыбкою: Шведскій принцъ отъ васъ въ восхищеніи. Онъ благодаритъ меня, что я выбралъ именно васъ отвезти ему письмо и Георгіевскую ленту. Скажите, о чемъ шли у васъ долгія съ нимъ бесѣды. Онъ очень уменъ, и это должно быть интересно».

Ободренный добротою Государя, я началъ свой разсказъ, подражая Гасконскому выговору Бернадота «Я долженъ сказать правду Вашему Величеству, я не все передалъ полковнику Поццо *) и графу Нессельроде». Государь былъ въ восхищеніи отъ разсказа и смѣялся отъ души, въ особенности когда я сообщилъ, что Бернадотъ указываетъ на себя, какъ на единственнаго человѣка, способнаго замѣстить Наполеона на Французскомъ престолѣ. Я заслужилъ большую похвалу за тѣ доводы, которыми я убѣждалъ принца въ необходимости служить союзникамъ. «Впрочемъ, вы сказали только правду; вы хорошій дипломатъ». Государь отпустилъ меня, сказавъ: «Приходите завтра вечеромъ въ семь часовъ; мнѣ еще кое-о-чемъ надо васъ спросить».

На другой день Государь продержалъ меня три часа у себя въ кабинетѣ, говорилъ о многомъ и удивилъ меня своею откровенностью. Такъ онъ сознался, что питаетъ искреннюю дружбу къ Наполеону, и вотъ по какимъ причинамъ. «Представьте себѣ, что, въ одно изъ нашихъ свиданій въ Эрфуртѣ, Наполеонъ сказалъ мнѣ: «Я знаю, что существуетъ женщина, на которой сосредоточена вся ваша пѣжность; я знаю, что вы никогда не разстанетесь съ ея портретомъ. Дайте мнѣ этотъ портретъ; я хочу его носить изъ любви къ вамъ, какъ постоянную память о лучшемъ другѣ, какой только у меня есть во всемъ свѣтѣ». Я вручилъ ему портретъ и долженъ сознаться, что онъ далъ мнѣ за это великолѣпные совѣты; именно имъ я обязанъ успѣхамъ кампаніи въ Россіи» (стр. 257).

*) Поццо-ди-Борго, въ то время нашъ дипломатъ при Бернадотѣ.

Съ этой поры Рошешуаръ входитъ въ особенную милость къ императору Александру, который не пропускаетъ случая, чтобы сказать ему ласковое слово, дать лестное порученіе или сдѣлать что-нибудь пріятное. Послѣ трехъ-дневной Лейпцигской битвы Государь производитъ въ полковники своего новаго любимца.

Союзная армія вступала въ Лейпцигъ; тамъ ожидалъ побѣдителей старикъ король Саксонскій. Рошешуаръ такъ рассказываетъ о встрѣчѣ съ нимъ императора Александра:

«Король Саксонскій стоялъ внизу на лѣстницѣ своего дворца и съ обнаженной головой почтительно ждалъ побѣдителя. Онъ былъ окруженъ батальономъ своей гвардіи, выстроенной шпалерами и съ ружьями прикладомъ вверхъ. Императоръ Александръ сошелъ съ лошади и дружески обнялъ Шведскаго принца. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Бернадотъ сказалъ: «Государь, вотъ король Саксонскій, который свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе». Но Императоръ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ и спросилъ: «Гдѣ королева Саксонская?»—«Она ждетъ Вашего Величества на верху лѣстницы; но вотъ ея августѣйшій супругъ, который желаетъ быть вамъ представленнымъ».—«Пойдемте къ королевѣ!»

«Вотъ какъ строго обошелся Александръ съ этимъ старымъ королемъ, который былъ жертвой привязанности къ Наполеону, привязанности очень похвальной, потому что она не измѣнилась до конца. Я былъ пораженъ такимъ поступкомъ Императора, если не жестокимъ, то и невеликодушнымъ относительно коронованнаго старца, который мнѣ показался скорѣе опечаленъ, чѣмъ уничиженъ такимъ пріемомъ. Онъ пошелъ въ покои королевы за раздраженнымъ монархомъ, но и тамъ не могъ добиться отъ него ни слова».

Въ Январѣ 1814 года Русскія войска вошли, наконецъ, во Французскія земли. Рошешуаръ немедленно вступилъ въ сношенія со многими лицами, приверженцами Бурбоновъ, переписывался съ ними и хлопоталъ о водвореніи на Французскомъ престолѣ законнаго короля. Конечно онъ много способствовалъ восстановленію Бурбоновъ на Французскомъ престолѣ.

Александръ Павловичъ сначала поселился въ Парижѣ въ домѣ Талейрана (2, rue Saint-Florentin), а потомъ въ Елисейскомъ дворцѣ. Онъ давалъ Рошешуару разныя порученія, между прочимъ не допускать къ нему Коленкура, нѣкогда, въ Петербургѣ, столь къ нему близкаго. Государь назначилъ Рошешуара комендантомъ Парижа. Ми-

лости къ нему не прекращались. Однако любовь къ родной Франціи и къ своимъ государямъ пересилила въ немъ привязанность къ государю Русскому.

«Я былъ въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ, пишетъ онъ; герцога Ришелье не было, чтобы руководить мною. Я былъ одинъ, молодъ и немного опьяненъ высокимъ положеніемъ, которое я занималъ. Вопреки всякимъ приличіямъ, которыя мнѣ не слѣдовало забывать, я оставилъ Русскую службу, чтобы поступить на службу къ королю. Вотъ какъ я сдѣлалъ это. Императоръ Александръ назначилъ свой отъѣздъ изъ Парижа на 3-е Іюня. Онъ сначала отправлялся въ Лондонъ, а оттуда въ Россію. Я попросилъ генерала Сакена передать Его Величеству мою просьбу объ отставкѣ. Мнѣ надо было бы сопровождать Государя до Россіи: я долженъ былъ сдѣлать это въ доказательство моей преданности, изъ благодарности за его доброту и ласку; но мнѣ показалось слишкомъ тяжело снова оставлять родину, гдѣ я чувствовалъ себя такъ хорошо. Я оказался неблагодарнымъ. Черезъ два дня Сакенъ сказалъ мнѣ: «Государь недоволенъ вами. Насколько я могъ понять, онъ думалъ, что вы сильнѣе привязаны къ нему; однако онъ отпускаетъ васъ съ чиномъ генералъ-маіора, но не желаетъ, чтобы вы являлись къ нему прощаться. Вотъ все, что я могъ сдѣлать». Только тутъ, уже слишкомъ поздно, я понялъ, какую сдѣлалъ ошибку; но она была непоправима».

Дальнѣйшая судьба Рошешуара не касается Россіи. Ришелье обезпечилъ его состояніе; онъ выгодно женился (на дѣвицѣ Увраръ) и занялъ выгодное положеніе во Франціи. Подобно матери своей преданный Бурбонамъ, въ 1832 году онъ ѣздилъ негласно въ Петербургъ просить покровительства Николая Павловича герцогинѣ Беррійской (стр. 523), имѣлъ любопытныя сношенія съ графами Бенкендорфомъ и Нессельроде, но къ Государю допущенъ не былъ: Николай Павловичъ благоразумно уклонился отъ вмѣшательства въ династическія распри Орлеанскаго и Бурбонскаго домовъ. Графъ Рошешуаръ дожилъ до 1858 года и умеръ отъ апоплексическаго удара. Последніе годы своей жизни онъ занимался историческими изысканіями и написалъ книгу «Исторія фамиліи Рошешуаровъ». Воспоминанія его написаны прекраснымъ языкомъ, изложены живо и полны занимательности.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ *).

По поводу дневника Н. И. Кривцова.

Отъ начала нынѣшняго столѣтія сохранился дневникъ молодого Русскаго офицера, путешествовавшаго за границу послѣ великихъ отечественныхъ войнъ. Молодому офицеру было 23 года. Онъ былъ раненъ подъ Кульмомъ; у него ядромъ оторвало ногу, и это положило конецъ его военной карьерѣ. Сначала думали даже, что онъ не встанетъ; однако послѣ ампутаціи онъ оправился и въ 1814 году поѣхалъ изъ Вѣны, черезъ Тироль и Швейцарію, въ Парижъ, гдѣ пробылъ довольно долгое время, сдѣлавъ только маленькую поѣздку въ Лондонъ, наконецъ въ 1817 году вернулся въ Россію. Во все это время, по примѣру многихъ людей того вѣка, онъ велъ дневникъ, записывая въ немъ все видѣнное и слышанное, свои впечатлѣнія и мысли. Дневникъ писанъ на Французскомъ языкѣ, часто съ большими неправильностями и съ уклоненіями отъ орѳографіи. Видно, что подготовки было мало, мысли вообще далеко не зрѣлы; авторъ, очевидно, находился еще въ періодѣ броженія. Въ одномъ мѣстѣ онъ самъ говоритъ, что галиматія, которую онъ заноситъ въ свой журналъ, по мѣрѣ того какъ мысли взбредутъ ему въ голову, когда-нибудь послужитъ ему воспоминаніемъ юности. Тѣмъ не менѣе, въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ видно столько ума, столько наблюдательности, такія возвышенныя стремленія, такой просвѣщенный взглядъ на вещи, такія мѣткія, удивительныя для 23-лѣтняго, неподготовленнаго юноши сужденія о людяхъ и объ окружающихъ явленіяхъ, что они становятся любопытнымъ памятникомъ прошлаго. Мы здѣсь живѣемъ захватываемъ человѣка Александровскаго времени, въ самый періодъ его внутренняго сложенія. Читая эти замѣтки, невольно спрашиваешь себя: найдется ли теперь молодой гвардейскій офицеръ, способный наблюдать и размышлять такимъ образомъ, съ такимъ просвѣщеннымъ взглядомъ, съ такимъ стремленіемъ къ самообразованію?

*) Эта статья, написанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ, должна была служить предисловіемъ къ предполагавшемуся изданію дневника Н. И. Кривцова.

Для тѣхъ, кто, какъ я, зналъ автора въ своей молодости, этотъ дневникъ представляетъ сугубый интересъ. Онъ воскрешаетъ образъ человѣка, замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ и имѣвшаго благотворное вліяніе въ той средѣ, въ которой ему суждено было жить. Кто же былъ этотъ молодой офицеръ? Откуда онъ взялся и что съ нимъ случилось? Отчего онъ прошелъ незамѣченнымъ въ томъ обществѣ, гдѣ, по своимъ способностямъ и образованію, онъ могъ повидимому играть весьма значительную роль?

Николай Ивановичъ Кривцовъ родился въ 1791 году, въ родовомъ имѣніи Тимоѣевскомъ, Орловской губ. Болховскаго уѣзда. Его родители были небогатые мѣстные дворяне, и все свое дѣтство онъ провелъ въ деревнѣ, безъ серьезнаго воспитанія, но при значительномъ баловствѣ, чему содѣйствовало его слабое въ первые годы тѣлосложеніе. Когда пришла пора вступать на службу, родственникъ его, Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, отецъ извѣстнаго писателя, отвезъ его въ Петербургъ и опредѣлилъ юнкеромъ въ полкъ. Произведенный въ офицеры, онъ со страстью предался военному дѣлу и принялъ участіе въ войнѣ 1812-го года. Но оторванная подъ Кульмомъ нога сдѣлала для него невозможнымъ продолженіе военной службы. Тогда онъ обратилъ свои мысли въ другую сторону. Онъ хотѣлъ сдѣлаться полезнымъ Отечеству на гражданскомъ поприщѣ, для чего прежде всего нужно было приготовить себя самообразованіемъ. Съ этой цѣлью онъ и предпринялъ путешествіе, котораго слѣды остались въ дневникѣ. Молодой человѣкъ не только восторгался красотами природы и образованнымъ бытомъ тѣхъ странъ, черезъ которыя довелось ему ѣхать; пытливый умъ его вникалъ во всѣ хозяйственныя подробности: онъ осматривалъ фабрики, различныя заведенія, собиралъ самыя точныя свѣдѣнія и все записывалъ въ свой дневникъ. Въ Женевѣ и потомъ въ Парижѣ онъ слушалъ лекціи технологіи, физики, политической экономіи, литературы, права, сближался съ замѣчательными людьми, много читалъ, учился Англійскому языку. Въ 1814 году онъ въ Парижѣ ревностно посѣщалъ музеи, гдѣ въ то время собраны были величайшія сокровища искусства. Въ видахъ распространенія образованія въ Россіи, онъ одинъ изъ первыхъ занялся изученіемъ Ланкастерскихъ школъ, которыя тогда только что возникали. Лагарпъ, съ которымъ онъ сблизился въ Парижѣ, уговорилъ его написать объ этомъ предметѣ записку, которая была представлена Государю. Всѣ эти занятія не мѣшали ему вести довольно свѣтскую жизнь. Свои вечера онъ проводилъ обыкновенно въ театрѣ, въ великосвѣтскихъ гостиницахъ, а иногда и въ ученомъ обществѣ. Извѣстный аббатъ Грегуаръ, литераторъ Андріе, Жанъ-Батистъ Сей, публицисты Контъ и Дюнойе принадлежали къ постоян-

ному кругу его знакомыхъ. Въ Парижѣ въ то время было чему научиться, и Кривцовъ въ полной мѣрѣ воспользовался всѣми доступными ему средствами. Въ салонахъ или въ театрѣ, въ ученомъ обществѣ или у себя дома, вездѣ онъ искалъ мысль, цѣня ее въ другихъ, стараясь развить ее въ себѣ и постоянно имѣя въ виду одну высшую цѣль: приготовить себя на служеніе Отечеству.

Въ Россію Николай Ивановичъ вернулся уже созрѣвшимъ молодымъ человѣкомъ, съ значительнымъ запасомъ свѣдѣній и съ довольно ярко либеральнымъ образомъ мыслей. Крестинъ въ своихъ письмахъ называетъ его: «mon cher Jacobin». Въ Петербургѣ и въ Москвѣ Кривцовъ немедленно вступилъ въ тогдашній литературный кругъ и сблизился съ замѣчательными людьми того времени, съ Карамзинымъ, съ Дмитриевымъ, съ Жуковскимъ, съ Вяземскимъ, съ молодымъ Пушкинымъ, который посвятилъ ему одно изъ своихъ стихотвореній и остался съ нимъ всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ Петербургѣ Кривцовъ вращался въ высшемъ великосвѣтскомъ и чиновномъ кругу. Государь, которому онъ былъ рекомендованъ Лагарпомъ, осыпалъ его милостями. Младшіе его братья, Сергѣй, впоследствии сосланный за участіе въ 14-омъ Декабря, и Павелъ, бывшій потомъ совѣтникомъ посольства въ Римѣ, были отправлены на казенный счетъ въ Швейцарію, въ учебное заведеніе Фелленберга. Николай Ивановичъ, не смотря на свои молодые еще лѣта, слѣдилъ за братьями съ истинно-отеческимъ попеченіемъ и переписывался съ Фелленбергомъ. Самъ онъ былъ сдѣланъ камергеромъ и причисленъ къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, которымъ управлялъ тогда, знакомый ему еще съ Парижа, графъ Каподистріа. Онъ просился въ Соединенные Штаты, но по волѣ Государя былъ причисленъ къ посольству въ Англіи, гдѣ въ то время посломъ былъ князь Ливенъ. Тамъ онъ сошелся съ Блудовымъ, который также состоялъ при Русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ.

Пребываніе въ Англіи наложило окончательную печать на образъ мыслей Николая Ивановича. Онъ усердно сталъ изучать Англійскія учрежденія, въ особенности административныя, имѣя всегда въ виду большую или меньшую возможность примѣненія ихъ къ Россіи. Изъ писемъ его видно, что онъ между прочимъ изучалъ брошюру Фонъ-Финке, лучшее въ то время и даже долго послѣ сочиненіе объ Англійской администраціи. Но особенно онъ цѣнилъ Англійскимъ бытомъ, жизнью въ замкахъ, которая представлялась ему идеаломъ частнаго существованія. Въ 1819 году онъ возвратился въ Россію англomanомъ и такимъ остался всю свою жизнь.

Эта переменна отразилась на всемъ его образѣ мыслей и была отмѣчена его друзьями. «Кривцовъ вышелъ изъ полку либералистовъ», пишетъ Карамзинъ въ одномъ письмѣ. А Пушкинъ писалъ ему изъ Бессарабіи: «ты, говорятъ, сдѣлался аристократомъ; это дѣло. Только не забывай своихъ демократическихъ друзей 1818 года».

Въ 1821 году Кривцовъ женился на Катѣринѣ Ѳеодоровнѣ Вадковской, внучкѣ графа Ивана Григорьевича Чернышова, принадлежавшей къ высшему Петербургскому кругу. Этотъ романъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Какъ видно изъ дневника Николая Ивановича, страсть возгорѣлась въ немъ еще до поѣздки въ Англію и наконецъ увѣичалась успѣхомъ. Карамзинъ и его жена были у него посаженнымъ отцомъ и матерью на свадьбѣ.

Въ 1823 году онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тулу, а потомъ въ Воронежъ. Но здѣсь онъ попалъ въ среду старыхъ ябедниковъ и взяточниковъ, которымъ удалось его подвести. Однажды, въ присутствіи Губернскаго Правленія, онъ открылъ подлогъ совершенный секретаремъ. По природѣ вспыльчивый, онъ не выдержалъ и тутъ же въ присутствіи разбранилъ виновнаго, назвавъ его подлецомъ. Составили протоколъ, въ которомъ свидѣтельствовали, что губернаторъ передъ зеркаломъ позволилъ себѣ неприличныя выраженія, объясняя это сумашествіемъ. Безъ сомнѣнія, это было сдѣлано въ надеждѣ на поддержку генераль-губернатора Балашова, съ которымъ Кривцовъ былъ не въ ладахъ. На бѣду въ это время умеръ покровительствовавшій ему Государь. Въ новое царствованіе требовались болѣе гибкія орудія. Кривцова немедленно перевели въ Нижній и нарядили слѣдствіе. При враждѣ генераль-губернатора, не трудно было представить дѣло въ такомъ видѣ, что Кривцова за строптивый характеръ причислили къ Департаменту Герольдіи. Возмущенный несправедливостью, онъ вышелъ въ отставку.

Такимъ образомъ, всѣ эти блестящія дарованія, вся эта замѣчательная подготовка, эта ревность къ общему благу, пропали для государства. Явленіе постоянно повторявшееся и въ послѣдствіи: когда правительство не дорожитъ просвѣщенными людьми, не старается привлечь ихъ къ себѣ и удержать ихъ, щадя даже слабыя ихъ стороны, государство лишается лучшихъ своихъ слугъ. Они уходятъ въ частную жизнь и тамъ оставляютъ по себѣ слѣдъ, невидимый, но иногда не менѣе плодотворный.

Однако, черезъ нѣсколько лѣтъ, друзьямъ Николая Ивановича, оставшимся у власти, удалось выхлопотать ему аренду, обѣщанную еще Александромъ Павловичемъ. «Кривцовъ получилъ аренду», писалъ

по этому поводу Николай Филиповичъ Павловъ моему отцу: «какъ бы съ нимъ не случилось того же, что съ Ермоловымъ?»

Извѣстно, что Ермоловъ, принужденный выйти въ отставку въ началѣ царствованія Николая Павловича, поселился въ Москвѣ и на первыхъ порахъ сдѣлался любимцемъ тогдашняго либеральнаго Московскаго общества. Львиная фигура героя отечественной войны и Кавказа, одѣтая въ черный фракъ, всюду была предметомъ общаго вниманія. Государю это не понравилось; онъ видѣлъ въ этомъ оппозиціонный духъ. Пріѣхавши въ Москву, онъ призвалъ къ себѣ Ермолова, обласкалъ его и выразилъ желаніе, чтобы тотъ опять вступилъ на службу. Ермоловъ поддался этимъ внушеніямъ, возмечтавъ о возобновленіи прежней карьеры. Онъ надѣлъ мундиръ; но результатомъ было то, что онъ въ обществѣ тотчасъ потерялъ все, а у правительства не выигралъ ничего: онъ умеръ въ старости заштатнымъ генераломъ.

Съ Кривцовымъ не могло случиться того же, что съ Ермоловымъ. Онъ не думалъ стать львомъ свѣтскаго общества, а исполнилъ свое завѣтное желаніе: перѣхалъ въ деревню и сдѣлался Русскимъ помѣщикомъ.

Мѣстность, гдѣ поселился Николай Ивановичъ, не представляла ничего привлекательнаго. Село Любичи, въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, на границѣ Саратовской, лежало въ голой степи, гдѣ не было ни одного дерева, ни даже какой бы то ни было помѣщичьей усадьбы. Небольшой пригорокъ, около котораго вьется рѣчка Вяжля, впадающая въ Ворону, съ находящеюся на ней небольшою мельницею, вотъ все, что представляло новое поселеніе. Приходилось все создавать вновь, и Николай Ивановичъ принялся за это съ своей обычной энергіей и умѣніемъ.

На первыхъ порахъ не было даже гдѣ пріютить семью. Другіе помѣщики, въ подобныхъ обстоятельствахъ, жилали въ каретахъ съ своими женами, пока не кончена была первая постройка. Кривцову не пришлось испытать такой крайности: его принялъ у себя мой дѣдъ, Борисъ Дмитріевичъ Хвощинскій, котораго имѣніе, село Уметъ, находилось въ трехъ верстахъ отъ Любичей. Съ тѣхъ поръ установилась тѣсная связь между обѣими семьями. Живя въ Уметѣ, Кривцовъ построилъ первый флигель, куда онъ перевезъ свое семейство, состоявшее изъ жены и маленькой дочери. Затѣмъ онъ приступилъ къ постройкѣ усадьбы. Воздвигся большой барскій домъ, безъ прихотей стараго Русскаго барства, но со всѣми удобствами Ангійскаго комфорта, отдѣланный со вкусомъ, съ удобною и пріютною гостинною, гдѣ красовался большой, изящной формы каминъ, съ лежащею въ сторонѣ столовою, съ большою бібліотекою, съ прекрасными, примыкающими

къ дому оранжереями, съ капитальными надворными принадлежностями. Недалеко отъ дома, на вершинѣ холма, вознеслось другое зданіе, единственное которое носило на себѣ характеръ фантазіи: высокая башня красивой архитектуры, съ развѣвающимся на ней флагомъ, господствующая надъ мѣстностью, напоминая собою Англійскіе замки. Она предназначалась для пріѣзжихъ гостей. Самъ Кривцовъ, съ своей сдѣланной въ Англіи пробочною ногою, взбирался на вершину этой башни, обозрѣвалъ оттуда окрестность и чертилъ планъ для своего парка. Страстный садоводъ, онъ усердно занялся посадками, самъ ѣздилъ за растеніями въ Пензу, гдѣ тогда уже существовало казенное садовое заведеніе, и привезъ оттуда искуснаго садовника Магзига, управлявшаго этимъ заведеніемъ. Магзигъ былъ человѣкъ съ большимъ вкусомъ по части разбиванія садовъ. Съ его помощью Кривцовъ обратилъ въ красивый паркъ обширную мѣстность кругомъ усадьбы. Наконецъ, такъ какъ въ Любичахъ не было церкви, и приходъ былъ въ Уметѣ, то къ дому была придѣлана изящной архитектуры домашняя часовня. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, для причта возведенъ былъ большой каменный домъ, въ Англійскомъ стилѣ; а въ чистомъ полѣ, далеко отъ жилья, построена была другая маленькая часовня, гдѣ владѣлецъ заранее приготовилъ себѣ послѣднее жилище.

Такимъ образомъ, въ голой степи мало-по-малу возникъ прелестный оазисъ, уютный и просторный уголокъ, гдѣ можно было найти всѣ удобства и все изящество образованнаго быта. И все это было сдѣлано обдуманно и расчетливо; всякая мелкая подробность была основательно изучена, что при ограниченности средствъ было вдвойнѣ необходимо. Ничто не должно было пропадать даромъ, ничто не жертвовалось пустой прихоти, нигдѣ не допускалась неряшливость или небрежность; съ прочностью и изяществомъ должна была соединяться и возможная дешевизна. Англomanія Кривцова не состояла въ легкомысленномъ бросаніи денегъ для перенесенія на Русскую почву несвойственныхъ ей порядковъ. Плѣнившись Англійскимъ бытомъ, онъ бралъ изъ него то, что могло прійтись къ Русской средѣ и что составляетъ потребность для образованнаго человѣка. И онъ могъ совершить это дѣло, при своемъ свѣтломъ умѣ, при своемъ желѣзномъ характерѣ, при неуклонномъ постоянствѣ въ преслѣдованіи разъ обдуманной и положенной цѣли, наконецъ при своемъ глубокомъ практическомъ смыслѣ. И отъ весьма практическихъ людей слыхать, что они не знали болѣе практическаго человѣка, нежели Кривцовъ. Немудрено, что созданный имъ бытъ сдѣлался образцомъ для всего края. Это былъ новый просвѣщенный элементъ, внесенный въ Русскую помѣщичью жизнь.

Весь домашній порядокъ носилъ на себѣ ту же печать обдуманнаго и широкаго комфорта. Утро посвящалось хозяйственнымъ занятіямъ. Послѣ плотнаго завтрака, Кривцовъ садился въ таратайку, объѣзжалъ поля, осматривалъ постройки. Къ обѣду всѣ дѣла кончались. Онъ первый ввелъ въ нашемъ краю обычай позднихъ обѣдовъ, къ крайнему негодованію помѣщиковъ стараго закала, которые не могли простить ему этого посягательства на установившійся обычай. Вечеръ посвящался отдохновенію, чтенію, бесѣдамъ.

Въ обществѣ также не было недостатка. Мѣстность, гдѣ поселился Кривцовъ, представляла въ то время замѣчательное собраніе умныхъ и образованныхъ людей. Эта среда стоить того, чтобы сохранить о ней память. Она любопытна какъ характеристика той эпохи и той сферы, въ которой пришлось жить и дѣйствовать Кривцову.

Ближайшимъ сосѣдствомъ былъ Уметъ, гдѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ съ моимъ дѣдомъ жили и мои родители. Мой отецъ, человѣкъ яснаго и твердаго ума, высокаго нравственнаго строя, съ сильнымъ характеромъ, съ глубокимъ знаніемъ людей, съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ и врожденнымъ чувствомъ изящнаго, скоро сошелся съ Кривцовымъ, не смотря на довольно значительную разность лѣтъ. Онъ былъ двѣнадцатью годами моложе Николая Ивановича, о которомъ онъ всегда говорилъ не иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Еще ближе моя мать сошлась съ Катериною Ѳедоровною; послѣдняя въ одномъ письмѣ называетъ ее: *«ma soeur de choix et d'affection»*. Сохранился цѣлый рядъ писемъ и записокъ Катерины Ѳедоровны, начиная съ 29 года. Они живо изображаютъ всю жизнь того времени и самую личность писавшей. Трудно сказать, сколько въ этихъ письмахъ прелести, граціи, игривости, остроумія и сердечности. Катерина Ѳедоровна была женщина, которая съ высшимъ изяществомъ формъ соединяла тонкій, живой, наблюдательный и нѣсколько насмѣшливый умъ, а вмѣстѣ и глубокія чувства. Въ молодости она была очаровательною собесѣдницей и всегда была искреннимъ другомъ. Немудрено, что при такомъ соединеніи качествъ мужа и жены, Любичи сдѣлались центромъ, куда тянуло со всѣхъ сторонъ. Подобное сочетаніе вообще встрѣчается рѣдко: онъ съ широкомъ умомъ и Европейскимъ образованіемъ, видѣвшій многія страны, близко знавшій и высшія политическія сферы, и литературныя знаменитости своего времени, человѣкъ свѣтскій, умѣющій вести оживленный, легкій и занимательный разговоръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ практическій, изучающій всѣ подробности быта, вникающій во всѣ мѣстные интересы, относясь къ нимъ, то съ добрымъ совѣтомъ, то съ легкой проноіей; она — тонкая и изящная, съ чуткимъ сердцемъ, съ игривымъ воображеніемъ, съ блестящимъ свѣтскимъ

остроуміемъ. Во всякомъ обществѣ имъ принадлежало бы видное мѣсто; въ тѣсномъ провинціальномъ кругу они естественно заняли выдающееся положеніе.

Но этимъ не ограничивалось сосѣдство. Верстахъ въ 15-ти отъ Умета и Любичей находился другой центръ, не менѣе замѣчательный. Внизъ по теченію Вяжли лежитъ большое село, въ вѣскольکو тысячъ душъ, носящее также названіе Вяжли. Это село было подарено императоромъ Павломъ братьямъ Баратынскимъ, которые служили при немъ еще въ Гатчинѣ и пользовались его милостію. Изъ нихъ Абрамъ Андреевичъ былъ женатъ на любимой фрейлинѣ императрицы Марьи Ѳеодоровны, рожденной Черепановой, женщины отменно умной и образованной. Марья Ѳеодоровна сама устроила эту свадьбу и одарила невѣсту приданымъ. Абрамъ Андреевичъ поселился въ той части Вяжли, которая носитъ названіе Мары, и здѣсь зажилъ на широкую барскую ногу. Недалеко отъ дома лежитъ оврагъ покрытый лѣсомъ, съ бьющимъ на днѣ его ключемъ. Здѣсь были устроены пруды, каскады, каменный гротъ, съ ведущимъ къ нему изъ дому потаеннымъ ходомъ, бесѣдки, мостики, искусно проведенныя дорожки. Поэтъ Баратынскій, въ своемъ стихотвореніи *Запустніе*, въ трогательныхъ чертахъ описываетъ эту мѣстность, гдѣ протекли первые дни его дѣтства, но которое было болѣе или менѣе заброшено послѣ смерти его отца, случившейся въ 1810 году. Вдова не думала уже о поддержаніи красоты усадьбы, о старыхъ барскихъ затѣяхъ; она вся предалась воспитанію дѣтей, и надобно сказать, что эта цѣль была достигнута ею вполне. С. А. Соболевскій, который на своемъ вѣку видѣлъ образованнѣйшее общество Россіи и Европы, говорилъ мнѣ, что онъ не встрѣчалъ болѣе милыхъ, пріятныхъ и симпатичныхъ людей, какъ семья Баратынскихъ. Это сужденіе могли бы подтвердить всѣ тѣ, кто ихъ зналъ.

Старшій братъ, Евгенийъ, былъ извѣстный поэтъ. Человѣкъ высокого ума и образованія, и еще болѣе возвышенныхъ нравственныхъ свойствъ, всегдашній судья всѣхъ семейныхъ недоразумѣній, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ очаровательный собесѣдникъ. Его умъ, и тонкій, и глубокій, всегда согрѣтый теплымъ чувствомъ и украшенный поэзіей, дѣлалъ его удивительно привлекательнымъ. Въ дружеской бесѣдѣ, особенно за бокаломъ вина, онъ любилъ изливать всю свою душу. И онъ и жена его, Настасья Львовна, рожденная Энгельгардтъ, умная и образованная женщина, часто и по долгу гостили въ Марѣ.

Нерѣдко пріѣзжалъ сюда и второй братъ, Ираклій, который служилъ въ Петербургѣ и былъ флигель-адъютантомъ, что въ то время было рѣдкостью. Это былъ пріятный свѣтскій человѣкъ, съ тонкимъ умомъ, съ изящными формами. Его жена, женщина большаго свѣта, съ

литературнымъ образованіемъ, была извѣстною въ то время красавицею. Баронъ Гакстгаузенъ, который посѣтилъ Россію, когда Баратынскій былъ губернаторомъ въ Ярославлѣ, рассказываетъ то впечатлѣніе, которое произвела на него эта чета.

Третій братъ, Левъ, также началъ съ военной службы; онъ былъ адъютантомъ князя Репнина. Сердечная исторія понудила его выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мары. Холостяку, живущему въ деревнѣ, не трудно опуститься; но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Левъ Абрамовичъ былъ молодъ, пріятной наружности, веселъ, остеръ, при этомъ литературно образованъ, хорошій музыкантъ. У него былъ неистощимый запасъ анекдотовъ, которые онъ рассказывалъ отлично. Его называли царемъ смѣха, *le roi du rire*. Разъ, наслышавшись извѣстнаго Петербургскаго остряка Мятлева, автора г-жи Курдюковой, Евгенийъ Абрамовичъ писалъ женѣ: «Онъ тѣшилъ всѣхъ, но меня менѣе другихъ, потому что напоминалъ мнѣ брата Льва, который рѣшительно его превосходитъ». Соболевскій ставилъ даже Льва Абрамовича, какъ собесѣдника, выше всѣхъ другихъ братьевъ, можетъ быть, вслѣдствіе сходства умовъ.

Едва ли однако не самымъ даровитымъ членомъ семьи былъ младшій братъ Сергій. Это была совершенно гениальная натура, живая, страстная, одаренная самыми разнообразными способностями. Онъ былъ медикъ по призванію, учился въ Московской Академіи, за тѣмъ поселился въ деревнѣ и бесплатно лѣчилъ весь край. Къ нему стекались отовсюду; довѣріе къ нему было безграничное. Его приглашали даже изъ дальнихъ мѣстностей, и онъ не задумывался ѣхать по самымъ труднымъ дорогамъ. Изъ писемъ Катерины Ѳедоровны видно, что онъ въ осеннюю пору, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, ѣздилъ въ Орловскую губернію лѣчить ея брата, съ которымъ едва былъ знакомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ искусный механикъ; онъ собственноручно дѣлалъ все возможное: устраивалъ фейерверки, гравировалъ на мѣди, дѣлалъ сложные музыкальные инструменты, и все это съ величайшею точностью и отчетливостью. Изобрѣтательность его была удивительная; въ домашнемъ быту онъ сочинялъ всевозможныя приспособленія. Отецъ мой часто говаривалъ, что Сергій Абрамовичъ сдѣлался бы великимъ человекомъ, еслибы не родился Русскимъ баринкомъ. Рядомъ съ этимъ у него были артистическія наклонности; онъ былъ архитекторъ и музыкантъ. Сдѣлавшись по смерти матери владѣльцемъ Мары, онъ возстановилъ въ новомъ видѣ описанное поѣтомъ запустѣлое мѣсто. Надъ гротомъ въ оврагѣ, гдѣ онъ любилъ проводить цѣлые дни, укрываясь отъ лѣтняго зноя, Сергій Абрамовичъ построилъ прелестное лѣтнее жилище, куда онъ переселялся со всѣмъ семействомъ на нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ. Внизу, возлѣ

источника, возвышалась изящной архитектуры купальня, въ видѣ готической башни, къ которой велъ красивый мостъ. Вообще эта жизнь въ лѣсу представляла что-то волшебное. Въ семейные праздники по лѣсу развѣшивались разноцвѣтные фонари и зажигались Бенгальскіе огни, что придавало всей мѣстности фантастическій видъ. Здѣсь устраивались хоры изъ классическихъ оперъ; а зимою Сергѣй Абрамовичъ ставилъ даже цѣлыя оперы, которыя разыгрывались семействомъ. Онъ могъ это дѣлать, ибо вся семья, и жена и дѣти, были прирожденные музыканты. Своей женитьбою, также какъ и черезъ брата, Сергѣй Абрамовичъ находился въ самой тѣсной связи со всѣмъ литературнымъ міромъ. Онъ былъ женатъ на вдовѣ Дельвига, понынѣ еще живущей, почтенной Софѣ Михайловнѣ, единственной оставшейся въ живыхъ хранительницѣ преданій великой литературной эпохи, *la veuve de la grande armée*, какъ называлъ ее поэтъ Баратынскій *).

И ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ талантамъ Сергѣй Абрамовичъ присоединялъ еще то, что онъ, также какъ и его братья, былъ прелестный собесѣдникъ. Я знавалъ людей съ блестящимъ остроуміемъ: достаточно назвать Герцена; но никого остроумнѣе Сергѣя Абрамовича я не встрѣчалъ. У него не было ничего односторонняго, придуманнаго, изысканнаго; не было ни собранія анекдотовъ, ни повтореній. Когда онъ былъ въ духѣ, остроуміе било у него полнымъ ключемъ, во всѣ стороны, съ яркими брызгами. Это были, одна за другою, самыя необыкновенныя выходки, самыя неожиданныя сопоставленія. Я понынѣ не могу безъ смѣха читать его писемъ, писанныхъ иногда по самому пустому поводу, напр. съ порученіемъ купить ему пива. И свое остроуміе, также какъ и свое сочувствіе, онъ дарилъ и старымъ, и молодымъ. Онъ одинаково сходилъ со всѣми поколѣніями, лишь бы лицо подходило подъ его строй. За то всѣ его любили, и всѣ къ нему льнули. Когда, бывало, пріѣдетъ Сергѣй Абрамовичъ, это былъ всеобщій праздникъ; хохотъ не умолкалъ въ домѣ по цѣлымъ днямъ. И когда онъ, наконецъ, соберется уѣхать, запрягаютъ лошадей, онъ садится за завтракъ, подаютъ непремѣнную бутылку шампанскаго, и тутъ-то начинаются разговоры! Непрерывнымъ потокомъ льются шутки, остроты, самыя уморительныя выходки, и такъ продолжается до обѣда. О лошадяхъ забываютъ, наконецъ приказываютъ ихъ отпрячь: Сергѣй Абрамовичъ, къ общей радости, остается до слѣдующаго дня. А на слѣдующій день опять начинается таже исторія: опять запрягаютъ лошадей, Сергѣй Абрамовичъ садится за завтракъ, является бутылка расхо-

*) Нынѣ и С. М. Баратынской нѣтъ уже на свѣтѣ: она скончалась 4 Марта 1888 года. Здравствуетъ только достойнѣйшая В. А. Рачинская. П. Б.

женнаго шампанскаго, льются потоки остроумія, и дѣло снова кончается тѣмъ, что лошадей ставятъ въ конюшню до слѣдующаго дня. Такъ иногда продолжалось по три, по четыре дня сряду.

За то, какъ нерѣдко бываетъ у артистическихъ натуръ, эти порывы неудержимой веселости смѣнялись мрачнымъ настроеніемъ. Въ молодости эти припадки хандры бывали даже такъ сильны, что они озабочивали родныхъ. Сохранилось письмо Евгенія Абрамовича, въ которомъ онъ проситъ отца моего съѣздить въ Мару, потому что Сергѣй Абрамовичъ впалъ въ мрачную меланхолію. Отецъ мой, съ молоду и до конца жизни, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Сергѣя Абрамовича.

Для дополненія характеристики этой замѣчательной и оригинальной личности можно привести сохранившійся отрывокъ изъ посланія къ нему Н. Ф. Павлова, гостившаго въ 1832 году въ деревнѣ у моего отца. Это посланіе было писано по поводу излѣченія Сергѣемъ Абрамовичемъ стараго камердинера Павлова, Ивана. Оно начинается такъ:

Тамъ, гдѣ толпились Татары,
Гдѣ вѣки замели ихъ слѣды,
Гдѣ буйный вихорь ихъ побѣды
Едва намъ слышенъ въ звукахъ Мары,
Тамъ мирный степи гражданинъ,
Науки сумрачный поклонникъ,
Аптекарь, докторъ, дворянинъ,
Какой-то странный беззаконникъ,
Какой-то на Руси пришлецъ,
Какой-то сумасбродный Чацкій,
И не военный, и не статскій,
Кого не встрѣтишь за обѣдой,
Кто въ жизни новый тонъ сыскалъ,
Не ставалъ ни въ чьей передней,
За то въ газетахъ не стоялъ;
Кто смерти не даетъ потачки,
Не возитъ красненькихъ домой,
Склонился чуткой головой
Къ одру нервической горячки.....

Можно себѣ представить, какой живой и разнообразный семейный кругъ слагался изъ подобныхъ элементовъ. И когда къ блестящимъ дарованіямъ мужчинъ присоединялось общество изящныхъ, умныхъ и образованныхъ женщинъ, упомянутыхъ выше женъ братьевъ Баратынскихъ и сестеръ ихъ, постоянно жившей съ матерью пылкой, восторженной Натальи Абрамовны и наѣзжавшей иногда Варвары Абрамовны Рачинской, то понятно, какой привлекательный центръ умственной жизни составляла въ то время затерянная въ степной глуши, никому невѣдомая Мара.

Рядомъ съ этими высшими проявленіями провинціальной жизни стояли и рѣзкіе къ нимъ контрасты. Верстахъ въ 20 отъ Мары и Любичей лежитъ село Оржевка, заселенное въ то время старосвѣтскими помѣщиками. Самыми крупными владѣльцами были братья Мартыновы. Старшій, Иванъ Дмитріевичъ, добродушный хлѣбосолъ, жилъ въ сосѣдствѣ съ Оржевкою Хилковѣ. Сюда, въ день его рожденія или именинъ, 1-го Августа, стекались толпы народа, не только изъ Кирсановскаго уѣзда, но даже изъ сосѣднихъ губерній. Тутъ съ утра до ночи былъ пиръ горой, театральныя представленія, музыка, балъ, продолжавшійся до восхожденія солнца, когда всѣ разъѣзжались. Мнѣ самому еще случалось быть съ Баратынскими на этихъ празднествахъ. Второю братъ, Сергѣй Дмитріевичъ, былъ напротивъ скряга; онъ ѣздилъ по гостямъ съ огромнымъ пукотомъ ассигнацій, завернутыхъ въ грязный платокъ и, играя по маленькой въ карты съ дамами, какъ бы нечаянно придрѣзывалъ хвостики къ записаннымъ имъ нулямъ. Сестра ихъ Авдотья Дмитріевна, не глупая, хотя вовсе необразованная женщина, была самымъ важнымъ лицомъ въ Оржевкѣ и всегда принимала множество гостей. Она особенно честила Кривцова и когда онъ пріѣзжалъ къ ней обѣдать, ставила передъ нимъ особенную бутылку вина, которая предназначалась «для хорошихъ гостей», а другимъ не давалась, на что послѣдніе не изъясляли никакой претензіи. Равенство, въ какомъ бы то ни было видѣ, было вовсе не въ Русскихъ нравахъ; оно явилось къ намъ какъ иностранное нововведеніе.

Объ Оржевкѣ ходили безчисленные анекдоты, которые забавляли сосѣдей. Помню, между прочимъ, достойный пера Гоголя рассказъ о разговорѣ между двумя братьями Мартыновыми. Послѣ долгаго раздумья, Сергѣй Дмитріевичъ обратился къ старшему брату съ вопросомъ: «Не правда-ли, братецъ, какъ это страшно, что всѣ рѣки впадаютъ въ Волгу? Напримѣръ Цна впадаетъ въ Оку, Ока въ Волгу; Ворона впадаетъ въ Хоперь, Хоперь въ Волгу». Иванъ Дмитріевичъ былъ совершенно озадаченъ этимъ неожиданнымъ открытіемъ. Поразмысливъ хорошенько, онъ отвѣчалъ: «Да, въ самомъ дѣлѣ, это очень странно».

Были постоянныя сношенія и съ помѣщиками сосѣднихъ губерній, Саратовской и Пензенской. Верстахъ въ 30 отъ Любичей, на берегу Хопра, лежитъ великолѣпное помѣстье князей Голицыныхъ, Зубриловка, съ обширнымъ старымъ паркомъ, съ огромнымъ барскимъ домомъ, построеннымъ еще въ XVIII вѣкѣ фельдмаршаломъ княземъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ, который проживалъ здѣсь съ семействомъ. По смерти его это имѣніе досталось второму его сыну Ѳедору Сергѣевичу, при которомъ житіе въ Зубриловкѣ представляло рядъ безконечныхъ празднествъ. Радужный и веселый, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ болѣе всего

любилъ принимать и угощать. Двери были раскрыты пастежъ всѣмъ и каждому; за обѣдомъ всегда были толпы всякаго народа. При такомъ порядкѣ не трудно было разстроить состояніе. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ уже умеръ, и въ Зубриловкѣ жила его вдова съ младшими дѣтьми, а старшіе находились на службѣ. Кривцовы состояли съ Голицыными въ родственныхъ отношеніяхъ и навѣщали другъ друга.

Еще чаще были сношенія съ старшимъ сыномъ фельдмаршала, кн. Григоріемъ Сергѣевичемъ, который жилъ въ сосѣднемъ съ Зубриловкою Григорьевскомъ. Это былъ старый Русскій вельможа, не глупый, но съ необыкновенными причудами и затѣями. У него была страсть къ постройкамъ, вслѣдствіе чего, не смотря на свое старшинство, онъ отказался отъ Зубриловки, гдѣ все уже было готово, и взялъ себѣ голую степь, гдѣ надо было все воздвигать вновь. Построенъ былъ громадный домъ, но вскорѣ, къ удовольствію хозяина, этотъ домъ сгорѣлъ. Сынъ князя, Григорій Сергѣевичъ, Левъ Григорьевичъ, рассказывалъ мнѣ, что однажды вечеромъ, возвращаясь изъ гостей домой, онъ увидѣлъ большое зарево и къ ужасу своему убѣдился, что горитъ домъ. Онъ спѣшить домой, воображал, что найдетъ отца въ смятеніи и отчаяніи, и что же онъ видитъ? Князь Григорій Сергѣевичъ смотритъ издали на пожаръ, съ бумажкою въ рукахъ, и чертитъ планъ новаго дома. Когда сынъ подъѣхалъ, онъ съ восторгомъ принялся рассказывать ему, какія онъ сдѣлаетъ усовершенствованія въ новой постройкѣ. Разумѣется, отъ большаго состоянія въ непродолжительномъ времени осталось весьма мало. Подъ старость князь Григорій Сергѣевичъ большею частію проживалъ одинъ въ деревнѣ, и такъ какъ у него не было болѣе средствъ, то онъ тѣшилъ себя тѣмъ, что давалъ балы для дворовыхъ людей всей окрестности. Онъ угощалъ ихъ пряниками и орѣхами, при сальныхъ свѣчахъ, и самъ танцевалъ съ ними до упаду. Другая его затѣя состояла въ томъ, что онъ у себя дома, въ полномъ облаченіи, самъ служилъ обѣдню. Сыновья его, живые, веселые, свѣтскіе люди, съ артистическими наклонностями, одни музыканты, другіе живописцы, старшій Сергѣй, извѣстный рассказчикъ, часто навѣщали отца и проживали въ Любичахъ, также какъ и сестра ихъ, графиня Шуазель.

Нерѣдко посѣщали Любичи и другой Саратовскій помѣщикъ тѣхъ же мѣстностей, Адріанъ Михайловичъ Устиновъ, владѣлецъ большаго села Бекова, лежащаго тоже на Хопрѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Зубриловки и славящагося понынѣ своею ярмаркою. Адріанъ Михайловичъ былъ человѣкъ милый, привѣтливый, образованный. Онъ интересовался всѣми вопросами дня, и философскими, и политическими. Jour-

nal des Débats не выходилъ у него изъ рукъ. Притомъ онъ былъ страстный садоводъ и имѣлъ великолѣпныя оранжереи. Онъ дожилъ до глубокой старости и, 80 лѣтъ отъ роду, съ жаромъ спорилъ о новѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ, о религіозныхъ мнѣніяхъ Милля. Беково было также центромъ, куда, особенно въ извѣстные дни, стекались отовсюду. 26-го Августа, въ день именинъ Адріана Михайловича, а также и во время ярмарки, въ первыхъ числахъ Октября, огромный Бековский домъ наполнялся множествомъ народа. Тутъ въ теченіи нѣсколькихъ дней были танцы, фейерверки, пиры.

Изъ Пензы наѣзжалъ извѣстный агрономъ Иванъ Васильевичъ Сабуровъ, а также чета Горсткиныхъ, онъ — сосланный декабристъ съ острымъ и злымъ языкомъ, она — красивая женщина. Наѣзжали и жители столицъ. Въ 1832-мъ году нѣсколько мѣсяцевъ гостилъ въ Уметѣ Николай Филипповичъ Павловъ, котораго блестящій, тонкій и острый умъ вносилъ новое оживленіе въ эту сферу. Онъ былъ пріятелемъ моего отца и пріѣхалъ въ деревню, чтобы на досугъ писать свои первыя «Три Повѣсти», которыя въ свое время составляли видное явленіе въ Русской литературѣ. Онъ читалъ ихъ въ Любичахъ и посвятилъ ихъ моему отцу съ характеристическимъ для обоихъ четверостишіемъ:

Тебѣ понятна ли печать,
Тебѣ понятна правды краска;
Но не могу я разгадать
Что въ жизни было, что въ жизни сказка.

Въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ сохранился еще образъ Н. Ф. Павлова, играющаго въ шахматы съ Яковомъ Ивановичемъ Сабуровымъ. Страстный игрокъ, Павловъ искалъ въ шахматахъ удовольствія, котораго не давала деревенская жизнь; но онъ всегда былъ побиваемъ Сабуровымъ, который былъ несравненно сильнѣе его. Постоянный посѣтитель Умета, Мары и Любичей, Я. И. Сабуровъ былъ также видное лицо въ свое время. Весьма неглупый, образованный, все читавшій, съ разнообразными свѣдѣніями, хотя нѣсколько шаткими мыслями и характеромъ, онъ состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ и съ высшими Петербургскими сферами, и съ литературнымъ міромъ.

Изъ Петербургскихъ жителей посѣтилъ Кривцовыхъ проездомъ кн. Вяземскій, а въ 1833-мъ году пріѣхалъ въ Любичи Тимирязевъ, который служилъ тогда въ Петербургѣ, а вскорѣ потомъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Астрахань, гдѣ онъ въ теченіи 20-ти лѣтъ состоялъ почти полновластнымъ хозяиномъ. Тимирязевъ незадолго передъ тѣмъ женился на родной сестрѣ Катерины Ѳедоровны и пріѣхалъ навѣстить своихъ новыхъ родственниковъ. Катерина Ѳед., сообщая моей

матери свою радость по поводу пріѣзда новаго зятя и счастья сестры, которую она очень любила, прибавляетъ однако: «Mais avec toutes ces belles paroles et ces grandeurs, je ne changerais pour rien au monde mon existence avec la leur; il me paraissait si drôle avec son Pétersbourg, la cour, l'Empereur, etc... etc... Cela jure si fort avec nos steppes, où il n'est permis de rêver et de penser qu'à la liberté. Assis sur la terrasse, notre vue s'étend si loin, cet horizon immense, le calme d'une nuit magnifique vous élèvent tant l'âme, que vous ne pouvez voir au-dessus de vous que le ciel; mais la restreindre à se soumettre aux volontés et caprices des autorités terrestres, est un joug que nous avons secoué depuis longtemps et qui nous paraît trop au-dessous de nous qui avons les steppes pour parc» *).

Изъ этихъ словъ не слѣдуетъ однако заключить, что въ описываемомъ здѣсь обществѣ господствовало рѣзко-либеральное направленіе. Безъ сомнѣнія, образъ мыслей образованныхъ помѣщиковъ того времени былъ либеральный, насколько это требуется отъ всякаго просвѣщеннаго человѣка. Они цѣнили свободу, понимали потребность реформъ. Въ бумагахъ Кривцова найдены были даже проекты освобожденія крестьянъ посредствомъ выкупа съ землею. Тѣмъ не менѣе, въ нихъ не было рѣшительно ничего похожаго на тотъ оппозиціонный, воинствующій либерализмъ, съ которымъ я впоследствии познакомился въ Москвѣ. Напротивъ, они уважали власть, въ которой видѣли охрану порядка и залогъ своего благосостоянія. Но уважая ее издали, они не преклонялись передъ нею, держали себя въ сторонѣ, съ независимостью и достоинствомъ. Причина этого различія понятна. Въ столицахъ живо чувствовался тотъ тяжелый деспотизмъ, который въ то время беспощадно подавлялъ всякое живое движеніе мысли, всякое свободное слово и обращалъ въ преступленіе самые невинные поступки. Тамъ власть являлась на каждомъ шагу, въ самыхъ непривѣтливыхъ своихъ формахъ, и на каждомъ шагу, во всякомъ человѣкѣ, у котораго шевелился мозгъ, у котораго были образованные стремленія, возбуждала оппозиціонныя чувства. До какой степени эта оппозиція была права, показали послѣдующія событія. Въ Крымскую войну оказалась пол-

*) Но со всѣми этими пышными словами и этимъ величіемъ, я ни за что на свѣтѣ не промѣнила бы свою жизнь на ихнюю. Онѣ мнѣ казались такъ смѣшныя съ своимъ Петербургомъ, дворомъ, государемъ и пр, проч.; это такъ мало приходится къ нашимъ степямъ, гдѣ позволено мечтать и думать только о свободѣ. Съ террасы нашъ кругозоръ простирается такъ далеко, этотъ безконечный горизонтъ, тишина ночи такъ возвышаютъ вамъ душу, что вы можете видѣть надъ собою одно только небо; заставить же ее покориться волѣ и капризамъ земныхъ властей, это—игро, которое мы сбросили давно; оно кажется намъ слишкомъ низкимъ, намъ, которымъ степь служить паркомъ.

ная несостоятельность этой системы, которая стремилась все Русское общество подчинить солдатской дисциплинѣ, превратить Россію въ полкъ, гдѣ каждый долженъ былъ стоять во фронтѣ, молчать и маршировать по командѣ. Съ новымъ царствованіемъ, при всеобщемъ ликованіи, все это зданіе рухнуло разомъ. Но дѣло въ томъ, что въ провинціи эта система далеко не могла найти такого примѣненія, какъ въ столицахъ. Безконечныя пространства ослабляли ея дѣйствіе, слово команды терялось въ просторѣ степей. Даже въ самую темную пору царствованія императора Николая, съ 48-го года по 55-й, каждый, переѣзжая въ деревню, могъ чувствовать, до какой степени въ провинціи дышалось свободнѣе. Тутъ не было ни цензурныхъ пелѣпостей, ни тайной полиціи, ни генераль-губернаторской расправы. Всякій могъ думать и говорить что хотѣлъ. Въ тридцатыхъ годахъ этотъ вольный духъ, господствовавшій въ провинціи, царилъ еще безпрепятственнѣе. Конечно, въ то время не было никакой публичной жизни, о плодотворной дѣятельности на общую пользу не могло быть рѣчи. Но къ этому и не стремились тѣ образованные помѣщики, о которыхъ я говорю. Вполнѣ понимая современные условія, они не искали ни государственной, ни даже общественной службы. Еще менѣе они добивались какихъ либо почестей. Все это они предоставляли людямъ иного разряда. Сами же они довольствовались независимымъ положеніемъ, счастьемъ и благоустройствомъ домашняго быта, образованнымъ кругомъ друзей, хозяйственными занятіями, наконецъ управленіемъ подвластныхъ имъ крестьянъ, которыхъ благосостояніе росло подъ ихъ просвѣщеннымъ попеченіемъ. И эта полная, обезпеченная и независимая жизнь не встрѣчала никакихъ преградъ. Даже мѣстные власти не только не давали чувствовать своего официального превосходства, но напротивъ, сами искали сближенія съ этими мѣстными тузами, которые своимъ умомъ, образованіемъ и общественнымъ положеніемъ возвышались надъ общимъ уровнемъ и пользовались тѣмъ большимъ авторитетомъ, что ничего не искали.

Кривцовъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ въ этой сферѣ, среди любимыхъ имъ сельскихъ занятій и созданнаго имъ благоустройства. Онъ часто повторялъ, прилагая ихъ къ себѣ, стихи Пушкина:

Я долго жилъ и многимъ наслаждался,
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ Любичи Господь меня привелъ.

Письма Катерины Федоровны также дышатъ счастьемъ. Она наслаждалась природою, ѣздила верхомъ, пѣла съ Львомъ Баратынскимъ,

разыгрывала съ Голицыными сонаты Бетховена, занималась воспитаніемъ дочери, а между тѣмъ сама завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ, носила при себѣ ключи отъ кладовой, выдавала провизію. Жизнь текла спокойно и ровно среди довольства и удобствъ. При твердомъ и сдержанномъ характерѣ Николая Ивановича, многимъ со стороны могло казаться, что Катеринѣ Ѳеодоровнѣ не легко съ нимъ было жить. Она сама, въ шутиломъ тонѣ, отвѣчаетъ на это въ одной изъ записокъ къ моей матери. «Je suppose que c'est Ѳеодосья Андреевна qui m'aura représentée comme une victime résignée du despotisme; mais je n'en conviens pas, car de toutes les chansons mon refrain favori est celui de Grisélidis: obéir à ce qu'on aime est bien plus doux que commander¹⁾. Въ другой запискѣ, отвѣчая на приглашеніе пріѣхать въ Уметъ, она пишетъ, что къ сожалѣнію не можетъ этого сдѣлать, потому что Кривцовъ пріѣдетъ въ 3 часа и ему будетъ непріятно не найти ея дома. «Vous avez remarqué, прибавляетъ она, qu'il est possédé du démon de la tendresse; il est si agréable à une femme de savoir que son mari revient avec plaisir à la maison, qu'elle doit mettre tous ses soins à maintenir cette heureuse disposition²⁾»).

Между Любичами, Уметомъ и Марою былъ почти ежедневный обмѣнъ, если не посѣщеній, то записокъ и посылокъ. Изъ столицъ получались всѣ новости дня. Пушкинъ присылалъ Кривцову свои вновь появляющіяся сочиненія. Стихи Баратынскаго, разумѣется, прежде всего были извѣстны въ Марѣ. Изъ Москвы Павловъ и Зубковъ извѣщали моего отца обо всемъ, что появлялось въ литературѣ Русской и иностранной, пересылали ему выходящія книги. Последній романъ Балзака, недавно вышедшія лекціи Гизо, сочиненія Байрона, пересылались изъ Умета въ Любичи и изъ Любичей въ Мару. И все это, при свиданіи, становилось предметомъ оживленныхъ бесѣдъ. Когда въ 1834 г., вслѣдствіе нездоровья Катерины Ѳеодоровны, Кривцовы поѣхали на зиму въ Петербургъ, Катерина Ѳеодоровна, нѣсколько отвыкшая отъ свѣтской болтовни, была поражена пустотою тамонняго общества, въ сравненіи съ тѣмъ, съ чѣмъ она освоилась дома. Вращаясь въ самыхъ образованныхъ салонахъ Петербурга, у Карамзиныхъ, Блудовыхъ, Вяземскихъ, она писала моей матери: «La société, comme je la

¹⁾ Вѣроятно Ѳеодосья Андреевна представила меня покорною жертвою деспотизма, но я въ этомъ не признаюсь; ибо изъ всѣхъ пѣсень всего болѣе люблю припѣвъ Грисельды: „повиноваться тому, что любишь, гораздо слаще, нежели повелѣвать“.

²⁾ Вы замѣтили, что онъ одержимъ демономъ нѣжности; а для женщины такъ пріятно знать, что мужъ съ удовольствіемъ возвращается домой, что она должна приложить всѣ старанія къ поддержанію этого счастливаго расположенія.

vois, m'ennuie; il faut tourbillonner avec, ou bien rester à la campagne, car de ma vie je n'aurais cru qu'on puisse pousser la frivolité au point où je la trouve ici. Совершенно не съ кѣмъ душу отвести, et vous savez comme cela m'arrange. Comment comparer ces réunions à celles de Lubitzi, d'Oumette, ou de Mara? J'ai cependant fait une prosélyte, прибавляетъ она: c'est la fille de m-r Bloudoff, qui a beaucoup d'esprit et d'imagination; elle raffolle de mes récits de campagne et de notre médecin de campagne; elle se meurt d'envie d'essayer de se genre de vie; la tête lui en tourne. Aussi quand nous sommes ensemble, nous ne tarissons pas sur ce sujet, elle par instinct et moi par réminiscence».

Такое сравненіе деревенскаго общества съ тогдашнимъ Петербургскимъ не должно считаться преувеличеннымъ. Когда Петербургскимъ жителямъ приходилось заѣзжать въ этотъ отдаленный уголокъ Россіи, они, въ свою очередь, были поражены тѣмъ, что тамъ находили. «Вы не увидите болѣе такого общества,» говорила мнѣ одна Петербургская великосвѣтская дама того времени, проживавшая иногда лѣтомъ въ нашихъ странахъ; «когда, бывало, эти господа соберутся за обѣдомъ или вечеромъ, только сидишь и заслушиваешься».

Этой блаженной жизни не суждено было длиться. Здоровье Катерины Ѳедоровны пошатнулось, она стала иногда хандрить. При такихъ условіяхъ, безвыѣздное пребываніе въ деревнѣ сдѣлалось затруднительнымъ. Пришлось повторять поѣздки въ Петербургъ. Съ своей стороны, пріятельскій кругъ, если не распался, то сталъ менѣе тѣснымъ. Въ 1833 году умеръ мой дѣдъ, и мои родители переселились изъ Умета, который достался моей теткѣ. Въ 1835-мъ г. они часть лѣта провели въ Любичахъ, гдѣ со всею семьей помѣщались въ баннѣ. Объ этомъ пребываніи сохранились самыя лучшія воспоминанія. Катерина Ѳед. провожала ихъ со слезами. Въ 1837-мъ году мой отецъ купилъ имѣніе въ томъ же Кирсановскомъ уѣздѣ, но въ 50-ти верстахъ отъ Мары и Любичей, такъ что сношенія сдѣлались менѣе часты. Новое помѣстье, село Караулъ, лежало въ прелестной мѣстности на берегу Вороны; тутъ былъ старый садъ, но тѣсную и ветшавшую усадьбу приходилось всю перестроить заново, примѣняясь къ потребностямъ большаго и зажиточнаго семейства. Разу-

¹⁾ Общество, какъ я его вижу, мнѣ надоѣдаетъ; надо съ нимъ вертѣться или оставаться въ деревнѣ, ибо я въ жизни своей не воображала, что можно довести суетность до той степени, въ какой я вижу ее здѣсь. Совершенно не съ кѣмъ душу отвести, а вы знаете, какъ это мнѣ приходится. Какъ сравнить эти собранія съ нашими собраніями въ Любичахъ, въ Уметѣ или Марѣ? Однако у меня нашлась послѣдовательница. Это дочь г-на Блудова, одаренная большимъ умомъ и воображеніемъ. Она въ восхищеніи отъ моихъ разсказовъ про деревню и про нашего деревенскаго медика. Ей до смерти хочется пожить такою жизнью; голова у нея оттого кружится и когда мы вмѣстѣ, мы не наговаримся объ этомъ предметѣ: она изъ безсознательнаго побужденія, а я по воспоминаніямъ.

мѣется, въ этомъ дѣлѣ Кривцовъ былъ первымъ и главнымъ совѣтникомъ. Онъ чертилъ планы для разныхъ строеній, давалъ указанія, исполнялъ порученія, дѣлалъ закупки, самъ ѣздилъ наблюдать за постройками, когда моему отцу нужно было отлучаться по дѣламъ. Однако и его здоровье, доселѣ крѣпкое, начинало слабѣть. Въ 1840-мъ г., въ дѣловомъ письмѣ изъ Москвы, извѣщая о сдѣланныхъ имъ для отца покупкахъ, онъ жалуется на нездоровье и съ грустью прибавляетъ: «мало осталось масла въ лампадѣ». Слова для Кривцова весьма знаменательныя, ибо онъ никогда ни на что не жаловался и молча и терпѣливо все выносилъ. Въ 1842 мѣ году онъ началъ чувствовать боль въ оторванной ногѣ, такъ что не могъ уже надѣвать своей пробочной ноги, и долженъ былъ ходить на костыляхъ. Такимъ я его помню въ послѣдній его пріѣздъ въ Караулъ весною 1843 года. Какъ теперь представляю себѣ эту величественную фигуру, высокаго роста, съ большимъ умнымъ лбомъ, плотно остриженную, въ золотыхъ очкахъ, расхаживающую на костыляхъ предъ нашимъ домомъ. Но на видъ онъ казался еще бодрымъ и свѣжимъ. Никто не подозрѣвалъ близкой развязки, какъ вдругъ 1-го Августа 1843 года пришла изъ Любичей роковая вѣсть: наканунѣ Кривцовъ скончался. Болѣзнь длилась всего два-три дня. По своему обыкновенію, Николай Ивановичъ скрывалъ свое состояніе отъ близкихъ, такъ что всѣ были ошеломлены этимъ неожиданнымъ ударомъ.

Мои родители немедленно поѣхали въ Любичи. Похороны произошли во всемъ согласно сдѣланнымъ заранѣе распоряженіямъ Николая Ивановича. Онъ погребенъ въ построенной имъ часовнѣ, среди чистаго поля. Въ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ, образовалась пустота, которую ничто уже не могло восполнить.

Катерина Ѳедоровна была совершенно убита постигшимъ ее несчастьемъ. Ея жизнь до такой степени слилась съ Николаемъ Ивановичемъ, до такой степени, можно сказать, поглощалась имъ, что не только она теряла всякую опору, но, казалось, исчезала для нея самая возможность существованія. Вскорѣ новый ударъ еще усугубилъ горе: Павелъ Ивановичъ, при извѣстіи о смерти брата, пріѣхалъ съ семьей изъ Рима и почти черезъ годъ послѣ Николая Ивановича скончался въ Любичахъ скоропостижно. Любичи превратились въ монастырь.

Волею или неволею приходилось однако выѣзжать изъ этого монастыря. Дочь была молода, и ее невозможно было держать въ заперти. Но ни успѣхи дочери въ свѣтѣ, ни послѣдующая свадьба ея ничто не могло отвлечь Катерины Ѳедоровны отъ того прошлаго, которое влекло ее къ себѣ съ неудержимою силой. Она жадно и ревниво ухватывалась за все, чтó напоминало ей это невозвратно потерянное прошлое.

Друзья Николая Ивановича сдѣлались для нея вдвойнѣ ближе и дороже. «Il me semble, que vous êtes des branches de ce beau chêne sous lequel j'étais si tranquillement abritée»¹⁾, писала она моей матери. Зять ея, Помпей Николаевичъ Батюшковъ, братъ знаменитаго поэта, служилъ сначала въ Петербургѣ, потомъ нѣкоторое время въ Вильнѣ. Дочь постоянно звала ее къ себѣ и, наконецъ, Катерина Ѳедоровна рѣшилась ѣхать. Но она недолго выдержала разлуку съ любимыми мѣстами. Ее все тянуло въ Любичи, гдѣ протекла лучшая пора ея жизни, къ дорогой могилѣ, къ неотвязнымъ воспоминаніямъ. Тамъ на нее все вѣяло невыразимою тоскою, и домъ, и разрастающійся садъ; но отъ этой тоски она не могла оторваться. Ces beaux arbres agités par le vent ont l'air de se demander: «pour qui étendons nous nos branches et ouvrons nous nos feuilles?»²⁾, писала она моей матери. И она грустно повторяла стихи изъ посвященнаго ей въ молодости стихотворенія Жуковскаго:

Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины.

Такъ провела она послѣдніе годы своей жизни почти въ полномъ одиночествѣ, погруженная въ воспоминанія и молитву. Наконецъ, въ 1860-мъ году она написала своей дочери, что рѣшается къ ней прѣхать. Софья Николаевна обрадовалась. Катерина Ѳедоровна провела съ нею зиму въ Петербургѣ, а весною 1861-года тамъ же скончалась. Она похоронена возлѣ мужа, въ той же уединенной часовнѣ, среди любимыхъ ею степей. Любичи опустѣли, а потомъ перешли въ другія руки....

Понинѣ еще, проѣзжая по Тамбово-Саратовской желѣзной дорогѣ, недалеко отъ станціи Уметь, можно видѣть стройную башню возвышающуюся на холмѣ среди парка. Удивленный путникъ невольно спрашиваетъ себя: «откуда это причудливое зданіе, какъ будто занесенное, изъ другихъ, отдаленныхъ странъ? кто здѣсь жилъ? кто его строилъ?» Старики, помнящіе то время, могутъ отвѣчать, что здѣсь жилъ старый Русскій баринъ, съ просвѣщеннымъ умомъ, съ непреклонною волею, съ возвышеннымъ характеромъ, который въ дальней степи устроилъ себѣ бытъ, способный удовлетворить образованнаго человѣка; здѣсь обиталъ духъ, который нынѣ отлетѣлъ отъ Русской земли. Повѣтъ ли онъ когда-нибудь опять?

¹⁾ Мнѣ кажется, что вы вѣтви того прекраснаго дуба, подъ которымъ я находила такой спокойный пріютъ.

²⁾ Эти великолѣпныя деревья, колеблемыя вѣтромъ, какъ будто спрашиваютъ себя: для кого простираемъ мы свои вѣтви и раскрываемъ мы свои листья?

Да, милая была старина! Русская литература односторонне и несправедливо отнеслась къ старому помѣщичьему быту. Въ своемъ неуклонномъ и законномъ стремленіи впередъ, она живыми красками изображала темныя стороны современности, оставляя безъ вниманія то, что въ ней было привлекательнаго. Она описывала Оржевку, но не Мару и не Любичи. Въ особенности крѣпостное право возбуждало въ ней непріязнь ко всему построенному на немъ порядку. Стоя поодаль отъ этихъ временъ, мы можемъ смотрѣть на нихъ безпристрастно. Мы должны сказать, что самое крѣпостное право, при всей его несовмѣстительности съ человѣческими чувствами и съ требованіями просвѣщенія, производило различное дѣйствіе, смотря по той средѣ, на которую оно попадало. Въ однихъ оно развивало барскую лѣнь и безпечность, въ другихъ необузданный, а иногда и звѣрскій произволъ, въ третьихъ сознаніе своего достоинства, чувство долга и отвѣтственности, наконецъ соединенную съ привычкой къ власти просвѣщенную независимость. Эти послѣднія черты отличали именно то общество, которое здѣсь описано. Это то, что я, какъ свидѣтель, видѣлъ въ своей молодости. Уважать власть и никогда не гнуть передъ нею спину, дорожить независимостью и презирать почести, стремиться къ просвѣщенію, а не искать карьеры: таковъ священный завѣтъ, который мы, рожденные и воспитанные въ средѣ Русскаго провинціального дворянства, получили отъ своихъ отцовъ и за который мы благословляемъ ихъ память. И если преобразованія прошедшаго царствованія нашли на мѣстахъ честныхъ и дѣльныхъ исполнителей, которымъ они главнымъ образомъ обязаны своимъ успѣхомъ, если понынѣ въ Русскомъ земствѣ находятся благородные дѣятели, ставящіе себѣ цѣлью не личныя выгоды, а общую пользу: то этимъ Россія обязана тѣмъ же преданіямъ, идущимъ изъ рода въ родъ, хотя увы! болѣе и болѣе затемняющимся и слабѣющимъ. Да они болѣе и болѣе слабѣютъ; этого нельзя не признать; да и можетъ ли быть иначе, при томъ громадномъ переломѣ, который совершился въ Русскомъ обществѣ? Нынѣшнимъ людямъ, живущимъ среди общаго разлада, среди несложившихся еще отношеній, не знающимъ, куда увлечетъ ихъ завтра волна, полная и гармоническая жизнь отцовъ представляется, какъ нѣчто чуждое, хотя и близкое, какъ отдаленные звуки какой-то забытой мелодіи. Родились новыя потребности и интересы; но никто не станетъ утверждать, что водворилась большая гармонія въ жизни, и едва-ли справедливо будетъ сказать, что мы наслаждаемся большимъ довольствомъ и просвѣщеніемъ, нежели наши отцы. Въ настоящее время можно проѣхать всю Русскую землю, отъ Колы до Тавриды, и не найти ничего похожаго на тотъ

мирный и просвѣщенный уголокъ, который описанъ на предыдущихъ страницахъ.

Многіе, безъ сомнѣнія, скажутъ, что старикамъ свойственно восхвалять прошедшее и хулить настоящее. Это — черта общая всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Вездѣ изъ старческихъ устъ раздаются тѣ же сѣтованія и похвалы, на которыя не стоитъ обращать вниманія.

Въ настоящемъ случаѣ отвѣтъ на лицо. Стоить только сослаться на факты. Описанный здѣсь бытъ есть бытъ того поколѣнія, которое произвело изъ себя Пушкина, Жуковского, Батюшкова, Грибоѣдова, Крылова, Баратынскаго, князя Вяземскаго, Лермонтова, Гоголя, наконецъ блестящую плеяду людей сороковыхъ годовъ, славянофиловъ и западниковъ. Не съ неба же они свалились. Великія литературныя движенія не возникаютъ изъ дѣятельности маленькаго кружка, они порождаются вѣяніемъ всенароднаго духа. Настоящее время можетъ ли указать что-нибудь подобное? Предоставляю отвѣтъ безпристрастному читателю. Пускай онъ перелистуетъ Русскіе журналы за послѣднія двадцать пять лѣтъ, и, положа руку на сердце, скажетъ: появился ли за все это время хоть одинъ выдающійся талантъ? Существуетъ ли даже сколько-нибудь серьезная критика? Полный хаосъ понятій, безконечная и праздная болтовня, отъ которой тошнитъ всякаго человѣка, воспитаннаго на серьезной мысли, вотъ все, что онъ обрѣтаетъ. А посмотрите на общество, сравните, на примѣръ Московское общество сороковыхъ годовъ, какъ его описываетъ Герценъ въ своихъ запискахъ, или баронъ Гакстгаузенъ въ своемъ путешествіи, съ тѣмъ, что можно найти тамъ въ настоящее время. Просвѣщеніе, безспорно, пошло въ ширь, но никакъ не въ глубь, и то, что оно выиграло въ количествѣ, то оно болѣе чѣмъ потеряло въ качествѣ. Техниковъ, специалистовъ стало больше, но истинно образованныхъ и мыслящихъ людей гораздо меньше.

Такое пониженіе общаго уровня не составляетъ исключительной принадлежности Русскаго общества. Оно точно также замѣчается и на Западѣ. Явнымъ его признакомъ, не говоря о другихъ, служитъ упадокъ литературы и полное отсутствіе поэзіи. Причинъ этого явленія не трудно доискаться. Онѣ заключаются во всемъ строѣ современныхъ обществъ, въ господствѣ реализма, демократіи и журналистики. Когда элементы, которые по своей природѣ должны стоять внизу, всплываютъ наверхъ и становятся господствующими, въ обществѣ неизбежно долженъ водвориться хаосъ, и общій уровень по необходимости понижается. Человѣчество, въ своемъ поступательномъ движеніи, не идетъ ровнымъ путемъ, равномерно развивая всѣ свои способности. Оно попеременно ставитъ себѣ то одну, то другую задачу; то всходитъ на горы, то спускается въ долины. Прохожденіе низменностей во многихъ

отношеніяхъ бываетъ плодотворно; оно доставляетъ богатую добычу, но вмѣстѣ съ тѣмъ суживаетъ горизонтъ и выводитъ челоѡка изъ тѣхъ высшихъ сферъ, которыя однѣ способны просвѣщать и облагораживать душу. Уже Токвиль, съ своимъ глубокимъ взглядомъ, замѣтилъ, что демократія ведетъ къ господству посредственности. Современные явленія вполне подтверждаютъ этотъ выводъ. Нынѣшній вѣкъ, по выраженію одного остроумнаго Французскаго писателя, можно характеризовать, какъ возрастающее благосостояніе среди все возрастающей пошлости (*un bien- être croissant au milieu d'une croissante vulgarité*).

У насъ, увы! нѣтъ даже этого искупающаго признака: увеличивающагося благосостоянія мы не ощущаемъ; за то пошлость, въ странѣ «Мертвыхъ Душъ», сверху до низу царитъ безпрепятственно. Къ общимъ причинамъ, ведущимъ къ пониженію умственнаго и нравственнаго уровня, у насъ присоединились свои особенныя, которыя усилили зло.

Въ Россіи пониженіе общественнаго уровня началось сверху, гораздо ранѣе, нежели на Западѣ. Оно было послѣдствіемъ реакціи, наступившей послѣ 1825 г. Не могло же пройти безслѣдно это суровое преслѣдованіе всякаго свободнаго движенія мысли. Однако въ то время въ Русскомъ обществѣ сохранялись еще элементы, которые противодѣйствовали гнету. Между тѣмъ какъ высшіе слои болѣе и болѣе погружались въ раболѣпство и невѣжество, ибо требовалась безусловная покорность, а образованія не требовалось никакого, среднее дворянство хранило еще въ себѣ лучшія черты своего сословія. Въ Москвѣ оно являлось въ видѣ либеральныхъ кружковъ, въ провинціи въ видѣ независимыхъ помѣщиковъ. Въ то время университеты доставляли значительный контингентъ образованныхъ людей. Но скоро и университеты постигъ погромъ. Въ 1849 году Русскому просвѣщенію нанесенъ былъ ударъ, отъ котораго оно никогда не оправилось. Съ тѣхъ поръ оно переходило изъ однихъ неумѣлыхъ рукъ въ другія, все худшія и худшія. Несчастное Русское юношество попеременно испытывало на себѣ самыя противоположныя теченія, подвергаясь то строжайшей дисциплинѣ, то полной распущенности, но никогда разумному руководству. Мудрено-ли, что нѣкоторая часть его обратилась къ нигилизму; удивительно, что не бѣлая. Съ 1849 г. въ Россіи жутко становилось всякому челоѡку; у котораго не совсѣмъ заглохла мысль. Мы дожили наконецъ, до того, что И. С. Тургенева сажали на гауптвахту за нѣсколько сочувственныхъ словъ о смерти Гоголя, а Н. Ф. Павлова ссылали въ Пермь за найденныя въ его библіотекѣ весьма невиннаго свойства запрещенныя къ ввозу иностранныя книги. Все принизилось и затихло.

Послѣ Крымской войны, съ новымъ царствованіемъ наступила новая пора. Двери открылись, общество встрепетнулось, реформа послѣдовала за реформой въ самомъ широкомъ и плодотворномъ смыслѣ. Всѣ надежды лучшихъ людей прежняго времени, повидимому, сбылись. Но тутъ наступила другая бѣда. Общество незрѣлое, долго приниженное, не привыкшее ходить на своихъ ногахъ, будучи вдругъ выпущено на волю, легко хватается черезъ край. Недостаточно дать ему свободу; ему необходимо разумное руководство. Русское общество тѣмъ болѣе въ немъ нуждалось, что преобразованія уничтожили весь старый строй, перевернули всѣ отношенія, и частныя, и общественныя; все нужно было создавать вновь, вездѣ искать новой дороги. А между тѣмъ, именно руководства не оказалось. Преобразованія были совершены громадными, они всюду должны были возбуждать новый духъ; а управленіе освобожденнымъ и обновленнымъ обществомъ ввѣрено было той же старой, изношенной, мертвящей бюрократіи, въ противность евангельской заповѣди, запрещающей вливать новое вино въ старые мѣхи. Съ своей стороны, въ обществѣ, какъ руководящій элементъ, воцарилась журналистика, которая получила привилегированное положеніе. Журналистъ одинъ пріобрѣлъ право, публично, вскривъ и вкось толковать обо всемъ на свѣтѣ. То, что не всегда выносятъ даже политически-зрѣлые народы, то водворилось среди общества, едва выпущеннаго на волю, распатаннаго во всѣхъ основахъ, не знающаго куда ступить. И пошли писать! Если требовалось окончательно сбить съ толку не успѣвшихъ осмотрѣться Русскихъ людей, то разнузданная журналистика съ необыкновеннымъ успѣхомъ исполнила эту задачу. Не было нелѣпой мысли, которая бы не поддерживалась самыми видными органами печати; социалистическая пропаганда шла на всѣхъ парахъ, измышленія Лассалья и Карла Маркса, равно какъ и самыя крайнія теоріи матеріалистовъ, безпрепятственно распространялись въ Русской публикѣ; а къ довершенію смуты, какъ реакція противъ этого направленія, среди общества, въ которомъ нужно было утвердить и упрочить новопосѣянную свободу, возникла проповѣдь всеобщаго холопства, палки и кулака. Повидимому, самый простой здравый смыслъ указывалъ на то, что юныя, неокрѣпшія учрежденія, насажденные на неприготовленную почву, при неблагоприятныхъ условіяхъ, требуютъ прежде всего заботливаго огражденія и ухода; а между тѣмъ, люди самыхъ противоположныхъ направленій, и сверху, и снизу, принялись теревить ихъ во всѣ стороны, обдавая ихъ то холодомъ, то жаромъ, то наталкивая ихъ на невозможныя требованія, то осыпая ихъ ругательствами и стараясь искоренить въ нихъ всякую тѣнь независимости. Что же могло

выйти изъ всего этого, кромѣ полнаго смѣшенія понятій, ослабленія всякихъ нравственныхъ связей, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ?

Таково наше настоящее положеніе. Одно общество ушло, а другое еще не сложилось, точь въ точь, какъ въ извѣстной картинѣ перехода Израильтянъ черезъ Черное море, гдѣ было только чистое полотно, потому что выбранъ былъ моментъ, когда Израильтяне уже прошли, Египтяне еще не пришли, а море отступило. Но у насъ, къ несчастью, полотно не осталось чистымъ; въ отсутствіе художника рамка, приготовленная для изящной картины, наполнилась Богъ знаетъ какимъ содержаніемъ. Бѣдная Россія! Того ли чаяли благороднѣйшіе ея сыны, когда они работали для будущаго? И въ такомъ положеніи, когда ни сверху, ни снизу не видать ни единого луча свѣта *), который пробивался бы сквозь окружающій насъ мракъ, среди умственного запустѣнія и расшатанныхъ матеріальныхъ основъ, среди бюрократической мертвечины и журнальнаго верхоглядства, среди социаль-демократическихъ бредней и реакціонной наглости, что остается Русскому человеку, у котораго сердце болѣетъ за отечество, какъ не обращаться съ любовью къ прошлому и воскрешать въ себѣ образы людей, какихъ нѣкогда производила Русская земля? И тутъ возгорается лучъ надежды, и думается, что производительная сила земли не изсякла и что, можетъ быть, наши потомки увидятъ лучшіе дни, нежели тѣ, которые выпали намъ на долю. Но чрезъ какія испытанія должно пройти Русское общество, прежде нежели оно выбьется на настоящій путь?

Б. Чичеринъ.

Село Караулъ.
Сентябрь 1886 года.

*) Читатель припомнить, что это писано около четырехъ лѣтъ тому назадъ. П. Б.

АРХЕОЛОГІЯ И ИСТОРІЯ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ НОВѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

(Читано въ засѣданіи Археологическаго Института 25-го Января 1890 года).

Въ настоящее время въ историко-литературныхъ и литературно-художественныхъ журналахъ появляются статьи, относящіяся до Русской археологіи и исторіи; такъ напримѣръ: въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, въ Январской книгѣ за текущій годъ, помѣщена статья г. П. Полеваго „Могила князя-шута“, а въ „Сѣверѣ“, въ №№ 50-мъ и 52-мъ прошлаго 1889 года и въ № 2-мъ за текущій годъ, напечатаны статьи: „О царѣ Иванѣ Грозномъ на берегу Бѣлаго озера“, неизвѣстнаго автора, „Празднованіе Рождества въ старину“ и „День Богоявленія Господня“, также въ старину, съ описаніемъ царскаго выхода къ Иордани на рѣку Москву, при церковномъ ходѣ, съ патріархомъ во главѣ, и при церемоніалѣ отъ царедворцовъ и войскъ. (Эти двѣ статьи принадлежатъ г-ну Божерянову).

Упомянутыя статьи имѣютъ прямое соотношеніе къ предметамъ, преподаваемымъ въ Археологическомъ Институтѣ; а потому небезполезно, для памяти двѣнадцатой годовщины его основанія, побесѣдовать о содержаніи и достоинствѣ если не всѣхъ упомянутыхъ статей, то главнѣйшихъ изъ нихъ (о „Могилѣ князя-шута“ и „О царѣ Иванѣ Грозномъ на берегу Бѣлаго озера“), чтобъ освѣтить въ произведеніяхъ новѣйшихъ писателей научныя знанія въ археологіи и исторіи, господствующія въ текущей литературѣ внѣ стѣнъ Института.

Ближайшею къ археологіи и исторіи является статья „Могила князя-шута“, а потому посвятимъ ей первый всесторонній обзоръ.

Въ статьѣ этой г. Полевой, рассказавъ, какъ онъ искалъ на старомъ заброшенномъ кладбищѣ села Братовщины могилы князя Михаила Алексѣевича Голицына, замѣтилъ, подконецъ, между бугорками и кое-какими камнями, „нѣчто въ родѣ каменной скамьи, на которой сидятъ и около нея рѣзвятся, скачутъ и играютъ дѣти“, почему авторъ не обратилъ на нее особливаго вниманія. Но бывший съ нимъ художникъ-живописецъ г. Лебе-

девѣ, подойдя къ этой скамьѣ, крикнулъ: „Да не могила ли это—въ надписи на ней говорится о какомъ-то Голицынѣ?“ На крикъ г. Лебедева подошелъ г. Полевой и прочелъ слѣдующую надпись: „1775 году Июня 18 числа скончался князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ отъ рожденія его семидесяти восьми летъ а окончалъ векъ свой“, — и только?! Между тѣмъ чувствуется, что послѣ словъ „а окончалъ векъ свой“ должно быть продолженіе о томъ, гдѣ именно окончалъ князь вѣкъ свой, или о чемъ-либо другомъ. Но г. Полевой ничего болѣе не сообщилъ, забывая списать надпись съ буквальною, по его словамъ, точностью; г-нъ же Лебедевъ „зарисовалъ въ альбомъ могилу несчастнаго князя“.

Сочтя эту надпись „очень важною датою“, опровергающею невѣрныя данныя Голицынскихъ родословій, г. Полевой создалъ статью „Могила князя-шута“ и присоединилъ къ ней рисунокъ г. Лебедева.

Въ статьѣ своей г. Полевой объясняетъ: „Если князь Михаилъ скончался 78-лѣтнимъ старикомъ въ 1775-мъ году, значитъ онъ родился въ 1697-мъ, а не въ 1687-мъ году, какъ показываетъ г. Серчевскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о родѣ князей Голицыныхъ, и что князь Михаилъ родился въ то время, когда дѣдъ и отецъ (Алексѣй Васильевичъ) жили въ ссылкѣ, а не ѣхалъ съ ними въ ссылку двухъ-лѣтнимъ ребенкомъ, какъ рассказываютъ нѣкоторые біографы Голицыныхъ. Въ заключеніе авторъ заявилъ: „невѣрнымъ оказывается у г. Серчевскаго и у князя Н. Н. Голицына, въ его Корректирныхъ Листахъ родословія князей Голицыныхъ, самый годъ смерти князя-шута, который, какъ видно изъ надписи на его гробницѣ, скончался не въ 1778-мъ, а въ 1775-мъ году“.

При такой открытой авторомъ „очень важной датѣ“ для біографовъ князей Голицыныхъ не остается, повидимому, ничего болѣе, какъ исправить годы, мѣсяцы и числа о рожденіи, лѣтахъ и днѣ кончины князя Михаила Алексѣевича, согласно тексту надписи на его надгробномъ памятникѣ.

Но если принять во вниманіе наружный видъ нашихъ памятниковъ; находящихся не то что на заброшенныхъ сельскихъ кладбищахъ, но и внутри монастырскихъ стѣнъ, то занимающіеся археологическими изысканіями вообще, а студенты Археологическаго Института въ особенности, усумнятся, чтобы, безъ осторожной и умѣлой очистки надписи, было возможно такъ легко прочесть на старомъ памятникѣ и также легко списать надпись на надгробномъ памятникѣ князя Михаила Голицына съ буквальною точностью, какъ посчастливилось г-ну Полевому. Всѣмъ археологамъ извѣстно, что надгробные памятники отъ дождей, снѣга, лѣтней жары, зимнихъ морозовъ трескаются, осыпаются и черезъ это утрачиваютъ свой первоначальный видъ; а наседающая на нихъ, изъ года въ годъ, пыль обращается при мокрой погодѣ въ грязь, которая запыляетъ буквы

надписей, послѣдствіемъ чего являются на нихъ сначала плѣсень, затѣмъ лишай и мохъ. При такихъ условіяхъ отнимается возможность къ легкому чтенію надписей, и приходится, разбирая каждую букву, съ трудомъ и кое-о чемъ догадываться по смыслу. Поэтому необходима предварительная умѣлая очистка; но и послѣ оной буквы являются осыпавшимися и поврежденными въ очертаніяхъ своихъ отъ времени и людей, особенно отъ дѣтей, которыхъ авторъ видѣлъ играющими и скачущими около памятника и сидящими на немъ. Поэтому какъ-то не вѣрится, чтобъ автору посчастливилось найти такой памятникъ, на которомъ въ теченіе 114 лѣтъ надпись сохранилась до того свѣжею, что не представилось затрудненія отчетливо и легко ее прочесть. Но такъ какъ нѣтъ правила безъ исключенія, при томъ же „на ловца и звѣрь бѣжитъ“, то можно позавидовать г-ну Полевому въ его удачѣ, и перейти къ его статьѣ, для сравненія съ приложеннымъ къ ней рисункомъ г-на Лебедева, составляющихъ одно цѣлое.

Но тутъ является курьезный фактъ: статья автора изобличаетъ въ невѣрности рисунокъ художника, и наоборотъ, рисунокъ уличаетъ въ невѣрности статью, такъ какъ и та и другой разнорѣчатъ и въ наружномъ видѣ памятника, и въ буквальнойности списка надписи.

Разнорѣчіе заключается въ слѣдующемъ. Авторъ описалъ состояніе кладбища и памятника такъ: „Кладбище, ничѣмъ неогороженное, заросло бурьяномъ, крапивою и всякими сорными травами, и кое-гдѣ, среди травы, бѣлѣются какіе-то камни и возвышаются бугорки, и тутъ же находится нѣчто въ родѣ каменной скамьи“. Художникъ же нарисовалъ не нѣчто въ родѣ скамьи, а хорошо сохранившійся надгробный памятникъ, стоящій какъ бы на выставкѣ въ лавкѣ Московскаго купца, торгующаго и нынѣ почти такими же по формѣ памятниками. Затѣмъ авторъ помѣстилъ текстъ надписи въ 6-ти строкахъ, изъ коихъ первая состоитъ изъ словъ: „1775 году Іюня 18“, а третья строка длиннѣе прочихъ на одну треть. Художникъ же нарисовалъ первую строку по срединѣ надписи не вровень съ прочими строками, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ помѣстилось только „1775 г.“; остальнымъ же словамъ этой строки „Іюня 18“, какъ списано авторомъ, мѣста не имѣется; остальные пять строкъ ни короче, ни длиннѣе одна другой. Если же авторъ написалъ, что памятникъ представился ему въ видѣ скамьи, то ясно, что нижняя часть его, какъ говорится, ушла въ землю, что и должно быть и на что указываетъ перерывъ надписи послѣ словъ „а окончаль векъ свой“. Художникъ же нарисовалъ пространство надписи вполне, очертивъ ее рамкою со всѣхъ сторонъ, чего именно не можетъ быть; потому что каждый памятникъ, какъ сказано выше, непременно какъ бы уходитъ въ землю, отъ ежегоднаго возвышенія почвы вокругъ него, какъ отъ перегона травъ, такъ и отъ другихъ физическихъ наслоеній. Поэтому, еслибъ г. Полевой потрудился откопать почву внизу видимыхъ строкъ, то, по всей

вѣроятности, онъ нашелъ бы послѣ словъ „а окончалъ векъ свой“ продолженіе надписи.

Затѣмъ буквальность надписи заподозривается правописаніемъ, употребленнымъ авторомъ въ его спискѣ, при сравненіи съ правописаніемъ 1775 года. Такъ напримѣръ: въ спискѣ автора отчество князя „Алексіевичъ“ закончено авторомъ на твердый *ерь*; но кому же изъ археографовъ неизвѣстно, что такое твердое окончаніе ввелось у насъ въ недавнее время г-мъ Гречемъ, и что прадѣды и дѣды наши, испоконъ вѣку нашей грамотности, заканчивали отчества на мягкій *ерь*, и въ зависимости отъ этого склоняли ихъ въ дательномъ падежѣ не на *у*, а на *ю*. Да и въ настоящее время, кто по незнанію, а кто какъ бы по наслѣдству отъ предковъ, пишутъ отчество на *ерь*, а не на *ерь*.

Другой примѣръ: предки наши хотя и не получали аттестатовъ зрѣлости, но говорили по-русски правильно. Вѣдь не даромъ же сказалъ нашъ великій поэтъ и историкъ А. С. Пушкинъ, что онъ любитъ говорить съ Московскими просвирнями потому, что они говорятъ чистымъ Русскимъ языкомъ. Поэтому едва ли буквально списалъ авторъ съ надписи, что князь скончался „семедесяти восьми летъ“, вмѣсто семидесяти осми. Предположеніе это усиливается тѣмъ, что, судя по списку, составитель надписи былъ грамотный, и черезъ это поставилъ передъ именемъ, отчествомъ и фамиліею князя заглавныя, а не строчныя буквы, и въ отчествѣ князя „Алексіевичъ“ вмѣстилъ не обычное *ятъ*, но книжное рѣдко употребляемое *ѣ*, и вмѣсто предлога „отъ“ примѣшалъ къ гражданскому шрифту Церковно-Славянскую букву ѿ (если тутъ во всемъ нѣтъ грѣха со стороны писателя надписи).

Обращаясь къ рѣшительному приговору, объявленному г-мъ Полевымъ, что князь Михайлъ не могъ ѣхать съ дѣдомъ и отцомъ въ ссылку, въ 1689-мъ году (потому что родился въ то время, какъ дѣдъ и отецъ его были уже въ ссылкѣ), нельзя не пожалѣть, что г. Полевой, изучая „Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ“ для сочиненія, вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ г-мъ Крыловымъ, исторической драмы „Правительница Софья“ (содержаніе которой взято ими изъ документовъ этого изданія), просмотрѣлъ въ III-мъ томѣ челобитіе крестьянина села Троицкаго Михайлы Алексѣева, поданное имъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ. Въ челобитѣ своемъ Михайла написалъ: „Въ прошломъ, государи, во 197-мъ году *), какъ были за князь Васильемъ Голицынымъ, и сынъ его

*) Лѣтосчисленіе нашихъ предковъ считалось отъ Сотворенія Мира и начиналось 1-го Сентября; поэтому упомянутый въ челобитѣ 7197-й годъ, по теперешнему лѣтосчисленію отъ Рождества Христова, включаетъ въ себѣ 1688-й годъ съ 1-го Сентября и 1689-й годъ по 1-е Сентября.

князь Алексѣй Голицынъ взялъ у меня насильно женишку мою Непидку къ сыну своему князь Михайлу въ кормилицы. А нынѣ, по вашему великихъ государей указу, посланы они, князь Василей и сынъ его князь Алексѣй, въ ссылку, и женишку мою взяли съ собою. А нынѣ, государи, урочное число женишка моя сына его, князь Алексѣева, князь Михаила откормила, а у меня, сироты вашего, остались малыя дѣтишки, и безъ ней, женишки моей, прокормленія и безъ пріюту помирають. Милосердые великіе государи цари и великіе князи, Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожалуйте меня, сироту своего: велите, государи, отъ него князь Алексѣя женишку мою взять и отдать мнѣ сиротѣ вашему, по прежнему, чтобъ безъ ней, женишки моей, дѣтишки мои безъ призрѣнія не померли, и мнѣ съ домишкомъ и съ дѣтишками не разоритца. Великіе государи, смилуйтесь!»

Челобитье Михайлы поступило въ Боярскую Думу, было доложено царямъ, и думный дьякъ написалъ на немъ помѣту: „198 г. Марта въ 29-й д., великіе государи пожаловали: буде она урочное число откормила, велѣли еѣ взять къ Москвѣ и отдать мужу еѣ, и о томъ послать свою государскую грамоту изъ Розыскаго Приказу. Учинить указъ боярину Тихону Никитичю Стрешневу съ товарищи“.

И по распоряженію боярина Стрешнева Розыскаго Приказъ въ тотъ же день, 29-го Марта, послалъ въ Яренскъ къ стольнику и воеводѣ Павлу Скрибину государскую грамоту, за приписью дьяка Семена Чернова, о точномъ по грамотѣ исполненіи *).

Тутъ невольно вспомнишь о грубомъ и невѣжественномъ издѣвательствѣ такъ называемыхъ беллетристовъ нашей прессы надъ старыми государственными распорядами до реформъ Великаго Петра. Удалось имъ выловить изъ превосходѣйшаго сочиненія подъячаго Котошихина „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ слово, какъ иные бояре, сидя въ Боярской Думѣ, „брады свои устава, ничего не отвѣщаютъ“; а затѣмъ, встрѣтивъ въ документахъ кличку, приданную старымъ приказнымъ порядкамъ „Московская волокита“, распространяются на всѣ лады о взяточничествѣ, проволочкахъ и безсердечности, существовавшихъ будто бы поголовно въ нашихъ приказахъ, ставя для глумленія опорною точкою упомянутыя „брады и волокиту“.

Но если чрезвычайно умный, но злой подъячій Котошихинъ ввернулъ въ свое сочиненіе, для краснаго слова, о брадахъ ничего не отвѣщающихъ, то онъ же сообщилъ о большинствѣ такихъ же брадъ,

*) См. „Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ“ т. III, столбцы 155—158.

засѣдающихъ въ Думѣ, такъ: „А лучитца царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ объявя, приказываетъ, чтобъ они бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ; и кто изъ тѣхъ бояръ поболши и разумнѣе, или кто и изъ меншихъ, и они мысль свою къ способу объявляють“ *). Въ подтвержденіе этого видѣтъ, изъ приведеннаго челобитья крестьянина Михайлы, образчикъ Московской волокиты, благодаря которой челобитье мужика заслушано немедленно въ Думѣ, и состоявшееся по немъ рѣшеніе въ тотъ же день было приведено въ исполненіе, пройдя двѣ первенствующія инстанціи—Думу и Приказъ (равныя теперешнему Государственному Совѣту и Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, по Департаменту Полиціи Исполнительной). А такъ какъ въ дѣлѣ крестьянина Михайлы проявилась не одна быстрота исполненія, но и сердечное отношеніе къ ребенку ссыльнаго князя, выразившіяся въ приказаніи взять отъ князька кормилицу, если она откормила его урочное число, то дай Богъ, чтобъ въ современной администраціи господствовала бы такая волокита.

Возвращаясь къ „Могилѣ князя-шута“, необходимо замѣтить, что если урочное число истекало въ Мартѣ 1690 года, то можно предположить, что князь Михаилъ родился въ послѣдней трети 1688 года, въ началѣ Ноября, предъ Михайловымъ днемъ, вслѣдствіе чего и получилъ имя Михаилъ, по обычаю, и теперь существующему, давать родившимся имена въ честь святыхъ, празднованіе которымъ приходится ближайшимъ ко дню рожденія младенца.

Предположеніе это основывается и на слѣдующемъ обстоятельстве. Съ появленіемъ въ свѣтѣ изданія Археографической Коммиссіи „Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ“ стало извѣстно, что женамъ князей Василя и Алексѣя Голицыныхъ, княгинямъ Авдотѣ Ивановѣ, рожденной Стрешневой, и Марѣ Исаевнѣ, рожденной Квашниной, было приказано выѣхать изъ Москвы немедленно, вслѣдъ за мужьями, въ ссылку въ Яренскъ. И княгини, взявъ съ собою груднаго князька Михаила съ кормилицею Ненилою и своихъ дворовыхъ женщинъ, выѣхали изъ Москвы, слѣшно, 12-го Сентября 1689 года. О затруднительности, медленности и опасностяхъ встрѣченныхъ ими на пути всего лучше говоритъ отписка состоявшаго при нихъ пристава, стольника П. Скрыбина, отъ 26-го Ноября того же года. Скрыбинъ написалъ: „И Октября, государи, въ 18-й день, изъ дворцоваго села Туронтаева поѣхалъ я, холопъ вашъ, съ ними въ Яренскъ санми, горами, и ѣхалъ съ великою нуждою прочищая вновь дорогу, въ которыхъ мѣстехъ напередъ сего никто тою дорогою не ѣзживалъ, верстъ по пяти и по шти (шести) въ день; а во многихъ, государи, мѣстехъ черезъ рѣчки и черезъ ручьи шли пѣши, а санн

*) См. „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изданіе третье, 1884 г., страницы 26—27.

на себя таскали. И не доѣзжая, государи, Тотмы за три версты, спустились на рѣку Сухону, и не доѣхавъ рѣкою Сухоною до Тотмы города за версту, бодьки (возки) съ княгинями, и съ дѣтми, и съ жонками въ воду всѣ обломились; насилу княгинь и дѣтей и жонокъ изъ воды вытаскали. И оттого они лежали въ безпамятствѣ многое время. И за дорогою и за тѣмъ, что князь Алексѣева жена Голицына княгиня Марья родила двѣ дочери, и лежала при смерти, стоялъ на Тотмѣ Ноября по 26-е число; а одна дочь и умре. И съ Тотмы я, холопъ вашъ, съ ними поѣхалъ того жъ числа, а ея княгиню и нынѣ повезли бодну“ *).

Это вторичное разрѣшеніе отъ бремени княгини Марьи Исаевны Голицыной указываетъ, судя по естественному ходу времени отъ одной беременности до другой, что князь Михаилу въ то время, когда явился на свѣтъ его сестрицы-близнецы, было не менѣе какъ годъ, а потому урочное число для отнятія его отъ кормилицы истекало въ Мартъ 1690 года, о чемъ такъ заботливо напомнилъ челобитьемъ ея мужъ.

Все изложенное доказываетъ, что біографы родословій Голицыныхъ, а въ ихъ числѣ Корректурные Листы князя Н. Н. Голицына, ближе къ истинѣ о времени рожденія князя Михаила Алексѣевича, нежели текстъ надписи на его надгробномъ памятникѣ, списанный г-мъ Полевымъ и принятый имъ за очень важную дату по этому предмету.

Закончивъ разборъ статьи о „Могилѣ князя-шута“, обращаюсь къ статьѣ „О царѣ Иванѣ Грозномъ на берегу Бѣлаго озера“. Она представляетъ отрадное впечатлѣніе сердечностью содержанія и сочувственнымъ освѣщеніемъ личности Грознаго царя съ той стороны, отъ которой наши литераторы и живописцы сторонятся какъ отъ огня. Всѣ они, изображая Грознаго, натуживаются на томъ, чтобъ сгустить мрачныя краски для воспроизведенія этой личности, желая одного, чтобъ эта личность представлялась чудовищною, жаждущею только крови, терзаній, казней и убійствъ. И никто ни перомъ, ни кистью не коснулся воспроизвести Грознаго въ той тихой, задумчивой и величавой раздумчивости, которую мастерски написалъ перо автора этой статьи. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ ни ужасенъ Грозный въ своихъ государственныхъ дѣяніяхъ, но все же билось въ немъ сердце смягчаемое христіанствомъ, и управлялъ имъ умъ просвѣщенный изученіемъ Священнаго Писанія, а черезъ это находило же на него душевное успокоеніе и религіозное вдохновеніе. Доказательствомъ служатъ дошедшія до насъ письма его къ князю Курбскому и стихиры его св. Петру митрополиту, для которыхъ онъ же сложилъ и напѣвы, пропѣтые на дняхъ въ Москвѣ, на юбилейномъ празднествѣ Археоло-

*) Тамъ же, т. III, столбцы: 91—92.

логическаго Общества. При такихъ данныхъ позорно выставить Грознаго только съ одной стороны, какъ выродка изъ всего человѣчества, какимъ изобразилъ его, хотя и въ превосходной по рисунку, колориту и технике, но возмутительной по тенденціи извѣстной всѣмъ картинѣ г-нъ Рѣпинъ. Тутъ изображенъ не грозный царь, а какой-то взбѣсившійся сумасшедшій старикъ, какъ-бы съ бѣлками на глазахъ, съ кровяными мазками на плъщи, впившійся въ голову умирающаго юноши,—не для скорбнаго, раздирающаго душу зрителя, отцовскаго поцѣлуя, а для какого-то омерзительнаго, свойственнаго только сумасшедшимъ, дѣйствія.

Отдавая должное прекрасной идеѣ, выраженной авторомъ „О царѣ Иванѣ Грозномъ на берегу Бѣлаго моря“, нельзя пройти молчаніемъ, что еслибъ авторъ ограничился только психологическимъ описаніемъ настроенія Грознаго, навѣяннаго на него, вдали отъ окружающихъ царскій тронъ тревогъ, тихою засыпающею послѣ заката солнца природою, полной красоты, тишины и мира, то произведеніе его было безукоризненно. Но къ сожалѣнію, даже къ сердечной досадѣ, авторъ навѣянный на сердце Грознаго величавыя думы соблазнилъ разцвѣтить археологическими и историческими прикрасами, и написалъ такія строки: „Иногда Грозный воспоминаетъ, что стоитъ въ Архангельскомъ соборѣ, у гробницъ патріарховъ и собирателей земли Русской, и смотритъ, какъ солнца лучъ играетъ на золотыхъ покрывахъ мощей угодниковъ и царей. Ему кажется, что онъ тоже лежитъ здѣсь, какъ и эти великіе „собиратели земли“, недвижный, холодный, прикрытый длинною схимой, а тамъ въ Кремлѣ правитъ слабоумный Θεодоръ, подчиняясь боярамъ и совѣтникамъ, и все великое дѣло государства рушится,—не остается камня на камнѣ“... Тутъ же авторъ переноситъ воспоминанія Грознаго и къ его свѣтлой юности: „И видитъ Грозный себя далеко отъ Москвы, въ кольчугѣ и шлемѣ; несмѣтное войско, бряцаая оружіемъ, идетъ за нимъ подъ Казань. Сумбекова башня грозно смотритъ съ своей недоступной высоты. Но не боится юный герой Татарскихъ окоповъ, и падаютъ предъ нимъ неприступныя стѣны Казани!“

Прекрасенъ слогъ, прекрасно чувство, вдохновившее автора, и прекрасна была бы его статья, еслибъ онъ изучилъ основательно археологію и исторію. Тогда онъ зналъ бы, что при Грозномъ патріаршества не было на Руси: оно учреждено, какъ извѣстно всѣмъ, знающимъ исторію, при сынѣ Грознаго царѣ Θεодорѣ; а черезъ это при Грозномъ не могло быть патріаршихъ гробницъ не то что въ Архангельскомъ Соборѣ, гдѣ ихъ никогда не бывало, но и въ Соборѣ Успенскомъ, въ которомъ они находятся, за исключеніемъ гробницы великаго государя святѣйшаго Никона, Божіею милостію патріарха Московскаго и всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи. (Такъ титуловался бывший Нижегородскій крестьянинъ, ставшій въпослѣдствіи знаменитымъ іерархомъ Православной Церкви, и завѣщавшій похоронить себя въ созданномъ имъ Воскресенскомъ на Истрѣ монастырѣ,

называемомъ Новый Иерусалимъ). Наравнѣ съ этимъ авторъ узналъ бы, что въ Архангельскомъ Соборѣ не было при Грозномъ мощей угодниковъ, такъ какъ находящіяся нынѣ въ соборѣ мощи сына его св. царевича Дмитрія перенесены изъ Углича царемъ Василиемъ Шуйскимъ, а мощи св. Михаила князя Черниговскаго и боярина его Феодора перенесены, сравнительно въ недавнее время, изъ Черниговскаго въ Москвѣ собора. Зналъ бы авторъ, что на гробницахъ не царей, а великихъ князей Московскихъ „собрателей земли Русской“, скончавшихся до Грознаго, не было и нѣтъ не то что „золотыхъ“, но и золотныхъ парчевыхъ покрововъ: всѣ они бархатные темноватаго цвѣта, за исключеніемъ гробницы самого Грознаго, покрытой чернымъ бархатомъ, въ знакъ того, что предъ кончиною онъ принялъ монашество съ именемъ Іоны. Зналъ бы авторъ, что солнца лучъ не проникаетъ въ то отдѣленіе собора, гдѣ около стѣнъ идутъ ряды великокняжескихъ гробницъ, такъ какъ этому мѣшаетъ узость оконъ Собора, находящихся высоко отъ помоста, и четыре обширныхъ устоя, стоящихъ въ срединѣ храма, для поддержки сводовъ, отъ чего въ отдѣленіи гробницъ господствуетъ полумракъ, о чемъ такъ вѣрно и картинно выразился А. Н. Муравьевъ въ описаніи этого храма, сказавъ: „Войдемъ и погрузимся въ сумракъ Архангельскаго Собора, гдѣ отъ избытка мертвыхъ тѣсно живымъ“. Зналъ бы авторъ и то, что существующую въ Казани башню зовутъ Сююмбекина башня, въ честь царицы Сююмбеки, а не мифологическаго царя Сумбека.

Въ заключеніе, если бы авторъ зналъ исторію основательно, то не погрузилъ бы Грознаго, въ бытность его на берегу Бѣлаго озера, въ тяжелую думу о томъ, что великое государственное дѣло рухнетъ подъ управленіемъ слабоумнаго Феодора: не погрузилъ бы потому, что въ единственную бытность Грознаго въ Кирилловомъ монастырѣ на Бѣломъ озерѣ Феодора и на свѣтѣ еще не было, такъ какъ путешествіе Грознаго въ этотъ монастырь, извѣстное въ лѣтописяхъ подъ названіемъ „Кирилловскій Ѳздъ“, совершилось въ 1553-мъ году, вслѣдъ за покореніемъ Казани, и Грозному сопутствовала его прекрасная супруга, царица Анастасія, съ своимъ первенцемъ-младенцемъ Дмитріемъ, скончавшимся на пути, по предсказанію ученаго Максима Грека, отговаривавшаго Грознаго отъ этого путешествія.

Про статьи же „Празднованіе Рождества въ старину“ и „День Богоявленія Господня“ также въ старину, можно сказать только одно: если фантастическіе по окраскѣ и формамъ бумажные цвѣты, украшающіе Рождественскія елки, не подлежатъ сравненію съ живыми цвѣтами, то и упомянутыя статьи, по фантастичности вымысла, не подлежатъ разбору съ дѣйствительностью, происходившею въ старину въ Рождество Христово и въ день Богоявленія Господня.

Все изложенное указывает на недостаточность твердыхъ знаній археологій и исторіи въ произведеніяхъ новѣйшихъ писателей, и эту недостаточность видѣлъ своими добрыми и яснымъ свѣтомъ науки озаренными глазами нашъ пріснопамятный Николай Васильевичъ Калачовъ, и горячо принялся за исполненіе своей задушевной мысли—создать Археологическій Институтъ, и создалъ на свои средства, преодолевъ препятствія. И благодаря этому, Институтъ предоставляет молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ, завершить образованіе изученіемъ археологій, а черезъ посредство вспомогательныхъ къ ней наукъ и исторіи. И есть упованіе, что чрезъ нарождающіяся по губерніямъ, по инициативѣ Николая же Васильевича, Ученыя Архивныя Комиссіи, познанія въ Русской археологій и исторіи освѣтятъ прошлое нашихъ предковъ. И тогда наши литераторы и художники, обладающіе нерѣдко высокими талантами, воспроизведутъ въ своихъ созданіяхъ вѣрно и точно „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“, и только тогда наша изящная словесность и наши изящныя художества, всеми горячо любимыя и дорого цѣнимыя, достигнутъ пышнаго разцвѣта въ области дѣйствительной красоты, совершенства и истины.

Аскалонъ Труворовъ.

ДАВНІЯ ВСТРѢЧИ.

(Изъ воспоминаній А. Н. Андреева)

1. Бальзакъ.

Въ старое доброе время, когда не только въ Россіи, но и въ Европѣ не было вовсе желѣзныхъ дорогъ, Петербургская Биржа весною представляла настоящий весенній праздникъ. Чего, чего только не привозили туда на первыхъ корабляхъ, нагруженныхъ разными примѣрами и рѣдкостями. И устрицы, и гомары, и всякія рыбы, свѣжія овощи, вина, обезьяны, попугаи, канарейки, свинки, раковины: все, что услаждало вкусъ прихоти и доставляло комфортъ для жизни. Лавки Елисѣева, Смурова, Вьюшина и др. были буквально переполнены самыми избранными лицами Петербургскаго общества, и какъ это тогда было въ большой модѣ, то врядъ ли во всемъ Петербургѣ находился хотя одинъ достаточный и принадлежавшій къ образованному обществу человѣкъ, который бы хоть разъ не побывалъ на этомъ оживленномъ базарѣ.

Жилъ тогда въ Петербургѣ одинъ близкій мой родственникъ, нѣкто Ф., сынъ хотя богатыхъ родителей, но проживавшій ровно въ десять разъ больше своихъ средствъ, главнѣе всего оттого, что, по безхарактерности своей, гонялся въ расходахъ и удовольствіяхъ за самыми богатыми изъ Петербургской золотой молодежи, дружился со всеми мѣстными и пріѣзжими знаменитостями и артистами, словомъ безъ разбора и счета бросалъ деньгами, которыхъ, увы, давно ему не доставало.

Въ то время, о которомъ я хочу говорить, пріѣхалъ въ Петербургъ писатель Бальзакъ, находившійся въ апогеѣ своей Европейской извѣстности и славы. Какъ же было родственнику моему Ф. не познакомиться съ пріѣзжей знаменитостью? И вотъ очень скоро они стали друзьями и почти что даже неразлучными. Бальзакъ любилъ хорошо покушать, Ф. доставлялъ ему удовольствіе это часто, возя по лучшимъ ресторанамъ и конечно угощая всегда на свой счетъ. Какъ же Русскому и не быть гостепріимнымъ? Особенно для такой знаменитости, которая, даже по мнѣнію самого Бальзака, озаряла лучами своей славы всѣхъ, до кого прикасалась.

Въ это время я былъ только-что выпущенъ въ офицеры, и не знаю самъ, какъ сдѣлался постояннымъ членомъ въ кружкѣ моего родственника, участвуя въ его пиршествахъ и бесѣдахъ, но конечно только не карманомъ, что было несовмѣстно ни съ моими годами, ни съ состояніемъ.

Вотъ однажды весною приглашаетъ Ф. меня на Биржу посмотреть и попробовать новаго привоза нѣкоторыхъ очень вкусныхъ и интересныхъ снѣдей. Часомъ пріѣзда было назначено 12 часовъ. Пріѣзжаю я и застаю моего родственника съ цѣлой, повидимому уже приглашенной имъ компаніей. Здѣсь были нѣкоторые литераторы, художники и актеры. Я тогда только-что поставилъ на Александринской сценѣ нѣсколько поделвилей, и слѣдовательно въ этомъ кружкѣ уже что-нибудь да значилъ. Послѣ долгого ожиданія и предварительной выпивки (В. В. уже успѣлъ, по обыкновению, на счетъ нашего амфитріона, отправить себѣ на квартиру корзину съ винами и закусками), около часу дня явился Бальзакъ, извиняясь, что былъ задержанъ какимъ-то вельможей или посланникомъ.

Не стану описывать, что происходило потомъ: устрицы смѣнялись гомарами, креветы Страсбургскими пирогами, Вестфальская ветчина всякаго рода консервами, сырами и пр. Все это заливалось шампанскимъ и самыми утонченными винами и ликерами; словомъ, было разливанное море, въ конецъ всѣхъ отуманившее. Послѣ вина появились застольныя рѣчи (нужно замѣтить, что завтракъ сервировался въ отдѣльномъ кабинетѣ); онѣ полились неудержимымъ потокомъ, всѣ говорили по одиночкѣ и вмѣстѣ. Даже кажется, и я, при всей неопытности, сказалъ какое-то общее мѣсто. Всѣ ждали рѣчи Бальзака.

Наконецъ, поднимается этотъ приземистый, тучный и по тому времени уже далеко немолодой человѣкъ. Мы всѣ насторожили уши и ждали, какъ манна, какого-либо блестящаго слова, привѣтствія, благодарности или тому подобнаго; но услышали ниже слѣдующее рѣзко запечатлѣвшееся въ моей памяти до настоящей минуты.

„Что мы дѣлаемъ, господа? Мы прожигаемъ жизнь и сжигаемъ наше достоинствѣ. Развѣ для удовольствованія желудка нужна вся эта роскошь и пресыщеніе? Она ему скорѣе вредна, чѣмъ здорова. А чѣмъ мы платимъ за эти излишества? Мы продаемъ не деньги, а нашу свободу. Да господа! Мы платимъ свободою за эту пищу и эти напитки; мы поступаемъ къ нимъ въ рабство. Кто сохранилъ свои деньги, тотъ пользуется свободой поступковъ въ жизни; кто ихъ растратилъ, тотъ уже не человѣкъ своего произвола. Тотъ нищій и рано или поздно будетъ презрѣннымъ. Помните, господа, это и сохраните до смерти вашу свободу“.

Въ отношеніи моего родственника предсказаніе Бальзака сбылось очень скоро. Разоренный въ конецъ, онъ долженъ былъ ежедневно бѣгать отъ заимодавцевъ, пока, наконецъ, не кончилъ жалкую жизнь въ какой-то мансардѣ, оставленный не только друзьями, но даже и родными, которымъ давно уже сдѣлался въ тягость постоянными займами и плачемъ о своей участи.

II. Джунковскій.

Это было давно, въ первое мое путешествіе за границу (1852 г.) Тогда не только въ Россіи, но и въ большей части Европы не было вовсе желѣзныхъ дорогъ, и путешествіе совершалось или на перекладной бричкѣ или въ дилижансахъ. Во всей Италіи было тогда только три небольшихъ участка желѣзныхъ дорогъ: 1) отъ Милана до Мантуи, 2) отъ Флоренціи до Пизы и 3) отъ Капуи до Неаполя, протяженіемъ въ общей сложности не болѣе 250 верстъ.

Дилижансовая ѣзда имѣетъ свои пріятности, но и свои неудобства. Ъдучи въ дилижансѣ, можешь лучше ознакомиться со страной. Остановки для перемѣны лошадей, нерѣдко еще для обѣдовъ и завтраковъ и часто на довольно продолжительное время, даютъ возможность отдохнуть отъ усталости, и, наконецъ, интересное и близкое сосѣдство по каретѣ много развлекаетъ любознательнаго путешественника.

Объ одномъ изъ такихъ сосѣдей по дилижансу (Стадерини), между Флоренціей и Болоньей, я хочу сказать нѣсколько словъ.

Пріѣхалъ я въ почтамтъ во Флоренціи раннимъ-рано: дилижансѣ отходилъ въ 6 часовъ утра во избѣжаніе ночной ѣзды по крутымъ отрогамъ Апеннинскихъ горъ. Всѣ пассажиры въ сборѣ (два мѣста внутри кареты и два на имперіалѣ). Сосѣдомъ моимъ по каретѣ оказался аббатъ, высокій, очень плотный собою, съ гладко выбритой бородой и усами. Его провожало нѣсколько лицъ изъ духовнаго званія; при немъ было необыкновенное множество всякой поклажи, и, признаюсь сказать, чувствуя органическое отвращеніе къ католическимъ монахамъ, я не очень-то обрадовался перспективѣ просидѣть болѣе сутокъ глазъ съ глазу съ человекомъ, котораго заранѣе уже ненавидѣлъ, имѣя случай сталкиваться съ іезуитами во Франціи, Италіи и Испаніи.

Когда всѣ пассажиры усѣлись, и карета тронулась, то, не дожидаясь даже выѣзда за заставу, аббатъ, у котораго все-таки лицо было довольно симпатичное и добродушное, началъ развязывать безконечные свои короба и укладки и, нимало не беспокоясь, стѣсняетъ ли это меня, выкладывалъ оттуда всевозможные ликеры, паштеты, сыры и т. д. Отхлебнувъ добрую порцію абсента, онъ передалъ фляжку мнѣ и просилъ не церемониться, потому что до Болоньи у него запасу хватитъ съ избыткомъ, а тамъ всегда можно его возобновить. Мнѣ захотѣлось хоть этимъ наказать аббата за его безцеремонность; я отхлебнулъ изрядную дозу абсента, который вообще пьется съ водою; на этотъ разъ онъ оказался превосходнаго качества. Только-что заговорилъ я, отдавая ему назадъ фляжку, какъ онъ перебилъ меня словами на чисто-Русскомъ языкѣ: „Вы Русскій?“ Русскій! Но съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить? Аббатъ полѣзъ въ карманъ и подалъ мнѣ визитную карточку, которую я и до сихъ поръ сохраняю. На ней значится „Djounkovsky, préfet apostolique des régions

arctiques". Видите ли, весело сказалъ онъ, я состою соперникомъ съ вашимъ императоромъ Николаемъ въ отношеніи обладанія сѣверными странами. Я главный миссіонеръ, и мнѣ подчинены всѣ младшіе миссіонеры, какіе бы они тамъ ни были, на протяженіи безъ малой четверти всего земнаго шара. Очень радъ съ вами познакомиться. Я думалъ уже проскучать дорогою; но благодарю Бога, что Онъ мнѣ послалъ милаго и пріятнаго спутника.

— Почему же вы знаете, что я милый, да еще пріятный? Не обладаете ли вы даромъ ясновидѣнія?

— А абсентъ! Нѣтъ, батюшка, кто умѣетъ пить эту амброзію въ такомъ количествѣ, не поморщившись, отъ того уже я не отстану и для перваго раза беру съ васъ слово докончить вмѣстѣ весь взятый мною запасъ до ограды Болоніи.—Меня этимъ не испугаете, отвѣчалъ я и тотчасъ же потребовалъ повторенія.

Нужно ли говорить, что всю дорогу я не видалъ, какъ провелъ время. Мы песело болтали безъ умолку, и не безъ основанія я дивился уму и находчивости этого, тогда еще въ первый разъ ренегата, впоследствии же двойнаго и кончившаго жизнь, увы, при обстановкѣ, достойной много лучшей участи.

III. Д. Т. Ленскій.

Врядъ ли найдется теперь, да немного было и въ старое время, такихъ талантливыхъ, умныхъ людей, какъ актеръ, переводчикъ многихъ театральныхъ пьесъ и стиховъ, незабвенный Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій, настоящая фамилія котораго была Воробьевъ, а происхожденіе—семья купеческая.

Водевили его, большею частію переводные, бывали лучше своихъ оригиналовъ; таковы напр. „Левъ Гурычъ Синичкинъ“, „Барская спѣсь и Анютины глазки“ и проч. Стихотворенія Беранже онъ передавалъ нисколько не хуже оригинала. Находчивость его была истинно поразительна. Особенно хорошъ былъ онъ въ безчисленныхъ экспромтахъ и импровизаціяхъ, которыя заучивались и повторялись цѣлой Москвой. Никто не хотѣлъ вѣрить, что эти импровизаціи выливались у него готовыми, мгновенно и цѣлкомъ, какъ вышла Минерва во всеоружіи изъ головы Юпитера.

По моей близости къ нему, я бывалъ свидѣтелемъ его даровитости.

Юбилей извѣстнаго М. С. Щепкина праздновался въ залахъ Училища Живописи и Ваянія, что на Мясницкой, и народу собралось множество, потому что всякій хотѣлъ почтить чѣмъ-нибудь своего любимца *).

*) Помнится мнѣ, какъ другой острословъ профессоръ Александръ Осиповичъ Армфельдъ, пріѣхавъ прямо съ этого юбилея къ однимъ нашимъ общимъ знакомымъ, на вопросъ, много ли было, отвѣчалъ: такъ много, такъ много, что я хотѣлъ сѣяться по обыкновенному, но отъ тѣсноты долженъ былъ держать губы горизонтально. Разумѣется онъ тутъ же представилъ это губами. П. В.

Ленскаго позвали на юбилей, онъ сказалъ, что не хотѣлъ бы этого дѣлать, потому что заранѣе знаетъ, что тамъ произойдетъ:

„Заиграетъ оркестръ Сакса,
И заискрится Аи,
И заплачетъ старый плакса,
А съ нимъ денежки мой“.

Однакожь, сдавшись на убѣжденія мои и общаго нашего пріятеля профессора Рамазанова, Ленскій поѣхалъ, и мы успѣли въ концѣ длиннаго стола, составивъ съ нѣкоторыми еще знакомыми отдѣльную кучку.

Обѣдъ сначала былъ нѣсколько скученъ; но когда полилось шампанское и начались тосты, то видимо оживился. Рѣчи говорили профессора Университета, художники, литераторы и, наконецъ, расплакавшись не на шутку, поднялся съ креселъ и самъ юбиляръ. Онъ горячо благодарилъ всѣхъ за данный ему праздникъ, говорилъ, что этого не ожидалъ, да и не заслуживалъ, что талантомъ и развитіемъ своимъ обязанъ принявшимъ въ немъ участіе литераторамъ, драматургамъ и нѣкоторымъ своимъ товарищамъ. Тутъ онъ назвалъ имена князя Шаховскаго, Загоскина, С. Т. Аксакова, Лажечникова, изъ товарищей упомянулъ Сосницкаго, Живокини, г. Рѣпину, Львову, Синецкую, но о главномъ бывшемъ корифеѣ всей труппы, покойномъ Мочаловѣ, котораго онъ былъ всегда завистникомъ и соперникомъ, не сказалъ ни слова.

Никто въ то время не замѣтилъ этой выходки Михаила Семеновича; замѣтилъ ее только Ленскій, и когда потомъ стали приставать къ нему, чтобы и онъ сказалъ свое слово, онъ отвѣчалъ, что ничего изъ рѣчей не слышалъ потому, что задремалъ отъ вина и даже успѣлъ видѣть сонъ.

— Ну расскажите вашъ сонъ, начали къ нему приставать снова. Ленскій тогда всталъ и, вытянувшись во весь ростъ, произнесъ слѣдующій экспромтъ:

Въ изсохшемъ лавровомъ вѣнцѣ,
Съ глубокой тоской на лицѣ,
(сейчасъ мнѣ Мочаловъ приснился.
Покойникъ вздохнулъ, прослезился
И грустно сказалъ мнѣ потомъ:
„Напрасно лавровымъ вѣнкомъ
Вѣнчалъ меня Щепкинъ во гробъ.
Давно ужъ въ земной я утробѣ
Покоюсь по волѣ Христа.
А нѣтъ надо мною креста!
Подъ снѣгомъ заглохла могила,
И трудно дойти до нея.
Москва обо мнѣ позабыла,
А я былъ любимецъ ея!“
И такъ, благородные гости,
Внемлите вы просьбѣ моей:
Утѣшимъ Мочалова кости,

Поставимъ ему мазволей.
 Пусть каждый, кому что угодно,
 Подпишетъ по силѣ своей,
 И кончимъ тогда превосходно
 Мы Щепкинскій здѣсь юбилей.

Оглушительныя ружейныя оплесканія и ура! послѣдовали за этой импровизаціей. На столѣ появился подписной листъ, а въ рукахъ моего пріятеля Кублицкаго его шляпа, въ которую тутъ же накидали много бумажекъ, и самъ юбиляръ, вторично расплакавшись, подписалъ 50 рублей. Подписка возросла въ тотъ вечеръ до 650 рублей, на которые Мочалову и воздвигнуть въ настоящее время мраморный памятникъ на Алексѣевскомъ кладбищѣ.

IV. Актеръ Максимовъ.

Однимъ изъ лучшихъ украшеній Александрійскаго театра, въ лучшую эпоху его процвѣтанія, былъ безспорно Алексѣй Михайловичъ Максимовъ, единственный Чацкій въ „Горѣ отъ Ума“, да пожалуй и лучший Гамлетъ, когда-либо появившійся на Русскихъ сценахъ. Умный, изящный, вдумчивый, актеръ Максимовъ не пренебрегалъ никакими ролями и игралъ чуть не ежедневно, переходя отъ самаго ничтожнаго водевиля до первыхъ драматическихъ ролей. Эта усиленная работа и постоянное напряженіе нервовъ стоили ему здоровья, и онъ умеръ въ молодыхъ годахъ отъ скоротечной чахотки.

Одно, въ чемъ можно было бы его упрекнуть, это въ небрежномъ отношеніи къ самому себѣ, какъ къ человѣку. Онъ не соображалъ выносливости своихъ физическихъ силъ, предавался разнаго рода излишествами и часто увлекался самымъ необузданнымъ образомъ.

Однажды, опоздавъ нѣсколько на репетицію и тѣмъ заставивъ себя ждать, Максимовъ извинился передъ обществомъ своихъ товарищей тѣмъ, что будто, зайдя въ какую-то кондитерскую, онъ выпилъ одинъ 25 рюмокъ абсенту и нѣсколько охмѣлѣлъ.

— Ну, ты 25 рюмокъ абсента не выпьешь, возразилъ ему актеръ П. И. Григорьевъ, отличавшійся правдивостію и пуризмомъ. Ты бы тогда и на ногахъ не стоялъ.

— Вотъ, перебилъ его быстро Максимовъ, еслибъ меня почаще такъ останавливали, я можетъ быть меньше и лгалъ. А то всѣ смѣются, какъ будто со мной соглашаются. Это поощряетъ меня, и по неволѣ я увлекаюсь.

Максимовъ былъ женатъ на танцовщицѣ Аполонской. На сколько мужъ былъ уменъ, щедръ и великодушенъ, на столько супруга была ограничена, глупа и при этомъ скупа даже до жадности. Бывало, Максимовъ позоветъ гостей изъ своихъ товарищей и театраловъ - пріятелей; а жена, узнавъ про эту затѣю, приказываетъ тушить свѣчи, не отпирать параднаго входа и даже сама, высунувшись за окно, кричитъ пріѣзжающимъ

приглашеннымъ, что мужа ея нѣтъ дома, что она сама нездорова и принять никого не можетъ. Это ей часто сходило съ рукъ; но иногда прорывались и случаи, гдѣ она должна была по неволѣ быть хозяйкою, готовить и предлагать угощеніе.

Разъ, въ одно прекрасное лѣто, когда Максимовъ съ женою жилъ на дачѣ на Каменномъ острову, онъ объявляетъ женѣ, что завтра день его рожденія и что онъ пригласилъ близкихъ знакомыхъ, которые будутъ навѣрное, и чтобы она, во что бы ни стало, приготовила приличное угощеніе, на какой предметъ и передалъ ей деньги. Завтрашній день настаетъ, и къ 2-мъ часамъ начали подъѣзжать экипажи съ близкими Максимову лицами, въ числѣ которыхъ было два-три актера, я и одинъ изъ тогдашнихъ представителей Петербургской золотой молодежи, нѣкій г. Карташевскій, женатый впоследствии на сестрѣ знаменитой артистки Асенковой.

Когда всѣ усѣлись вокругъ стола, послѣ необходимой выпивки и соленой закуски, подана была кулебяка; она уже однимъ своимъ видомъ раздражала до крайности аппетитъ, и всѣ начали брать по куску. Кулебяка была прекрасная, и каждый гость получилъ по изрядной порціи. Но едва только послѣдній изъ гостей положилъ на тарелку кусокъ, а первые принялись за ѣду, какъ въ комнатѣ раздался страшный крикъ, и мы увидѣли, что Карташевскій, запустивъ себѣ пальцы въ ротъ, силится что-то извлечь изъ него. Онъ вынулъ большую иголку, которую чуть было не проглотилъ съ кускомъ пирога.

Можно себѣ представить испугъ всѣхъ присутствующихъ, въ особенности Карташевскаго и хозяина. Только одна хозяйка осталась какъ бы покойною. Она успѣшила успокоить компанію и сказала своимъ пѣвучимъ и сладенькимъ голосомъ: Напрасно вы, господа, беспокоитесь. Я это нарочно такъ сдѣлала. Я велѣла положить иголку въ начинку, чтобы узнать, кому она на счастье достанется.

Хроника того времени утверждаетъ, что число гостей у актера Максимова съ того времени значительно поубавилось.

V. Актеръ Мартыновъ.

Знаменитый комикъ Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ обязанъ былъ исключительно самъ себѣ развитіемъ своего таланта и воспитаніемъ. Исключенный изъ С.-Петербургской театральной школы за неспособность, онъ переведенъ былъ въ балетъ и только случайно, играя на какомъ-то школьномъ спектаклѣ, былъ замѣченъ начальствомъ и переведенъ на Александринскую сцену.

Нужно было видѣть хоть разъ Мартынова, человѣка довольно застѣнчиваго и серьезнаго, но на сценѣ удивительно увлекающагося, чтобы никогда не забыть впечатлѣнія его игры. Комизмъ его былъ не изъ тѣхъ веселыхъ Итальянскихъ комизмовъ, представителемъ которыхъ былъ въ то же время Живокинъ въ Москвѣ; но комизмъ натуральный, невольный,

при которомъ онъ самъ оставался серьезнымъ, а всѣ слушатели не могли удерживаться отъ смѣха.

Во всей фигурѣ и натурѣ Мартынова было что-то удивительно добродушное и сердечное. Онъ не старался производить впечатлѣніе, не подчеркивалъ никакихъ словъ; но гениальный талантъ билъ изъ него ключемъ при каждомъ движеніи, жестѣ, взглядѣ, словомъ какъ бы помимо его желанія, и тогда-то онъ былъ истинно великъ на своемъ мѣстѣ, недостижимъ и гениаленъ. Всѣ иностранцы и даже артисты превосходной тогда труппы Михайловскаго театра не пропускали почти ни одного представленія, въ которомъ игралъ Мартыновъ и, не зная по-русски, восхищались его игрою не менѣе Русскихъ.

Вотъ одинъ изъ образчиковъ удивительнаго его природнаго генія. Случилось это при миѣ.

На Александринской сценѣ режиссеромъ былъ тогда Н. И. Куликовъ, человѣкъ умный, но желчный и злощій, умѣвшій однако держать въ рукахъ тогдашнюю славную труппу, составъ которой уже болѣе вѣроятно не повторится: семейства Каратыгиныхъ, Самойловыхъ, Дюровыхъ, Сосницкихъ, Асенковыхъ, Мартыновыхъ родятся вѣками. И вотъ этому Куликову за 15-ти-лѣтнюю его службу назначенъ былъ бенефисъ. Давали драму („Театральный Музыкантъ и Княгиня“, Ефимовича), комедію графа Соллогуба и два водевиля: одинъ моего перевода „Женатые Повѣсы“, а другой нѣкого Акселя „Черный День на Черной Рѣчкѣ“.

Роли Мартынова ни въ одной изъ этихъ пьесъ не было. Но какъ же дать бенефисъ, да еще режиссеру, безъ артиста талантливѣйшаго изъ труппы? Вотъ выбираетъ онъ въ водевилѣ маленькую роль, всего въ полстраницы, и посылаетъ къ Мартынову. Посмотрѣвъ на листокъ, Мартыновъ отказался отъ роли и велѣлъ передать, что въ выходной роли, хотя бы и для режиссера, играть онъ не станетъ. Упрямый Куликовъ возвратилъ ему роль, приказавъ передать, что по контракту онъ обязанъ играть всѣ подходящія ему роли подѣ страхомъ оштрафованія и даже уничтоженія контракта. Мартыновъ оставилъ у себя роль, но ни на одну изъ репетицій не прѣвзжалъ.

Между тѣмъ представленіе назначалось уже на завтра, и по театру стало извѣстно, что на бенефисъ Куликова будетъ самъ Государь Николай Павловичъ, который особенно любилъ и интересовался игрою Мартынова. Шутить было нечего. Мартыновъ игралъ только еще наканунѣ; слѣдовательно болѣзнью отговориться было неловко, и вотъ отчасти вслѣдствіе этого соображенія, отчасти по настоянію всѣхъ товарищей, онъ прѣвхалъ въ театръ предѣ самымъ спектаклемъ, не читавъ почти своей роли, а что главнѣе всего, не бывши на репетиціяхъ, не зная ни репликъ, ни даже сюжета пьесы.

Роль его состояла въ томъ, что, будучи начальникомъ какого-то отдѣленія, онъ склоняетъ своего подчиненнаго, молодаго человѣка, къ женитьбѣ на его дочери, которая въ него влюблена. Положеніе очевидно натяну-

тое, неестественное, и роль должна быть названа не иначе какъ неблаго-дарною.

Что же дѣлаетъ Мартыновъ? Онъ надѣваетъ халатъ, подвязываетъ на шею Анну и съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ призываетъ къ себѣ чиновника. Не зная своей даже и маленькой роли, онъ по неволѣ долженъ былъ не только всякую минуту обращаться къ суфлеру, но даже смотрѣть на него. При каждомъ словѣ онъ пыхтѣлъ трубкой, говоря какъ бы для са-мого себя, и слова его разговора были приблизительно слѣдующія:

„Я вамъ долженъ сказать... Пф! пф!.. что я вамъ могу насолить... Пф! Пф!.. самымъ... образомъ... Пф! Пф!“ и все въ такомъ родѣ.

И что же? Вышелъ такой превосходный типъ департаменскаго чиновника, что Императоръ, оставаясь всегда до конца спектакля, призвалъ Мартынова въ свою ложу, любезно благодарилъ его за игру; а пьеса, при всей своей безсодержательности, имѣла громадный успѣхъ и никогда не снималась съ репертуара до самой кончины великаго комика.

VI. Императоръ Николай Павловичъ.

Въ 1846 году, по просьбѣ покойной артистки Елены Ивановны Дюръ, будучи еще только-что выпущеннымъ офицерикомъ инженерныхъ классовъ Института Путей Сообщенія, я перевелъ для ея бенефиса имѣвшую тогда большой успѣхъ на Михайловской сценѣ двухъ-актную комедію „Le mari qui se dérange“, которая и шла въ первый разъ на Александринской сценѣ (17 Октября 1846 г.) подъ названіемъ „Маскерадъ въ оперномъ театрѣ или Проказы Женатаго“.

Все тогда интересовало конечно 18-ти лѣтняго мальчика, только-что надѣвшаго серебряныя эполеты, и не удивительно, что я не пропускалъ ни одной репетиціи „моей пьесы“; а въ минуту спектакля былъ ни живъ ни мертвъ, какъ будто это было въ самомъ дѣлѣ мое сочиненіе, а не переводъ, за который я не могъ отвѣчать ни по формѣ, ни по содержанию. Задолго до поднятія занавѣса стоялъ уже я за кулисами, любезно ободряемый актерами и актрисами, съ которыми успѣлъ познакомиться, а съ нѣкоторыми даже сойтись. Ихъ забавлялъ молодой офицерикъ тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ театральныхъ писателей того времени въ военной формѣ былъ только артилерійскій офицеръ Ефимовичъ (авторъ пьесъ: „Владимиръ Заревскій, Дугласъ Черной“ и пр.) и я. Я былъ застѣнчивъ, однако на языкъ боекъ, и всякій артистъ, даже такой премьеръ какъ В. А. Каратыгинъ, находилъ случай, чтобы сказать мнѣ доброе слово и поощрить на писанія; потому что по тогдашнимъ порядкамъ еженедѣльные бенефисы требовали громаднаго числа новыхъ пьесъ, въ особенности водевилей, которые въ то время весьма были любимы публикой, а потому и преимущественно давались.

Едва только стали поднимать занавѣсъ, какъ совершенно неожиданно въ боковую царскую ложу взошелъ императоръ Николай Павловичъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и двумя какими-то генералами.

Императоръ Николай I-й былъ тонкій любитель и цѣнитель искусства. Онъ не пропускалъ почти ни одного бенефиса; самъ спрашивалъ и поощрялъ всѣхъ артистовъ въ исполненіи ролей. Особенно благоволилъ онъ къ семейству Самойловыхъ и болѣе всего къ младшей представительницѣ этого дома, артисткѣ Вѣрѣ Васильевнѣ Самойловой. А потому, хотя къ посѣщенію театра Государемъ уже привыкли, но нельзя не сознаться, что всякій пріѣздъ его производилъ нѣкоторый переполохъ и сенсацію.

Весь спектакль состоялъ изъ трехъ водевилей и двухъ-актной (моей) комедіи, которая шла первою. Она имѣла успѣхъ и давалась въ послѣдствіи многократно; да и не мудрено, потому что въ ней участвовали всѣ лучшія силы труппы: Самойлова, Сосницкій, Мартыновъ, Максимовъ и проч.

По окончаніи втораго акта, Государь по обыкновенію пошелъ на сцену. Сорокъ два года прошло послѣ этого, и я до сихъ поръ не могу понять и объяснить для себя, почему и какъ я остался на сценѣ и не спрятался отъ магнетическихъ взоровъ Государя, котораго конечно я, какъ и всѣ, страшился и трепеталъ.

Орлиный взоръ Николая сразу замѣтилъ субъекта и, указывая на меня, онъ сказалъ сопровождавшимъ его директору театра (А. М. Геденову) и режиссеру (Н. И. Куликову):

— „Форма очень сходна съ дѣйствительной; нужно переименовать... Она совсѣмъ настоящая“.

— Да она и есть настоящая, осмѣлился доложить Государю директоръ. Это офицеръ Андреевъ, переводчикъ только-что видѣнной Вашимъ Величествомъ пѣссы.

„Благодарю“, сказалъ Государь и подошелъ къ переодѣвшейся уже В. В. Самойловой.

Не знаю, какъ я выкатился изъ театра; а на другой день, по обычаю того времени, долженъ былъ передать по начальству отъ инспектора классовъ (Коконцева), директора (Энгельгарда) до министра включительно (графа П. А. Клейнмихеля) всю процедуру моего свиданія съ Государемъ.

VII. Н. Ф. Павловъ и Н. М. Пановскій.

Былъ у меня одинъ пріятель, извѣстный въ Москвѣ литераторъ, Н. М. Пановскій (онъ и умеръ у меня въ домѣ, и я его хоронилъ), человѣкъ необыкновенно образованный, а главное остроумный. Онъ самъ про эту способность говорилъ, что „очень пріятно быть остроумнымъ, потому что всегда найдешь случай сказать какую-нибудь глупость“.

Зная его недостаточное состояніе, у него спрашивали: чѣмъ онъ живетъ? Онъ отвѣчалъ откровенно, что получаетъ ровно полторы тысячи чистаго годоваго дохода.

— Откуда это?

— Рублей пятьсотъ заработаю литературою, а тысячу займу.

— Ну это не всегда безопасно. Пожалуй кто-нибудь да потребуешь своихъ денегъ. Да и какъ вы можете послѣ этого спать спокойно?

— А мнѣ-то что? Пускай тѣ беспокоятся и не спятъ.

— Ну однако этимъ шутить нечего. На васъ могутъ въ одинъ прекрасный день подать ко взысканію и описать ваше имущество.

— Очень былъ бы этому радъ; можетъ быть, при описи что-нибудь и нашли бы; я же давно не знаю никакой своей собственности.

Поди же, сговорись съ такимъ человѣкомъ! Тѣмъ не менѣ Пановскаго всѣ любили за его умъ, остроты, веселый характеръ, а главнѣе всего за умѣнье хорошо кушать и быть въ этомъ случаѣ незамѣнимымъ застольнымъ товарищемъ.

Онъ говорилъ часто экспромпты, писалъ очень недурные стихи и участвовалъ во многихъ Петербургскихъ и Московскихъ журналахъ. Всѣ его остроты, статьи и экспромпты принимались вездѣ съ величайшей охотой.

Вотъ надпись къ портрету одного умершаго уже сановника, имѣвшаго очень гордую мину:

«Я много лѣтъ на службѣ царской,
Но въ славныхъ подвигахъ невиненъ.
Пусть будетъ, хочетъ кто, Пожарскій:
Я — Мининъ».

Изъ одного богатаго приемами его стихотворенія помню слѣдующее:

Придя Марина Мининекъ съ парю,
Сказала мужу эту рѣчь:
Ты подражать не мни Шекспиру
И нашу Русь ты не туречь.

Николай Филипповичъ Павловъ, извѣстный беллетристъ и литераторъ, родившійся чуть ли не крѣпостнымъ, попавшій случайно въ театральную школу, гдѣ танцевалъ въ балетахъ, но силою только своего творческаго таланта сдѣлался извѣстнымъ писателемъ, авторомъ „Трехъ Повѣстей“, разошедшихся на всю Россію и какъ бы предвѣстникомъ цѣлой плеяды романовъ и повѣстей. Князь П. А. Вяземскій, Гоголь, Писемскій, Гончаровъ, и др. уважали Н. Ф. Павлова. Въ 1860 г. онъ основалъ газету „Наше Время“, въ которой пригласилъ и меня быть сотрудникомъ. Я съ нимъ очень часто видѣлся: то я пріѣзжалъ къ нему по утрамъ въ редакціонное время, то вечеромъ онъ заѣзжалъ ко мнѣ и засиживался до глубокой ночи. Въ это время я жилъ довольно открыто; ко мнѣ соби-

рались Московскіе литераторы и художники, и всякій прїѣзжій изъ Петербурга, чѣмъ-нибудь замѣчательный талантъ, находилъ необходимымъ побывать у меня.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, за ужиномъ, Н. М. Пановскій счелъ обязанностію овладѣть общимъ вниманіемъ. Онъ говорилъ безъ раздышки и умолку, и нужно правду сказать, не всегда послѣдовательно и исторически вѣрно, причемъ доставалось иногда и присутствующимъ. Разговоръ этотъ надоелъ Н. Ф. Павлову, и онъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ черезъ весь столъ:

— Вы извините, любезный хозяинъ, что Николай Михайловичъ Пановскій такъ сегодня увлекся. Ему уже измѣняетъ и память. Онъ такъ старъ, что, не правда ли, ему все прощается?

— Ну еще старъ, да не очень, возразилъ Пановскій (который при своихъ достоинствахъ имѣлъ страшный порокъ молодиться).

— А вотъ какъ старъ, продолжаетъ Павловъ, какъ бы не обращая вниманія на предыдущую реплику. Вы конечно, господа, знаете извѣстное историческое событіе, которое произвело въ свое время сенсацию. Это убійство Каиномъ Авеля. Ну конечно урядникъ, протоколъ и т. д. При подписаніи этого протокола Н. М. Пановскій былъ понятнымъ....

— А вы до сихъ поръ остаетесь непонатымъ, Николай Филипповичъ, отвѣчалъ Пановскій и выпилъ стаканъ вина, какъ ни въ чемъ не бывало.

VIII. Ренанъ.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ Италію, я, по обычаю, посѣтилъ въ Римѣ базилику Св. Климента, самую древнюю тамошнюю церковь, полу-вросшую въ землю, съ подземными корридорами и катакомбами, куда впускаютъ не иначе какъ въ сопровожденіи монаха и при свѣтѣ факеловъ. Взойдя въ древнюю и обширную церковь, я нашелъ ее совершенно пустою; только на одной изъ скамеекъ сидѣлъ какой-то небольшого роста старикъ съ длинными волосами и носомъ. Одежда его была на половину свѣтская, на половину какъ бы духовная. На плечахъ длинный темнаго цвѣта плащъ. Видя мое недоумѣніе относительно провожатаго, незнакомецъ сказалъ мнѣ, что теперь всѣ монахи обѣдаютъ и что такъ какъ онъ уже порядочно давно дожидается, то слѣдовательно трапеза ихъ кончится вѣроятно скоро.

Но не такъ легко я поддался этому утѣшенію. Въ путешествіи всякая минута болѣе или менѣе дорога. Я пошелъ къ замкнутой двери и силь-

но позвонилъ очереднаго монаха, зная, что у меня въ карманѣ были деньги, то есть такіе ключи, которые отворяють, особливо въ Италіи, рѣшительно всѣ двери и замки.

И дѣйствительно, немедленно показался монахъ и съ пренебрежимъ поклономъ, зажигая свой факелъ, пригласилъ меня за нимъ слѣдовать.

Сидѣвшій на лавкѣ старичекъ попросилъ у меня позволенія идти со мною, на что конечно я согласился охотно, и мы вмѣстѣ очень подробно осмотрѣли подземную старинную церковь, построенную еще въ IV вѣкѣ, на развалинахъ языческаго храма Митры, этого кровожаднаго бога, которому еще въ III вѣкѣ по Р. Х. приносились здѣсь человѣческія жертвы. Въ этотъ же храмъ въ IX столѣтіи перенесли съ нашего далекаго Востока мощи Св. Климента, папы Римскаго, наши Славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій. На стѣнахъ средней подземной базилики находятся фрески съ изображеніемъ этого перенесенія мощей и лики переносившихъ святыхъ.

Распростившись по выходѣ изъ базилики съ старичкомъ, я началъ уже одинъ продолжать намѣченную мною на тотъ день экскурсію.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней посѣтилъ я вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ профессоромъ Риццони (Русскимъ художникомъ, проживающимъ теперь въ Римѣ) Ватиканскій Музей, драгоцѣннѣйшее собраніе античныхъ бюстовъ и статуй. Въ одномъ изъ громаднхъ и великолѣпныхъ залъ этого музея я замѣтилъ опять моего знакомаго старичка, который, тоже меня замѣтивъ, поспѣшилъ подойти ко мнѣ и осведомиться о моемъ здоровьи и объ экскурсіяхъ, которыя я дѣлалъ въ промежутокъ времени между нашими свиданіями. Когда старичекъ отошелъ, Риццони съ удивленіемъ спросилъ у меня, какъ и гдѣ я познакомился съ Ренаномъ, съ которымъ при этомъ обошелся не очень-то ласково.

— Съ какимъ Ренаномъ? Я Ренана не знаю, отвѣчалъ я.

— Да вотъ этотъ самый господинъ, который сейчасъ отошелъ отъ васъ, и есть знаменитый философъ, мыслитель, бичъ католичества и пр., академикъ и профессоръ.

Нечего и говорить, что я сейчасъ же поспѣшилъ загладить свою ошибку и, легко догнавъ обходящаго залъ Ренана, вручилъ ему свою карточку и сказалъ, что я изъ Россіи, что читалъ его удивительныя произведенія и весьма счастливъ, что судьба дала мнѣ случай лично познакомиться съ знаменитымъ ученымъ.

Ренанъ очень былъ доволенъ моими словами, хотя дѣлалъ видъ, что этого не заслуживаетъ, и приглашалъ меня и моего спутника продолжать экскурсію вмѣстѣ по заламъ. Тутъ мнѣ оставалось только удивляться громадной начитанности и художественной эрудиціи человѣка, который повидимому къ этому не готовился. Переходя отъ статуи къ статуѣ, онъ цитировалъ наизусть цѣлыя строфы изъ Винкельмана, Нибба, Бунзена, Платнера, Грегоровіуса или Гельбиха; ни одно изъ замѣчаній этихъ ученыхъ не ускользало отъ его пытливаго ума.

Но не этимъ поразилъ меня тогда Ренанъ. Чужія замѣчанія и мысли не особенно шли къ его пылкой натурѣ, какъ бы скованной на этотъ разъ постороннимъ авторитетомъ. Ренанъ великъ и хорошъ былъ тогда, когда онъ высказывалъ личный свой взглядъ на то или другое произведеніе античнаго міра. Тогда онъ весь какъ будто преображался, даже ростомъ, казалось, становился выше; глаза его начали блистать и метать молніи, жесты принимали величественность: то былъ истинный учитель, которому оставалось только вѣрить и передъ нимъ преклоняться.

Особенно поразила меня теорія объ Олимпійскомъ величіи и спокойствіи, изображенныхъ въ статуяхъ античныхъ боговъ. Зевесъ мечетъ молніи, жена его ревнуетъ его, и не безъ основанія. Діана преслѣдуетъ лань на охотѣ. Аполлонъ только что выпустилъ стрѣлу въ дѣтей Необеи; сама Необея изнываетъ отъ муки, видя поверженное въ прахъ все нѣжно любимое ею семейство. Но они всѣ спокойны, потому что дѣлаютъ свое дѣло, и никакое человѣческое чувство страсти или горячности не можетъ омрачить небожителей.

Сколько замѣчено было мною въ этой прогулкѣ съ Ренаномъ вещей первой важности, которыя невольно ускользали отъ моихъ глазъ во время предыдущихъ моихъ осмотровъ.

То знаменитая статуя въ родѣ Аполлона Бельведерскаго развѣнчивалась и съ доказательствами изъ оригинала превращалась въ копію; то реставрація Лаокоона произведена неправильно, и собранные при раскопкахъ куски не всѣ попали на соответственные имъ мѣста. Торсъ Бельведерскій, лишенный, какъ извѣстно, головы, рукъ и ногъ, тѣмъ не менѣе представляющій одно изъ удивительныхъ произведеній Греческаго ваянія, оживаетъ весь подъ словомъ ученаго и является какъ бы живымъ Геркулесомъ, только что отбросившимъ послѣ подвиговъ свою палицу.

Много, очень много можно было послушаться у Ренана; но въ особенности поразилъ меня его рассказъ о культѣ красотъ женщинъ по понятіямъ Грековъ и тѣхъ стадіяхъ, которыя должна была пережить скульптура, чтобы дойти до послѣдняго своего слова: Венеры Книдской Праксителя (увы,

существующей теперь только въ копіи да еще на нѣсколькихъ Бизидскихъ монетахъ). Еслибы стенографировать и записывать все что говорилъ намъ въ это утро Ренанъ, то можно было бы написать цѣлые томы. Мы странствовали въ Ватиканѣ до 6 часовъ вечера (время закрытія галерей) и отправились съ Риццони обѣдать въ скромный ресторанчикъ Фальконе, долго еще находясь подъ обаяніемъ чудной лекціи, которую только и можно слышать отъ такого учителя, какъ Ренанъ и которую до сего времени невозможно забыть.

ІХ. Графъ С. Г. Строгановъ и профессоръ Ваагенъ.

Строгановская картинная галерея въ С.-Петербургѣ (у Полицейскаго моста) есть не только лучшее частное собраніе въ Россіи, но безспорно одно изъ лучшихъ въ цѣлой Европѣ, составленное въ блестящій вѣкъ Екатерины Великой знаменитымъ ревнителемъ наукъ и искусствъ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, для чего не всегда нужны только деньги, но и тонкій вкусъ, а главнѣе всего случай, въ особенности при революціяхъ и истощительныхъ войнахъ, разоряющихъ богачей и заставляющихъ переходить художественныя сокровища изъ однихъ рукъ въ другія. При такихъ именно благоприятныхъ условіяхъ создалась эта единственная въ своемъ родѣ галерея, въ послѣдствіи значительно приумноженная наслѣдниками, а въ особенности недавно скончавшимся тонкимъ знатокомъ изящныхъ искусствъ, графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ.

Перломъ этой коллекціи всегда считалась и считается знаменитая „Венера выходящая изъ воды“, справедливо приписываемая кисти божественнаго Рафаэля и гравированная еще при жизни художника подъ этимъ именемъ, знаменитымъ тогда граверомъ Маркомъ Антоніемъ Раймонди.

Въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Петербургъ я посѣтилъ Строгановскую галерею и былъ такъ счастливъ, что засталъ самого хозяина, который очень привѣтливо вызвался быть моимъ чичероне.

Нечего конечно и говорить, что, при входѣ въ галерею, первымъ дѣломъ моимъ было пойти къ знаменитой Венерѣ, издавна еще прозванной по необыкновенно лучезарно-голубоватому колориту „серебряною“.

Но каково же было мое изумленіе, когда, разглядывая эту картину, я уже не нашелъ на ней прежней дощечки съ надписью имени Рафаэля; а мѣсто этой дощечки оказалось пустымъ.

Графъ скоро замѣтилъ мое смущеніе и на разспросы о причинѣ такой перемѣны, отвѣчалъ мнѣ, что на дняхъ былъ въ его галереѣ профессоръ Ваагенъ, знаменитый знатокъ въ искусствѣ и, по внимательномъ разсмотрѣніи картины, пришелъ къ убѣжденію, что это вовсе не работа Рафаэля, а одного изъ его послѣдователей, второстепеннаго Итальянскаго живописца Бальтрафіо. Не желая послѣ этого вводить публику въ соблазнъ и вполне полагаясь на авторитетъ Ваагена, графъ принужденъ былъ снять дощечку съ именемъ Рафаэля, но не рѣшился еще окрестить свою „Серебряную Венеру“ именемъ другаго указаннаго ему мастера.

— Но, какъ же вы такъ легко повѣрили приговору Ваагена? сказалъ я съ энтузіазмомъ истиннаго любителя.

— Вся Европа ему вѣритъ, отвѣчалъ графъ; посмотрите, сколько онъ сорвалъ ярлыковъ у насъ въ Эрмитажѣ.

— Пускай всѣ вѣрятъ, а я никогда не повѣрю, отвѣчалъ я громко, возвышая голосъ.

Тогда графъ медленно приподнялся съ кресла, на которомъ сидѣлъ и, взявъ меня за пуговицу вицъ-мундира, произнесъ съ видимымъ удареніемъ:

— Вы сказали такое слово, на которое конечно имѣете доказательства, и я васъ прошу познакомить меня съ ними.

— Очень хорошо, отвѣчалъ я. Доказательства мои состоятъ въ слѣдующемъ. Ваагенъ, какъ и вамъ извѣстно, состоитъ директоромъ Берлинскаго Королевскаго Музея; онъ составитель ученаго его каталога. Музей, конечно не виноватъ, что, будучи самымъ младшимъ (по годамъ его основанія) въ Европѣ, могъ пріобрѣтать только то, что осталось отъ всѣхъ другихъ знаменитыхъ галерей и музеевъ Европы, и потому, какъ извѣстно, занимаетъ между ними едва ли послѣднее мѣсто. По каталогу же, составленному г. Ваагеномъ, онъ едва ли сдѣлался не первымъ въ Европѣ. Въ немъ, по этому каталогу, находится 7 Рафаэлей, 14 Рубенсовъ, Тиціановъ, Веласкесовъ и т. д.

— Позвольте, перебилъ меня графъ, выпуская между прочимъ изъ рукъ мою пуговицу. На этотъ счетъ и у меня возникло сомнѣніе, и я намекнулъ Ваагену по этому поводу; но онъ мнѣ категорически отвѣчалъ, что, будучи Нѣмцемъ, изъ патріотизма онъ, какъ хранитель музея, не могъ поступить иначе, какъ назвавъ картины тѣмъ именемъ, подъ которымъ онъ были пріобрѣтаемы королемъ и его предшественниками; но что онъ составляетъ и составилъ уже каталогъ съ настоящимъ означеніемъ

всѣхъ предметовъ Музея, который по его завѣщанію долженъ быть напечатанъ послѣ его смерти.

— Кто же изъ насъ послѣ этого правъ, ваше сіятельство? возразилъ я графу Строганову. Въ одномъ мѣстѣ Ваагенъ позволяетъ себѣ лгать изъ патріотизма, въ другомъ изъ-за сытнаго обѣда, далѣе солжетъ изъ тщеславія, чтобъ показать свои знанія, изъ дружбы, и т. д. Да развѣ это чистое отношеніе въ дѣлѣ искусства? Иной, опираясь, какъ вы говорите, на авторитетъ Ваагена, съ его каталогомъ въ рукѣ, примется изучать мастеровъ въ Берлинскомъ Музеѣ и до какихъ Геракловыхъ столбовъ безмыслицы долженъ по неволѣ дойти въ своихъ заключеніяхъ? Нѣтъ, ваше сіятельство, Ваагенъ, можетъ быть, знаетъ Нѣмецкую и старо-Нѣмецкую школу, изученію которыхъ онъ посвятилъ много лѣтъ; но чтобы признать его всемірнымъ знатокомъ и цѣнителемъ, я съ этимъ никогда согласенъ не буду.

Графъ Сергѣй Григорьевичъ послѣ этихъ словъ нѣсколько задумался и, прощаясь со мною, пригласилъ на завтра къ обѣду. Но ни о Ваагенѣ, ни о Венерѣ разсужденій у меня съ нимъ болѣе уже не было.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

По воспоминаніямъ земляка.

Въ прошедшемъ 1889 году перешелъ въ загробный міръ Н. Г. Чернышевскій, оставившій по себѣ въ здѣшнемъ мірѣ такіе слѣды, которые едва ли скоро изгладятся. Но вопросъ: изгладятся ли? И на Западѣ Европы, и въ Новомъ Свѣтѣ, и у насъ постоянно зарождаются глашатаи, которымъ не по душѣ строй современной жизни, съ ея вѣрованіями, христіанскими началами, вѣковыми преданіями исторіи и стремленіями къ высшимъ цѣлямъ бытія разумно-свободныхъ созданій. Чернышевскіе—достояніе нашего времени. Но въ какія времена не являлись они? Въ какую рѣку или потокъ съ самою чистою водою не вливались грязные ручьи? Душа, вѣрующая въ правленіе міромъ высшею, всесовершеннѣйшею властію—Богомъ, должна мириться съ этими прискорбными явленіями. Нравственное зло неизбежно, какъ слѣдствіе слабости или ограниченности всего сотвореннаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что появлявшіяся и появляющіяся ереси послужили и не перестаютъ служить къ уясненію божественныхъ истинъ Евангелія. Едва ли можно спорить и противъ того, что появляющееся разнаго рода лжемысліе служить къ уясненію тѣхъ истинъ, которыя должны быть положены въ основаніе разумно-свободной жизни человѣка и человѣческихъ обществъ или государствъ. Правда, лжемысліе, соединенное съ злонамѣренностію, нерѣдко потрясаетъ или расшатываетъ самыя первоосновы этой жизни, даже вызываетъ потоки крови человѣческой; но человечество растетъ, крѣпнеть и становится совершеннѣе. Да, „подобаетъ и ересямъ *) въ васъ быти, да искусніи явлени бывають въ васъ“ (І, Коринѣ, XI, 19).

Но отсюда, конечно, не можетъ быть выводимо заключеніе, что мы должны быть равнодушны въ лжеученіямъ, которыя имѣютъ цѣлю вредить намъ, нашей внутренней жизни, и внѣшней, вещественной. Борьба и неизбежна, и обязательна. И мы видимъ, что у всѣхъ образованныхъ народовъ существуютъ законы и карательныя мѣры, преслѣдующіе лжеученія, коль скоро они наносятъ вредъ человѣческимъ обществамъ или строю государственной жизни.

*) Въ Русскомъ переводѣ—„разномысліямъ“.

Кара постигла и Н. Г. Чернышевскаго, и конечно самая большая тяжесть ея стояла въ томъ, что онъ лучшіе годы жизни оставался въ бездѣйствіи. Сознаніе не могло не томить его души и должно было твердить ему, что въ эти потерянные годы, онъ, обладая такими счастливыми дарованіями и жаждою къ умственному труду, могъ быть виднымъ дѣятелемъ въ области науки, еслибы не промѣнялъ ея на призраки неосуществимые, непосильные и идущіе въ прямой разрѣзъ создавшимся вѣками укладомъ жизни роднаго ему народа.

Покойный Н. Г. Чернышевскій былъ мнѣ землякъ; онъ на 10 лѣтъ моложе меня. Я зналъ его ребенкомъ, зналъ въ отроческихъ годахъ и видѣлъ вступившимъ въ возрастъ юноши. Воистину его можно назвать падшимъ ангеломъ. И онъ дѣйствительно въ свое время походилъ на ангела во плоти; и не могъ не походить на него, живя подъ кровомъ такого отца, какимъ былъ протоіерей Гавріилъ Ивановичъ. Много я на своемъ нескороткомъ вѣку видѣлъ достойныхъ служителей алтаря Господня, но образъ этого человѣка оставилъ въ душѣ моей самыя глубокіе слѣды. То былъ глубоко и горячо вѣрующій христіанинъ, то была воплощенная кротость. Гавріилъ Ивановичъ служилъ учителемъ и инспекторомъ Саратовскаго духовнаго училища, былъ членомъ консисторіи, кафедральнымъ протоіереемъ и благочиннымъ городскихъ церквей; стало быть, онъ имѣлъ власть и подчинявшихся этой власти. Но едва ли когда-нибудь эта олицетворенная кротость возвысила голосъ или наморщила чело, видя проступки подчиненныхъ ей. Повидимому, сама природа помогала отцу Гавріилу быть таковымъ: онъ имѣлъ осанку, невольно внушавшую уваженіе; тихая, плавная поступь; чистое, замѣчательной бѣлизны, съ легкимъ оттѣнкомъ румянца лицо, шелковистые, отчасти волнистые, свѣтло-русые волосы, самыхъ скромныхъ размѣровъ такого же цвѣта борода; дышащія неподдѣльною добротою глаза; тихій, отзывающійся какою-то задушевностію голосъ (съ слабымъ оттѣнкомъ шепелявости); необыкновенная плавность и логичность рѣчи; сосредоточенность взора надъ тѣмъ, къ кому онъ былъ обращенъ, какъ будто чрезъ эту сосредоточенность говорилось: смотри на меня, сердце мое откровенно съ тобою.

Если кто испытывалъ на себѣ обаяніе этого необыкновеннаго человѣка, такъ конечно дѣти училища. Въ 20-хъ, 30-хъ годахъ и даже позднѣе, въ нашихъ школахъ, и духовныхъ, и свѣтскихъ, господствовали довольно суровые приемы. Но мы помнимъ тѣхъ учениковъ, которые учились въ то время въ Саратовскомъ духовномъ училищѣ, когда тамъ былъ и учителемъ, и инспекторомъ отецъ Чернышевскій. Они говорили: легче намъ перенести бранныя укоризны и бичеваніе розгами, чѣмъ выслушать кроткое, съ слезами на глазахъ, увѣщаніе его. По личному побужденію онъ никого не наказывалъ розгами и прибѣгалъ къ этому наказанію только по распоряженію высшей власти, ректора училища. И довольно было, чтобы наказуемый, котораго никогда не обнажали,

закричалъ: простите! исправлюсь!—и наказаніе немедленно прекращалось. Въ послѣдствіи мы лично слышали отъ него такое сужденіе: тѣлесное наказаніе должно достигать своей цѣли не болѣю тѣла, а сознаніемъ наказуемаго, что онъ заслужилъ такое позорное наказаніе.

Протоіерей Чернышевскій кончилъ курсъ въ Пензенской семинаріи. Духовно-учебныя заведенія того времени не выпускали изъ стѣнъ своихъ питомцевъ съ такими многосторонними знаніями, какъ въ настоящее время; но за то, что знали они, — знали основательно. Гавріиль Ивановичъ не только свободно читалъ классиковъ или творенія св. отцевъ, но легко писалъ и говорилъ на древнихъ языкахъ, преимущественно на Латинскомъ. Изъ новѣйшихъ языковъ онъ хорошо зналъ книжный Французскій языкъ, даже могъ и объясняться на немъ. Въ 1830 г. открылась въ Саратовѣ духовная семинарія; явились лица съ академическимъ образованіемъ, и въ числѣ ихъ И. Синайскій, извѣстный составитель Русско-греческаго лексикона (котораго у насъ до того времени не было). Гавріиль Ивановичъ не только стоялъ съ ними на одномъ уровнѣ, но нѣкоторыхъ и превосходилъ зрѣлостію мыслей и начитанностію.

Я нерѣдко видалъ, какъ Гавріиль Ивановичъ велъ за руку своего малютку, идя изъ церкви, или сидѣлъ съ нимъ на берегу широкой Волги, прислушиваясь къ плеску ея волнъ. Врѣзались въ моей памяти черты лица этого малютки, котораго многіе называли не иначе, какъ херувимчикомъ. Чистое, бѣлое личико, съ легкою тѣнью румянца и едва замѣтными веснушками, открытый лобикъ, кроткіе, пытливые глаза; изящно очерченный маленькій ротикъ, окаймленный розовыми губами; шелковистые рыжеватые кудерьки; привѣтливая улыбка при встрѣчѣ съ знакомыми; тихій голосъ, такой же какъ у отца: вотъ черты, которыя запечатлѣлись въ моей памяти и какъ будто уяснились съ той поры, когда этотъ херувимчикъ сдѣлался государственнымъ преступникомъ. Таковъ былъ Н. Г. Чернышевскій, проходя и отроческій возрастъ, и даже во время пребыванія его въ семинаріи. Дѣвственная скромность, чистота сердца, легкая застѣнчивость, нерѣдко выступавшая румянцемъ; вдумчивость или углубленіе въ самого себя; молчаливая привѣтливость ко всѣмъ и каждому: все это рѣзко выдѣляло его изъ круга семинарскихъ товарищей, которые, ради того, и называли его красной дѣвицей. Эти черты, конечно, инымъ товарищамъ не нравились; но едва ли кто изъ нихъ позволялъ себѣ чѣмъ-нибудь оскорбить дѣвственно-кроткаго юношу. Ходила въ то время въ нашихъ духовныхъ школахъ, въ истинномъ смыслѣ классическая, поговорка, неизвѣстно когда сложившаяся: *si rufus bonus—optimus, si rufus malus—pessimus*; т.-е. если рыжій хорошъ, то хорошъ въ превосходной степени; а если дурень—то въ той же степени. Дѣлая силлогизмъ по отношенію къ Н. Г. Чернышевскому, товарищескій кругъ выводилъ заключеніе: *ergo* Чернышевскій *optimus*. Товарищи не могли не уважать Чернышевскаго и по другимъ причинамъ: своими познаніями и блестящимъ дарованіемъ онъ

стоялъ выше ихъ на цѣлую голову. Такимъ признавали его и наставники, давая ему первое мѣсто въ продолженіи всего пребыванія его въ семинаріи.

Но было въ немъ еще и другое отличительное свойство: — это несобительность, однако не отталкивающая, не плодъ какой-нибудь холодности или презрѣнія. Да, Чернышевскій былъ какъ бы чужой среди товарищей; онъ казался погруженнымъ въ самого себя, онъ не входилъ ни въ споры, ни въ шуточные разговоры: приходитъ въ классъ предъ входомъ въ него наставника, перекинется нѣсколькими словами съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, просидитъ какъ прикованный въ классѣ и велѣдъ за наставникомъ оставляетъ его. Если наставникъ замедлилъ приходомъ въ классъ, то Н. Чернышевскій обыкновенно вынималъ книгу и углублялся въ нее, не обращая ни на кого вниманія. Чтѣ лежало въ основаніи этой отчужденности? Сознаніе ли своего превосходства надъ сверстниками? То ли, что онъ видѣлъ вокругъ себя такъ много угловатаго, неотесаннаго, даже грязноватаго? Объ этомъ знала его душа. До поступленія въ классъ риторикѣ весь міръ для него былъ въ отцѣ, книгахъ и церкви. Правда, отецъ Чернышевскаго былъ человѣкъ общительный, любимый прихожанами; но онъ чуждался собраний, особливо соединенныхъ съ пиршествами, далеко держалъ себя отъ лицъ подозрительной нравственности и боялся, какъ бы въ драгоценную зеницу его ока, въ дѣтскую душу его единственнаго сына, не попала какая-нибудь соринка. И для него весь міръ заключался въ сынѣ, церкви, книгахъ и въ отпращиваніи обязанностей по службѣ. Къ тому же жена его была существо болѣзненное; какъ слышно, она страдала меланхоліей. Такая обстановка дѣтскихъ лѣтъ не могла не послужить къ замкнутости Н. Г. Чернышевскаго въ самого себя. Онъ видѣлъ людское общество, можно сказать, издали, не приучался цѣнить его, и потому въ послѣдствіи такъ легко поддавался обаянію людей легкомысленныхъ, но умѣвшихъ представиться неопытному юношѣ глубокомысленными, многосторонне-образованными. Мы знаемъ, кто имѣлъ особенное вліяніе на Чернышевскаго въ первые годы его жизни въ столицѣ; но Богъ съ нимъ! Онъ отвѣтчикъ за этого падшаго ангела.

Неизвѣстно намъ, были ли къ Чернышевскому приглашаемы учителя; вѣрнѣе всего, что бремя учительства несъ на себѣ одинъ отецъ, который дѣйствительно подготовилъ сына такъ, какъ рѣдко удается готовить самой лучшей школѣ. Н. Г. Чернышевскій въ семинаріи безъ труда читалъ Латинскихъ классиковъ и творенія Златоуста на Греческомъ языкѣ, былъ хорошо подготовленъ по языкамъ Французскому и Нѣмецкому. Едва ли я погрѣшу, сказавъ, что имъ была прочитана вся Библія. Впрочемъ, подобное явленіе въ то время было не изъ рѣдкихъ. Насколько отецъ старался развить въ сынѣ мыслительныя силы, на столько же и образовать его сердце, памятуя и опытомъ извѣдавши, что „образованіе ума безъ образованія сердца бесполезно“: это была самая ходячая въ то время тема для письменныхъ упражненій у питомцевъ духовныхъ семинарій. Въ обра-

зованіи сердца набожный отецъ, конечно, первое мѣсто давалъ чувству вѣры, имѣя полное убѣжденіе, что „начало премудрости есть страхъ Божій“. Ходила молва, что Н. Г. Чернышевскій, до поступленія въ семинарію, не пропускалъ ни одной божественной службы, даже и въ будничные дни (въ которые, впрочемъ, въ одноштатной приходской церкви, служба бывала, можетъ быть, одинъ разъ въ недѣлю), и что отецъ, идя въ церковь, обыкновенно бралъ съ собою и сына и ставилъ его въ алтарь. Это частое пребываніе въ церкви не послужило ли въ свою очередь къ развитію въ дѣтскихъ лѣтахъ Н. Г. Чернышевскаго замкнутости его въ самомъ себѣ, робкой застѣнчивости, и къ устраненію рѣзвости, столь свойственной этому возрасту? Постоянно внушаемый страхъ Божій не развивалъ ли въ немъ боязнь соприкасаться съ самыми невинными предметами? Можетъ быть частое посѣщеніе храма безъ разумнія, что читается и поется въ немъ, невольно оставляло въ дѣтской душѣ слѣды холодности къ церкви, которые впоследствии и сдѣлались столь явственными. Но это для насъ есть тайна, какъ все существо души нашей. Иногда то, отъ чего можно бы ожидать одного добраго, сопровождается однимъ зломъ, и наоборотъ.

Едва ли у Н. Г. Чернышевскаго не единственнымъ близкимъ товарищемъ былъ мой покойный братъ. Были ли они, что называется, закадыжными друзьями, открывали ли другъ другу тайники своего сердца—не могу сказать; но знаю, что Чернышевскій былъ для брата моего предметомъ глубокаго уваженія и любви. Братъ мой до конца жизни сохранилъ къ Чернышевскому теплоту товарищескаго сердца. Не скрою, что можетъ быть, именно по чувству товарищества, не все лжеученіе дорогаго товарища представлялось брату разрушительнымъ или противнымъ здравому смыслу и на многое, очень многое онъ смотрѣлъ какъ на увлеченіе или на желаніе пустить пыль въ глаза, заставить говорить о себѣ. Судьба, постигшая товарища юныхъ лѣтъ, глубоко опечалила брата, и онъ однажды такъ выразился въ письмѣ ко мнѣ: „Чтобы ниому профессору С.-Петербургскаго университета, видя такіа блестящія дарованія моего Николая, не взять его подъ свое крылышко, не постановить на ученую дорогу! Изъ него вышелъ бы не только не послѣдній, но самый видный дѣятель въ области науки. Ужъ такъ видно на роду написано родной землѣ: явится личность такъ много общающаяся, но или съ кругу сощется, или преждевременно умретъ не своею смертію, или до того затрутъ и замнутъ, до того обезличатъ, что выступившій на поле труда махнетъ на все рукой и погрузится въ непробудную лѣнь, столь присущую Славянскому роду“.

Братъ жилъ со мною, и Чернышевскій заходилъ (впрочемъ только послѣ классовъ) къ намъ. Я могъ всмотрѣться въ него, прислушаться къ образу его мыслей, къ направленію его сердца и раздѣлялъ мнѣніе его товарищей, что то дѣйствительно красная дѣвица, т.-е. существо съ самою чистою душою. Но признаюсь, мнѣ иной разъ представлялось, что въ глу-

бинъ этой юной души лежитъ нѣчто таинственное, отъ всѣхъ скрываемое, что она не довольна окружающею ея средою и подозрѣваетъ другаго рода міровоззрѣнія. Это частое опусканіе рѣсницъ, думалъ я, не есть ли желаніе прикрыть то, что признается зеркаломъ души; или дѣйствительно это есть признакъ дѣвственной скромности? Приходили мнѣ и такого рода мысли при взглядѣ на этого расцвѣтающаго юношу: изъ него выдетъ или самый глубокій аскетъ, который весь погрузится въ самого себя и въ область духовнаго міра, или его вдругъ охватитъ огонь возжелѣній, въ которыхъ онъ и сгоритъ. Мнѣ было 25 лѣтъ, а Чернышевскому 15. Но во всякомъ случаѣ я радъ былъ, что мой братъ имѣлъ такого товарища, къ которому онъ хаживалъ и въ домъ, встрѣчая самый радушный привѣтъ у незабвеннаго Гавріила Ивановича.

По окончаніи курса въ среднемъ (философскомъ) отдѣленіи семинаріи, оба товарища отправились въ университеты: Чернышевскій—въ С.-Петербургскій, а братъ въ Казанскій. Вѣли ли они между собою переписку и если вѣли—что она содержала, не знаю. Если вѣли, то очень любопытно бы просмотрѣть письма студента С.-Петербургскаго университета къ студенту Казанскаго: по нимъ можно бы выслѣдить, когда и при посредствѣ кого начался такой переломъ въ юной и чистой душѣ. Но переломъ совершился въ бытность его въ университетѣ, и притомъ сравнительно въ короткое время.

Года чрезъ два (кажется такъ) молодые студенты пріѣхали на лѣто въ Саратовъ. Братъ остановился у меня, и Чернышевскій посѣщилъ къ намъ. Я въ это время былъ дома. Съ поспѣшностію отворяется дверь, и довольно размахисто входитъ знакомый юноша въ студенческомъ сюртукѣ. Съ перваго же взгляда на него я не могъ не замѣтить большой перемѣны: вмѣсто легкой согбенности, станъ выпрямился; взоръ открытый, руки въ движеніи; есть что-то размахистое, признаки какой-то удалости. Жмемъ другъ другу руки, цѣлуемся; сѣли. Вижу, дорогой мой гость довольно быстрымъ взоромъ осматриваетъ мое скромное жилище и какъ будто чего-то ищетъ. Наконецъ нашелъ то, съ чего хотѣлось ему начать рѣчь, которая сразу дала понять, что Чернышевскій уже не тотъ незрѣлый юноша, котораго я зналъ.

— Что это, Иванъ Устиновичъ, вы все по прежнему живете? (При этомъ рука моего гостя указала на икону, занимавшую передній уголъ моей комнаты).

— По прежнему, отвѣчалъ я.

— И за Николая Павловича молитесь?

— Молюсь.

— И свѣчки Нерукотворенному ставите? *)

— Ставлю.

— Да перестаньте жить по „преданьямъ старины глубокой“; позжайте въ Питеръ, и вы просвѣтитесь истинно „невечернимъ свѣтомъ“.

— У насъ одинъ невечерній свѣтъ, котораго и тьма не объять, сказалъ я.

— Нѣтъ, этотъ свѣтъ уже отжилъ свои вѣка.

— Конечно, сказалъ я, вы шутите; но простите мнѣ: такія шутки по всей праведности слѣдуетъ называть кощунствомъ.

— Но не все то кощунство, слышу я въ отвѣтъ, что несогласно съ убѣжденіями старины глубокой. Истины мѣняются какъ тѣни, или правильнѣе—какъ свѣтовые лучи, чрезъ которые проходятъ тѣни.

— Но все-таки, возражаю я, лучи свѣта остаются свѣтомъ, а не превращаются во тьму. Такихъ явленій нѣтъ въ природѣ.

— Думать такъ, отвѣчаетъ мнѣ собесѣдникъ, это тоже, что осуждать человѣчество на вѣчный застой.

— По моему, совсѣмъ не то: человѣчество можетъ расти (и ростеть) во всю широту и высоту, оставаясь при однѣхъ и тѣхъ же истинахъ, напр. тѣхъ, которыя содержатъ Евангеліе и которыя, по крайней мѣрѣ, начатки ихъ, мы имѣемъ основаніе считать прирожденными человѣку, какъ бы частицами его души.

— Не согласенъ съ вами, говоритъ юный мыслитель: вѣра христіанская или другое какое нибудь вѣрованіе должны смѣняться знаніемъ, и только сознанное, опытомъ провѣренное, человѣкъ будетъ признавать за истину.

— Думаю, что первое, обо что вы споткнетесь, сказалъ я, это духовная половина человѣческаго существа: ея ни взвѣсить, ни смѣрить нельзя.

— Но мы будемъ мѣрить и вѣсить мозгъ. То, что вы называете духомъ и притомъ бессмертнымъ, по нашему есть продуктъ мозга; разрушится мозгъ—и духа нѣтъ.

Выслушавъ эти слова, я съ улыбкою сказалъ: Гавріиль Ивановичъ! Не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоёмъ? Откуда убо имать плеведа? Но неужели, скажите пожалуйста, такимъ свѣтомъ просвѣщаетъ васъ С.-Петербургскій университетъ?

— Можетъ ли что добро быть отъ этого Назарета? слышу я отвѣтъ. Тамъ читають по засаленнымъ тетрадамъ. Если пошло на откровенность, то скажу вамъ, что теперъ еще нѣтъ настоящаго свѣта; свѣтятся огоньки, подобные блуждающимъ огонькамъ на болотѣ (послѣднее слово было такъ

*) Нерукотворенный образъ Спасителя, находящійся въ Старомъ Соборѣ и чтимый всеми жителями Саратова, даже нѣкоторыми Нѣмцами. Во время холеры и они брали его въ свои дома.

подчеркнуто, чтобы видно было, что это намёкъ на Православную Русь). Мы соберемъ эти огоньки въ одинъ фокусъ, изъ котораго и разольется свѣтъ по всей подсолнечной. Но вы, пожалуйста, не передавайте нашего разговора въ простотѣ вѣрующему Гавріилу Ивановичу; чего добраго, онъ оставитъ меня въ глуши Саратовской; а „мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу“.

— А я совѣтовалъ бы вамъ раскрыть предъ нимъ всю вашу душу. *Audiat et altera pars*. И увѣренъ, что по выслушаніи этой *altera pars* все, чего вы набрались, распадется какъ паутинна. Не думалъ, чтобы вы такъ скоро переродились. А что? И въ церковь перестали ходить?

— Я уже отходилъ свое; мнѣ и теперь душно отъ ладану, которымъ я дышалъ.

— Напрасно вы оставляете вѣру отцовъ. Она отнюдь не помѣшаетъ быть вамъ самымъ ученымъ мужемъ, такъ какъ она никогда не стѣсняла развитія силъ души. Помните: „идѣже духъ Господень, ту свобода“. Христіанская вѣра помѣшала ли появленію такихъ міровыхъ гениевъ, какъ Ньютонъ, Кеплеръ, Линней, и не подъ ея ли вліяніемъ они сдѣлались таковыми? Вамъ, конечно, какъ и мнѣ, передавали, что Ньютонъ обнажалъ голову при имени Бога, и что на гробницѣ его написано: „Въ своей философіи онъ прославлялъ величіе всемогущаго Бога, а въ жизни—Евангельскую простоту.“

— Однако меня ждуть обѣдать, поднимаясь сказалъ мой собесѣдникъ. Вы знаете, у Гавріила Ивановича все идетъ какъ по заведенной машинѣ.

Мы дружески простились. По выходѣ гостя, я спросилъ брата: неужели и у васъ въ Казани такое же легкомысліе?

— Да, отвѣчалъ братъ, что-то подобное бродитъ; но мы еще не шагнули такъ далеко. Петербургъ ближе къ Западу, чѣмъ Казань; вѣяніе идетъ съ Запада, а не съ Востока.

Можетъ быть, я и не передалъ въ подлинныхъ словахъ всего разговора между мною и Чернышевскимъ. Но онъ не могъ не быть памятнымъ мнѣ; и когда постигла горькая доля этого падшаго ангела, то мы съ братомъ общими силами старались возстановить эту бесѣду. „и я ручаюсь, что она въ общихъ чертахъ была такова.“

Къ продолженію каникулъ я нерѣдко встрѣчался съ Петербургскимъ студентомъ но болѣе не заводили мы подобной бесѣды, сознавая, что сойтись не можемъ и, конечно, онъ видѣлъ во мнѣ человека отсталого. Я, при встрѣчахъ, обыкновенно спрашивалъ его о Петербургѣ, гдѣ еще не бывалъ. Описывая его, онъ часто ввертывалъ слова: казенщина, казармщина, солдатчина и т. д.

Предъ отъѣздомъ изъ Саратова, Н. Г. Чернышевскій забѣжалъ ко мнѣ проститься. Я не могъ не замѣтить радости на лицѣ его, что онъ возвращается въ ту среду, подъ вліяніемъ которой уже совершился пере-

ломъ въ его образъ мыслей. Можетъ быть, онъ даже тяготился кровомъ своего набожнаго, преданнаго священнымъ завѣтамъ родной старины, отца. Мы дружески простились и крѣпко пожали другъ другу руки, — и это было послѣднее наше свиданіе. По окончаніи университетскаго курса онъ возвратился въ Саратовъ и занялъ мѣсто преподавателя въ гимназіи; но я въ это время жилъ уже въ другомъ краю, и впоследствии могъ слѣдить за моимъ старымъ знакомымъ только по его писательству, которое мнѣ не было по душѣ, и я не могъ не жалѣть, что мой дорогой землякъ не выступилъ на поприще ученой дѣятельности, имѣя все, что нужно для нея: и превосходную подготовку, и самыя счастливыя дарованія, и любовь къ труду. Ему чужда была свѣтская жизнь съ ея прелестями, пустотою, головокруженіемъ, почестями, богатствами. То былъ человѣкъ высшихъ стремленій; но въ основѣ ихъ лежала уже не истина, а ложь, не добро, а зло.

Воображаю, какою скорбію отзывались печатныя произведенія сына въ сердцѣ отца. Не сомнѣваюсь, что, видя лжемыслие сына, онъ умолялъ его обратиться на путь истины, умолялъ можетъ быть, тѣми же словами, какими отецъ Шлейермахера извѣстнаго по отрицательной критикѣ Евангелія. „Если возможно, писалъ онъ къ начавшему заблуждаться сыну, то внемли просьбѣ своего отца, просящаго тебя! Опомнись, ахъ, сынъ мой, опомнись! Человѣческая добродѣтель не есть совершенство, но всегда слѣдуетъ возвращаться съ пути погрѣшностей. О, Господи Иисусе, Ты пастырь людей, Самъ возврати къ Себѣ Свое заблудшее овца! Сотвори сіе во славу имени Твоего!“ Но ни эти душу раздирающіе вопли отца, пишеть почтенный о. Тимоѣей Буткевичъ *), ни его угрозы и увѣщанія не перемѣнили образа мыслей Шлейермахера. По своей природѣ, онъ принадлежалъ къ числу людей, которые ради истины готовы жертвовать всѣмъ близкимъ ихъ сердцу; а свое религіозное міровоззрѣніе Шлейермахеръ, конечно, считалъ вполне истиннымъ. Какое сходство съ отцомъ и сыномъ Чернышевскими!

Послѣдніе годы жизни своей протоіерей Чернышевскій походилъ, какъ говорится, на живаго, погрузившагося въ самого себя мертвеца, и часто, часто вырывались изъ наболѣвшей груди его слова: „Господи, Господи, пробави милость Твою вѣдущему Тя“. Онъ не только скорбѣлъ о заблужденіяхъ сына, но какъ будто стыдился за него, особенно предъ духовенствомъ; онъ какъ будто видѣлъ вокругъ себя, что на него смотрятъ съ укоромъ за неумѣніе воспитать единственнаго сына въ правилахъ вѣры и непреложныхъ истинахъ добра. Онъ избѣгалъ говорить о немъ даже съ тѣми, которые восхищались подвигами на литературномъ поприщѣ этого новаго мыслителя. Кончина же его была такаа. Онъ готовился къ литур-

*) Въ своемъ капитальномъ трудѣ: „Жизнь Господа нашего Иисуса Христа“. Москва, 1883 г., стр. 21.

гій, которую долженъ былъ служить съ архіереемъ, въ Казанской церкви; прочитавъ молитвы къ св. причащенію и сѣлъ въ кресло, дожидаясь благовѣста. Ударилъ колоколъ, и въ это же время онъ получаетъ вѣсть о судьбѣ своего несчастнаго сына. Любящее сердце не перенесло удара, и несчастный отецъ испустилъ духъ. Мгновенная смерть, какъ говорятъ, произошла отъ разрыва сердца.

И сынъ также умеръ почти скоропостижно—отъ прилива крови къ мозгу, чего, конечно, нельзя не отнести къ усиленнымъ умственнымъ работамъ: онъ переводилъ исторію Вебера, и смерть прекратила его трудъ на XII томѣ. „За день до смерти, читаемъ въ Саратовскомъ Листѣ, уже послѣ приступа страшнѣйшаго озноба, онъ надиктовалъ болѣе 16 страницъ печатнаго текста, самъ изумившись своей рабочей энергіей“. И это на 62 году жизни! Чего можно было ожидать отъ такой личности, съ такими дарованіями, съ такою энергіей?

Меня занимали и занимаютъ два вопроса, съ которыми я и обращался недавно къ моимъ знакомымъ въ Саратовѣ. Первый вопросъ: обратился ли Чернышевскій, въ годы наступившей старости, къ вѣрѣ отцевъ, выступилъ ли онъ на тотъ путь, по которому велъ его отецъ при расцвѣтѣ его жизни? Умеръ ли онъ христіаниномъ, какъ Литре? На эти вопросы отвѣчали мнѣ что одно изъ близкихъ къ покойному существъ, горячо молившееся за него въ Божіихъ церквахъ, постоянно просило его бросить прежнія идеи, и слышало отвѣтъ: „меня ничто не сломило, и это моя пища“.

Другой вопросъ: переселившись въ Саратовъ, былъ ли Чернышевскій на могилѣ отца, котораго онъ въ свое время такъ горячо любилъ и, можетъ быть, дѣйствительно былъ причиною его смерти? На этотъ вопросъ даже такая личность, которая имѣла возможность собрать самыя точныя свѣдѣнія, дала уклончивый отвѣтъ. Едва ли мы не въ правѣ вывести изъ такого отвѣта такое заключеніе, что, вѣрнѣе, сынъ не былъ на могилѣ отца,—не былъ или потому, что смотрѣлъ на обычай посѣщать могилы близкихъ сердцу съ своей точки зрѣнія, или потому, что ему слишкомъ тяжело было посмотреть на эту могилу. Постигшая тяжелая судьба, можетъ быть, и ожесточила сердце покойнаго Чернышевскаго; но мы не позволимъ себѣ допустить, чтобы въ этомъ сердцѣ не осталось слѣдовъ прежней мягкости или нѣжности, которыя нѣкогда были отличительными его чертами.

Представляя себѣ эти двѣ могилы, отца и его сына, и припоминая яркій расцвѣтъ жизни послѣдняго, я невольно говорю себѣ: погибъ человекъ такъ много, много общавшій. „Врагъ человѣка сіе сотвори“. Прости, Небесная Истина, легкомысліе тому, котораго я нѣкогда считалъ ангеломъ на землѣ! Ты сама изрекла: „оставите расти обою—плевелы и пшеницу купно до жатвы“. Здѣсь тайна Твоей премудрости, въ которую не могутъ проникнуть и ангелы, какъ конечныя въ безконечное. Такую мо-

литву я сотворилъ бы на могилѣ моего земляка. Но есть могилы, падѣ которыми мы еще горячѣе должны молить Судію живыхъ и мертвыхъ.

Вотъ несется ретивый конь, запряженный въ колесницу; пыль засыпаетъ глаза встрѣчающихся на пути; однихъ изъ нихъ онъ калѣчитъ, другихъ убиваетъ; сѣдокъ до того погруженъ въ свои думы, охватившія все существо его, что не замѣчаетъ — какой слѣдъ оставляетъ быстро несущаяся его колесница; наконецъ и самъ падаетъ и разбивается. Но что же дѣлаютъ возницы, которые должны управлять конями? Оказывается, что и они какъ будто охмелѣли отъ ѣзды, и опустили возжи. Да, если бы не были опущены возжи стоявшими на стражѣ нашего печатнаго слова, не явились бы Чернышевскіе, не погибли бы они въ ссылкахъ и на висѣлицахъ, и не внесли бы въ народную жизнь и въ наше молодое поколѣніе разрушительныхъ заблужденій. Человѣку, особливо въ молодые годы и при горячемъ темпераментѣ, свойственно увлекаться и увлекать другихъ; но для обузданія отъ увлеченій и распространенія ихъ въ окружающей средѣ, учреждаются въ благоустроенныхъ обществахъ или государствахъ стражи, и если они не бодрствуютъ, то первые въ отвѣтъ они, какъ матери позволяющія дѣтямъ играть огнемъ. Печатное слово — тотъ же огонь, тотъ же мечъ обоюдоострый. Здѣсь бдительность и осторожность необходимы. Эта необходимость признана даже и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ преклоняются предъ свободой, какъ необходимымъ условіемъ гражданственности. Припомнимъ, что въ Сединенныхъ Штатахъ Америки даже почти отказываются отъ приѣма книгъ, направленныхъ противъ религіи и началъ христіанской нравственности; а мы свободно читаемъ кощунственное издѣвательство перекрещенца-Еврея надъ тайною воплощенія Бога Слова; нашимъ дѣтямъ предлагаютъ и даже одобряютъ учебники, подрывающіе истинность св. Евангелія и св. Таинствъ и самого Основателя христіанской вѣры Богочеловѣка Іисуса Христа считающіе *идеалистомъ, который разсказывалъ Галилейскимъ крестьянамъ о разныхъ добродѣтеляхъ*. И въ основѣ всей этой близорукости со стороны страстей печатнаго слова — боязнѣ прослыть за людей отсталыхъ. Какая, подумаешь, мелочность! Пусть рушатся вѣковые устои Русской народно-государственной жизни, но чтобы только на насъ не указывали пальцемъ, какъ на нѣкихъ обскурантовъ?!!

Имя Чернышевскаго какъ будто положило черное пятно на наши духовныя семинаріи. Такъ, многимъ представляется, а нѣкоторые даже печатно заявляютъ, что эти школы именно и родятъ намъ Чернышевскихъ, и что вольномысліе доходитъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ по преимуществу среди питомцевъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Съ послѣднимъ сужденіемъ, пожалуй, и можно согласиться, но какъ съ самымъ рѣдкимъ исключеніемъ; а что изъято отъ исключеній? Затѣмъ, самое огромное большинство питомцевъ этихъ заведеній поступаетъ въ священно-церковнослужители. Какіе ни находили бы въ нихъ недостатки (на отысканіе

которыхъ въ настоящее время много охотниковъ); но едва ли кто позволитъ себѣ видѣть въ нашихъ служителяхъ православной церкви носителей или насадителей ересей, или проводниковъ коммунизма, социализма и крамолы. Мы не отвергаемъ, что есть доля справедливости въ той молвѣ, что кожь скоро семинаристъ сдѣлается безбожникъ, то — первой руки, какъ омусульманившійся христіанинъ становится болѣе заклятымъ врагомъ христіанъ, чѣмъ природный мусульманинъ. Чѣмъ объяснить это странное явленіе? Рѣшеніе этого вопроса и не по силамъ намъ, и неумѣстно. Но относительно волеизъявленія среди нѣкоторыхъ бывшихъ семинаристовъ и въ числѣ ихъ Чернышевскаго, намъ кажется, будетъ умѣстнымъ такое уподобленіе. Вотъ богатый купецъ, живущій по преданіямъ старины глубоко; его жилище грязноватое и очень скромное; столъ — щи да каша; одежда стараго покрою, грубоватаго сукна; церковность составляетъ стихію для него и всей его семьи. Сынъ у него уже достигъ зрѣлаго юношескаго возраста; но онъ не смѣетъ безъ позволенія отца выйти за ворота дома, и въ рукахъ у него нѣтъ собственной копейки. Умираетъ отецъ; все существо сына охватила свобода; онъ бѣжитъ по всѣмъ распутіямъ и халугамъ, встрѣчаетъ такіа прелести міра, о какихъ ему досель и не грезилось. Прибавимъ къ этому, что то — натура воспримчивая, легко увлекающаяся, и вотъ питомецъ благочестивой семьи, воспитанный въ страхъ Божіемъ, въ воздержаніи во всѣхъ его видахъ, какъ разнузданный конь, несется куда глаза глядятъ; прелести свободной жизни, со всѣми ея чарами, овладѣваютъ всѣмъ существомъ этого молодого человека, — онъ тонетъ въ нихъ и погибаетъ.

Теперь припомнимъ семейную, да и семинарскую школу, которую прошли наши Чернышевскіе, въ послѣдствіи заразившіеся свободомысліемъ и новизнами разныхъ лжеученій, и мы поймемъ, почему они оказались таковыми же, какъ вышереченный сынъ купца. Но не всѣ же купеческіе сынки таковы, не могутъ быть таковыми и всѣ питомцы духовныхъ школъ. Такая судьба можетъ быть удѣломъ только особымъ образомъ сложившихся натуръ; а на такіа натуры позволительно смотрѣть какъ на исключенія *).

Да по мѣтамъ-купеческимъ сынкамъ и по вѣроотступникамъ семинаристамъ нельзя заключить, что и всѣ купеческія дѣти или семинаристы таковы. А потому великою было бы неправдою по Чернышевскому и подобнымъ ему судить о всѣхъ питомцахъ духовной школы, Это было бы такою же неправдою,

*) Къ малоподвижнымъ, въ извѣстномъ отношеніи, натурамъ принадлежу и я, какъ и самое огромное большинство питомцевъ духовныхъ школъ. Помню, преосвящ. Аванасій, котораго расположеніемъ я пользовался, предлагалъ мнѣ прочитать Штрауса. Я отвѣчалъ: а если онъ собьетъ меня съ пути православія, при которомъ мнѣ хорошо живется? — Ну, отвѣчалъ владыка, если боитесь, то лучше не читать. И я не читалъ.

какъ обвинять въ распатанности извѣстной части нашего молодого поколѣнія—семьи. И дѣйствительно, если зарожденіе грѣховъ легкомыслія въ покойномъ Чернышевскомъ относить къ семинаріи; то его можно бы отнести и на семью, въ которой онъ воспитывался и жилъ болѣе въ ней, чѣмъ въ семинаріи. Но мы видѣли, какъ отецъ воспитывалъ его, храня это сокровище своего сердца, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ зѣнцу собственнаго ока. Положительно можно сказать, что Чернышевскій ни изъ подъ отческаго крова, ни изъ стѣнъ семинаріи не могъ вынести ни одного тернія или волчца. Открывшійся для него въ столицѣ иной міръ овладѣлъ всѣмъ его существомъ, стремившимся къ чему-то высшему и лучшему,—овладѣлъ до такой степени, что ему представлялся тѣснымъ тотъ кругъ міросозерцанія, въ которомъ онъ до этой поры жилъ. Мы прожили смутное время, слѣды котораго не изгладились и доселѣ. Послѣ аплодисментовъ Вѣрѣ Засуличъ, послѣ убійствъ слугъ царскихъ и самаго царя—благороднѣйшаго изъ всѣхъ владыкъ земныхъ, мы стали чувствовать, что живемъ въ самой удушливо-грозной атмосферѣ, что у насъ дѣлаются подкобы подъ тѣ вѣковыя основы, на которыя вѣками наслаивалась наша народно-государственная жизнь и созидалось великое Русское царство, стали чувствовать и кинулись во всѣ углы отыскивать виновниковъ этого грознаго зла. Вотъ предъ нами Чернышевскій, какъ глашатай разрушительныхъ идей. Откуда онъ? Изъ Саратова, изъ тамошней духовной семинаріи. Найдены мутный источникъ!—А столица? Ея на нашей картѣ, т. е. при нашихъ поискахъ, не оказалось. Такъ-то мы любимъ держаться Русской поговорки: валить все съ больной головы на здоровую.

Мы далеки отъ того, чтобы утверждать, что вліяніе новаго времени не коснулось и нашихъ духовныхъ школъ, когда оно, это вліяніе, благодаря свободѣ печатнаго слова, проникло въ самые глухіе уголки широкой Русской земли; но были ли хоть слабые признаки этого вліянія въ духовныхъ школахъ въ то время, когда учился въ Саратовской семинаріи Чернышевскій? Я самъ прошелъ полный курсъ этой школы, между тѣмъ какъ Чернышевскій пробылъ въ ней всего четыре года, и очень хорошо ее помню. Питомцы Саратовской семинаріи, равно какъ и другихъ, были такъ поставлены, что любой грамотный дворникъ настоящаго времени легче и скорѣе можетъ напиться разнаго рода лжеученіями, чѣмъ питомцы духовныхъ среднихъ учебныхъ школъ 20-хъ, 30-хъ и начала 40-хъ годовъ. Трудно повѣрить, но это такъ. Мы не слышали даже слова политика. Еще можетъ быть труднѣе повѣрить, если я скажу, что едва ли изъ ста питомцевъ семинарій (по крайней мѣрѣ Саратовской) одинъ видѣлъ въ печати басни Крылова, стихотворенія Пушкина, Жуковскаго и т. д. Положительно можно сказать, что ихъ не было и въ самой библіотекѣ семинаріи. Но мы знали, что они не только существуютъ, но заучивали ихъ даже наизусть. Случайно они кѣмъ-нибудь списывались, потомъ переписывались, и у рѣдкаго ученика не было довольно объемистой, тщательно

переписанной тетради, въ которой первый листъ занимала ода Богъ, псалмы, переложенные въ Русскіе стихи Глинкою, затѣмъ шелъ столь любимый всѣми Громобой, Кавказскій Пѣвникъ и т. д. Учебники и книги духовнаго содержанія—вотъ чѣмъ духовно питались мы, и начальство довольно строго преслѣдовало чтеніе свѣтскихъ книгъ, даже такихъ невинныхъ, какъ Юрій Милославскій, Рославлевъ и т. д. Не вѣрится мнѣ самому, что я въ теченіе всего семинарскаго курса ни разу не видѣлъ листа газеты. Разъ какъ-то мнѣ привелось увидѣть какую-то книжку Библіотеки для Чтенія (она вѣзлась въ моей памяти по загнутому печатному углу на ея обложкѣ). Припоминаю одинъ случай. Нашъ старшій ¹⁾ живя въ семинарскомъ корпусѣ казеннокоштнымъ, давалъ уроки въ одномъ господскомъ домѣ и оттуда однажды принесъ книжку журнала (Отечественныхъ Записокъ или Библіотеки, не помню), въ которой въ первый разъ была напечатана первая половина Конька-Горбунка Ершова. Онъ объявилъ намъ, что послѣ подготовки уроковъ (вечеромъ) прочитаетъ эту сказку. Вѣсть разнеслась по всѣмъ комнатамъ, все сбѣжалось слушать; давка была страшная. Стихи были прочтены, всѣ пришли въ неописанный восторгъ; но какъ не имѣть такого сокровища въ своихъ тетрадкахъ? Попросили позволенія списать; позволеніе старшимъ дано; но такъ какъ книга была взята на одну ночь, то надобно было поспѣшить, и ребята такъ ухитрились, что вдругъ переписывалось съ четырехъ страницъ ²⁾).

Конечно жившіе на квартирахъ имѣли больше возможности читать свѣтскія книги; но что въ нихъ тогда было похожего на нашу литературу позднѣйшаго времени? Высшій слой обыкновенно читалъ Французскія произведенія, можетъ быть, и не совсѣмъ безпорочнаго содержанія; но эти книги были недоступны питомцамъ духовной школы, по слабому знанію этого языка. На Иринарха Введенскаго (извѣстнаго переводчика произведеній Диккенса), еще въ Саратовской семинаріи свободно читавшаго и говорившаго по французски, смотрѣли какъ на самое рѣдкое явленіе. Онъ могъ знать этотъ языкъ, такъ какъ въ дѣтствѣ воспитывался въ одномъ барскомъ домѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми барина.

Итакъ, съ какой стороны ни посмотрѣть на духовную семинарію разсматриваемаго нами стараго времени, нельзя не придти къ заключенію, что она не могла быть рассадникомъ легкомыслія и тѣмъ болѣе—идей,

¹⁾ Ив. Халколивановъ, впоследствии одинъ изъ лучшихъ магистровъ М. Д. Академіи, умеръ кафедральнымъ протоіереемъ г. Самары и оставилъ по себѣ собраніе замѣчательныхъ поученій.

²⁾ Можетъ быть, на бумажкахъ, которыми мы собирались въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Хотя это было болѣе въ обычаѣ у учениковъ училища; но риторы, равно какъ и философы, при крайней нуждѣ также прибѣгали къ этой мѣрѣ, т. е. къ собиранию милостыни, полулистами, четвертушками и даже восьмушками. Характеристично! Но что было дѣлать?

направляющихся къ разрушенію вѣры, семьи и государства; а на батюшку-царя воистину тогда смотрѣли какъ на земнаго Бога. Заключение въ противномъ смыслѣ есть грубый извѣтъ, безъ всякой исторической подкладки, или не менѣе, какъ грѣхъ невѣдѣнія.

Немало въ этой школѣ было грубоватаго, неотесаннаго, противнаго эстетическому образу жизни; о самыхъ представителяхъ духовной власти тогдашняго времени говорили, что въ нихъ течетъ дьячковская кровь. Но благодаря строгой и вмѣстѣ съ тѣмъ отеческой дисциплинѣ, довольно суровому и бѣдному образу жизни (разумѣемъ пищу, одежду, помѣщеніе и т. д.) и наклонности къ труду (который особенно вызывался классицизмомъ, такъ какъ всѣ главные предметы читались на Латинскомъ языкѣ) изъ этой школы выходили люди съ крѣпкимъ закаломъ здороваго ума и добраго сердца. Въ этомъ порукою исторія. Семинаристовъ того времени укоряють въ одномъ грѣхѣ—въ пьянствѣ и подъ пьяную руку—въ буянствѣ. Но студенты университетовъ и другихъ свѣтскихъ высшихъ учебныхъ заведеній были также причастны этимъ грѣхамъ. Мнѣ думается, что если отводили первенствующее мѣсто на этомъ поприщѣ семинаристамъ, то по преданію отъ временъ Тараса-Бульбы. За тридцатые и сороковые года мы вполнѣ можемъ поручиться, что любившіе выпить и побезчинничать составляли самое скромное число. Но не можемъ не отмѣтить и слѣдующаго въ тѣ времена нерѣдкаго явленія: немалое число воспитанниковъ богословскаго класса, готовившихся во іереи, были такъ проникнуты духомъ церковности, что въ первую недѣлю Великаго поста и въ Страстную, готовясь къ исповѣди и святому Причастію, въ теченіи пяти дней недѣли вкушали пищу какихъ-нибудь раза два, и притомъ пищу во образъ кусочка чернаго хлѣба и водицы. Повторяются ли подобныя явленія въ наше время среди будущихъ пастырей православной церкви? Не утверждаемъ и не отрицаемъ.

Но вотъ еще черты духовныхъ школъ стараго времени. Однажды, разговаривая о нихъ съ преосвящ. Аѳанасіемъ (бывшимъ епископомъ Саратовскимъ и умершимъ въ санѣ архіепископа Астраханскаго), вотъ что я услышалъ отъ него. „Много худаго говорятъ о нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно уличають ихъ въ пьянствѣ, что далеко отъ правды; но эти заведенія имѣютъ то, что едва ли имѣютъ свѣтскія. Когда я былъ ректоромъ Духовной Академіи *), на мнѣ, какъ на отцѣ ввѣренной мнѣ семьи, лежалъ долгъ слѣдить за ея нравственнымъ направленіемъ. И вотъ что я дѣлалъ, не оставляя, конечно, и другихъ путей для достиженія моей цѣли. Послѣ исповѣди на первой недѣлѣ Великаго поста и Страстной я призывалъ къ себѣ духовника и, не касаясь личностей, спрашивалъ у него о порочныхъ наклонностяхъ всего учащагося состава Академіи; и что же, вы думаете, я обыкновенно слышалъ? Изъ 80 или около того питомцевъ оказывалось 5—6—7 согрѣшившихъ противъ цѣломудрія,

и это, замѣтите, въ возрастѣ между 22—26 годами. Отъ того-то мы и имѣемъ здоровыхъ работниковъ, на какую работу ни пошли ихъ. Съ нарушеніемъ цѣломудрія въ раннемъ возрастѣ начинается разложеніе чловѣка“.

Это показаніе почившаго святителя могутъ подтвердить многіе бывшіе питомцы духовныхъ школъ, украшенные теперь почтенными сѣдинами.

Послѣднее слово. Если плевелы могутъ заглушать пшеницу, то и пшеница, посѣянная опытною рукою, при дружномъ ростѣ, также можетъ заглушить плевелы. Долгъ каждаго сына Русской земли—если есть разумныя силы—святъ и святъ сѣмена вѣры, правды и добра, которыми столько вѣковъ питался православный Русскій народъ и выросъ въ міровую семью, имѣющую во главѣ своей не только самодержавнаго вождя, но и отца. Таковъ завѣтъ всей прожитой Русскимъ народомъ многовѣковой жизни. Помнить мы должны, если хотимъ добра родной землѣ, что и „лѣнивыхъ рабовъ“ очищаетъ тотъ же судъ совѣсти, отчизны и верховнаго Судіи Бога, какъ и святелей терній и волчцовъ. Не знаемъ, что ожидаетъ Чернышевскихъ; но лѣнивыхъ рабовъ, по словамъ Небесной Истины,—„тьма крошечная“.

Ив. Палимсестовъ.

Февраля 24-го 1890 г.
Москва.

*) С.-Петербургской.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

1712 годъ не былъ счастливымъ годомъ для нашего отечества. Такъ называемый Прутскій походъ не удался, и эта неудача имѣла ближайшимъ слѣдствіемъ то, что Петръ пріостановилъ предпріятія на Востокъ, обративъ свои мысли и работы къ укрѣпленію нашего значенія на Сѣверѣ. Во время Прутскаго похода нашимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ былъ комнатный стольникъ П. А. Толстой, тотъ самый, котораго путевыя записки по Италіи напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1888 года.

Со всѣмъ персоналомъ посольства онъ былъ сажаемъ въ *Едикуле* (Семибашенный замокъ) на берегу Мраморнаго моря и такъ называемыхъ золотыхъ воротъ. Въ числѣ «заключенныхъ» находился и «капелланъ», посольскій священникъ Андрей Игнатьевъ, описавшій свою поѣздку въ Іерусалимъ. Слѣдовательно онъ могъ описать и *троскратное* заключеніе посла и его свиты въ Едикуле, а можетъ быть и сдѣлать это; но записки его не дошли до насъ. Тѣмъ интереснѣе сохранить и то малое, что случайно нашлось записаннымъ на память однимъ изъ *очевидцевъ*.

Намъ попалась рукопись: «Краткій Лѣтописецъ», по всѣмъ примѣтамъ принадлежавшая въ началѣ XVIII вѣка упомянутому выше «капеллану» Андрею Игнатьеву. Запись въ ней гласитъ слѣдующее: «1712 г. Марта 14 дня въ началѣ бысть трясеніе земли въ Царьградѣ таковое, отъ него же на многихъ мѣстахъ скрушавшася стѣны каменнаго зданія, въ великій постъ, въ пятокъ второй недѣли, токмо начахомъ пѣти псаломъ: «благослови душе моя Господа» идѣже есть написано: «призирай на землю и творий ю трястися». Мы же бѣхомъ съ оное время съ превосходительнѣйшимъ господиномъ посломъ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ у Турокъ въ Едикуле, въ исходѣ шестнадцатаго мѣсяца, отнелъ же посажены бѣхомъ въ ню. А отъ онаго крѣпкаго трясенія земли и отъ трескновенія храмовъ, едва возмогахомъ убѣжати, не дочитавъ онаго псалма. Потомъ мало погодя, въ другой разъ потрясеса мало».

«Въ 15-й день (Марта), въ 4 часу въ началѣ, паки мало что легче вышеписаннаго перваго восколебанія. Воистину ужасъ бѣ видѣти оное колебаніе. Человѣцы, которые бяху на земли, не можаху кто устояти о себѣ, яко на мори въ колеблющемся суднѣ».

(Сообщилъ о. архимандритъ Леонидъ).

ПИСЬМО КНЯЗЯ КУТУЗОВА КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРИИ ѲЕОДОРОВНѢ.
(1812)

Всемилоствѣйшая Государыня.

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества рескриптъ отъ 15-го Августа имѣлъ я счастье получить, и всѣ письма при ономъ препровожденные доставилъ немедленно къ тѣмъ особамъ, къ которымъ угодно было Вашему Величеству адресовать. Участіе, которое Вы изволите принимать въ жребіи господина Адлерберга *), служащаго лейб-гвардіи въ Литовскомъ полку, изъ уваженія къ особеннымъ достоинствамъ матери его, обязываетъ меня имѣть о немъ особенное попеченіе, и я надѣюсь, что онъ вскорѣ доставитъ мнѣ случай быть ему полезнымъ. Чувствительнѣйше признателенъ я также Вашему Величеству за столь лестныя на мой счетъ выраженія. Цѣль желаній моихъ будетъ всегда заслуживать Всемилоствѣйшее Ваше ко мнѣ благоволеніе.

Всемилоствѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій «Князь Михаилъ Голенищевъ-Кутузовъ».

Августа 28 дня 1812 года
при Можайскѣ.

(Сообщилъ Е. С. Шумигорскій).

*) Впоследствии министра императорскаго двора, графа Владимира Ѳеодоровича, тогда только что выпущеннаго изъ Пажескаго Корпуса вѣсть съ товарищемъ своимъ Пестелемъ. Мать его въ 1812 году была начальницей Смольнаго монастыря. П. Б.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Въ статьѣ „Повѣсть о судѣ Шемяки“, напечатанной въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1890 годъ № 1, стр. 102—114, помѣщено переложеніе „Суда Шемяки“ К. Н. Льдова.

По поводу этого переложенія въ означенной статьѣ, между прочимъ, говорится: „Въ 1794 году, въ Москвѣ, нѣкій А. О. (Оленинъ, по мнѣнію г. Сухомлинова) издалъ лубочное стихотворное переложеніе повѣсти (съ моральнымъ оттѣнкомъ), сдѣланное дубовыми виршами“. Вышеприведенное мнѣніе академика Сухомлинова раздѣляетъ и авторъ почтеннаго труда „Русскія народныя картинки“ Д. А. Ровинскій (т. IV, стр. 167).

Съ такимъ мнѣніемъ уважаемыхъ ученыхъ я имѣю основаніе не согласиться.

Въ моей библіотекѣ находится та самая книга, сочиненіе которой приписывается А. Оленину. Книга эта по моему экземпляру уже описана нашимъ извѣстнымъ библіографомъ Н. В. Губерти (т. II, стр. 74). Она носитъ слѣдующее заглавіе:

Судъ
Шемякинъ,
съ изображеніемъ дѣйствующихъ
лицъ и съ приобщеніемъ правоучи-
тельныхъ басенъ.

Изд. А. Осипова.

Москва,

1794.

Итакъ, изъ заглавнаго листа „Суда Шемяки“ видно, что онъ изданъ А. Осиповымъ. Вслѣдъ за заглавнымъ листомъ помѣщено слѣдующее предисловіе: „Стихи по нынѣшнему употребленію представляютъ старинную повѣсть Шемякина Суда, который рѣдокъ стариною своею; онъ извѣстенъ былъ до временъ сочиненія Уложенія, ибо на Спаскомъ мосту въ Москвѣ еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ продавался тогдашняго стиля виршами и съ картинами; уповательно, что онъ забавнымъ своимъ происшествіемъ царскому двору былъ извѣстенъ и въ младенчествѣ законодавцу Соборнаго Уложенія служилъ увеселеніемъ, а въ народѣ, какъ въ тѣ времена, такъ и нынѣ, весьма употребительнымъ. За излишне почитаю представить пользу сей книги, а только то могу сказать, что желаніе мое безконечно, чтобъ всякой читатель въ скучное время нашелъ свое удовольствіе какъ въ стихахъ и въ представленныхъ изображеніяхъ, кои я самъ рисовалъ и гравировалъ. А. О.“

Итакъ, изъ вышеприведеннаго предисловія видно, что изображеніе, помѣщенное въ книгѣ, рисовалъ и гравировалъ А. О. Очевидно, что эти инициалы того же лица, о которомъ упомянуто на заглавномъ листѣ книги, то-есть А. Осиповъ.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что издателемъ книги «Судъ Шемякинъ», напечатанной въ 1794 г., рисовальщикомъ и граверомъ помѣщенныхъ въ ней изображеній былъ одно и то же лицо—А. Осиповъ.

Вотъ и все, что только можно вывести изъ данныхъ, представляемыхъ заглавнымъ листомъ описываемой книги и предисловіемъ. Но эти данныя рѣшительно не даютъ никакого основанія относить стихи о «Судѣ Шемяки», помѣщенные въ изданіи 1794 года, А. Оленину, какъ то предполагаютъ гг. Сухомлиновъ и Ровинскій.

Въ числѣ писателей дѣйствительно есть А. Оленинъ; но А. Оленинъ есть никто иной какъ Алексѣй Николаевичъ — директоръ Императорской Публичной Библіотеки и президентъ Императорской Академіи Художествъ, извѣстный любитель искусствъ и археологъ. Всѣ печатные труды его касались только археологій и искусствъ, и труды его издавались только въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ, въ которой изданъ «Судъ Шемякинъ» въ 1794 году.

Что же касается А. Осипова, издаваемаго въ 1794 г. «Судъ Шемякинъ», то онъ, учившись рисовать у И. Кинеля и гравировать у Соколова, былъ трудолюбивымъ граверомъ и оставилъ послѣ себя многое число гравюръ, которыя именованы К. Тромонинымъ въ «Очеркахъ съ лучшихъ произведеній живописи, гравирования, ваянія и зодчества», изданныхъ въ 1839 г., т. I, стр. 107—110, и Д. А. Ровинскимъ въ подробномъ словарѣ Русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. IV, стр. 716 и 717. Картинки, помѣщенные въ «Судѣ Шемякинѣ», награвированы Осиповымъ, когда ему было только 14 лѣтъ; онъ родился, по удостовѣренію Д. А. Ровинскаго, въ 1770 г. и, вѣроятно, эти картинки суть первыя его произведенія.

Иду далѣе. На основаніи данныхъ, имѣющихся у меня, я долженъ удостовѣрить, что стихи о судѣ Шемяки, напечатанные въ изданіи 1794 года, были напечатаны въ первый разъ въ 1780 году.

Въ моей библіотекѣ имѣется и сіе первое изданіе. Заглавіе его слѣдующее:

Судъ

Шемякинъ.

Печатано въ Санктпетербургѣ.

1780 года.

Это первое изданіе Суда Шемяки описано Сопиковымъ подъ № 11595, Плавильщиковымъ подъ № 5155 и Смирдинымъ подъ № 6818.

Чтобы не быть голословнымъ въ удостовѣреніи того, что стихи, помѣщенные въ изданіи «Суда Шемяки» 1794 г., есть почти буквальная перепечатка съ изданія 1780 г., я приведу здѣсь нѣсколько стиховъ изъ начала и конца того и другаго изданія:

Начало изъ изданія 1794 года.

Утробою одной два брата рождены,
 Но счастьемъ лишь они неравнымъ снабдѣны;
 Въ довольствѣ одному жить вѣкъ судьба судила,
 Но игомъ бѣдности другаго тяготила.
 Погрѣться бѣдненькой зимою захотѣлъ,
 Возъ дровъ къ себѣ тащилъ и жестоко потѣлъ;
 Изъ силы выбившись онъ къ брату потащился,
 Смиренно богачу бѣдняга поклонился;
 Лошадки съ хомутомъ онъ просить у него
 И милости сей ждетъ отъ брата своего.

Начало изъ изданія 1780 года.

Утробою одной два брата рождены,
 Но счастьемъ лишь они неравнымъ снабдены;
 Въ довольствѣ одному жить вѣкъ судьба судила,
 Но игомъ бѣдности другаго тяготила.
 Погрѣться бѣдненькой зимою захотѣлъ,
 Возъ дровъ къ себѣ тащилъ и жестоко потѣлъ;
 Изъ силы выбившись, онъ къ брату потащился,
 Смиренно богачу бѣдняга поклонился;
 Лошадки съ хомутомъ онъ просить у него
 И милости сей ждетъ у брата своего.

Конецъ изъ изданія 1794 года.

Услышавъ то судья, свой лобъ перекрестилъ,
 Въ судейскихъ что грѣхахъ онъ духъ не испустилъ.
 Каковъ ни есть сей судъ, мнѣ мнится быть полезень:
 Имъ нищій сталъ богатъ, богатый же не бѣденъ.

Конецъ изъ изданія 1780 года.

Услышавъ то Судья, свой лобъ перекрестилъ,
 Въ судейскихъ что грѣхахъ онъ духъ не испустилъ.
 Каковъ ни есть сей судъ, мнѣ мнится быть полезень:
 Имъ нищій сталъ богатъ, богатый сталъ не бѣденъ.

Смирдинъ (или вѣрнѣе сказать Анастасевичъ, такъ какъ онъ составилъ Смирдинскую роспись книгамъ) относитъ „Судъ Шемякинъ“, изд. 1780 г. къ сочиненію Федора Задубскаго. Но такое указаніе я также признаю невѣрнымъ.

Ошибочное указаніе Смирдина вѣроятно основано на томъ, что подъ гравюрой, изображающей „Судъ Шемякинъ“ есть надпись: „Изобразилъ Федоръ Задубской, Антикъ Гетруской“. Но если сообразить эту надпись съ предисловіемъ, которое помѣщено въ описываемомъ мною изданіи „Суда Шемяки“, то не представится основанія согласиться съ мнѣніемъ Смирди-

на. Предисловіе слѣдующее: „Стихи по нынѣшнему употребленію представляютъ старинную повѣсть Шемякина Суда, которой рѣдокъ стариною своею, что до временъ сочиненія Уложения былъ извѣстенъ, потому что на Спаскомъ мосту въ Москвѣ еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ продавался тогдашняго штиля виршами и съ рисунками, которой въ чаяніи и двору царскому быть могъ извѣстнымъ. То мыслить можно, что Законодавцу, Сочинителю Соборнаго Уложения, въ младенчествѣ забавнымъ своимъ происшествіемъ былъ увеселеніемъ, а въ народѣ весьма употребляемъ забавнымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ родился 1629 года, сдѣлалъ Соборное Уложеніе, котораго закона ненарушимая святость рожденною 1729 года премудрою Монархиною утверждается и прославляется, и коль премудро, что не разрушеніемъ стараго повые свои законы поставляетъ, но истинное свое понятіе влагаетъ своимъ попеченіемъ о блаженствѣ подданныхъ; челоуколюбіе и правосудіе соединяя, дѣлаетъ жизнь каждаго подданнаго усладительною въ несеніи всякаго званія, и тѣмъ подаетъ вездѣ выгоды; а они производятъ сущую отраду, гдѣ увеселенія и забавы въ препровожденіи каждой имѣетъ, и въ такомъ случаѣ довольно есть время желающему позабавиться сими стихами и предложеннымъ сначала изображеніемъ, которое я самъ рисовалъ и гридировалъ. Ѳ. З.“

Изъ надписи подъ гравюрой и изъ приведеннаго предисловія только и можно вывести заключеніе, что изображеніе помѣщенное въ описываемой мною книжкѣ рисовалъ и гравировалъ Ѳеодоръ Задубскій.

Если бы тотъ же Задубскій былъ и сочинителемъ стиховъ, то, конечно, онъ въ своемъ предисловіи болѣе нашелъ бы нужнымъ сказать объ этомъ, нежели о картинкѣ, которая помѣщена въ изданіи, такъ какъ картинки въ сочиненіяхъ имѣютъ меньшее, нежели самое сочиненіе, такъ сказать, служебное значеніе.

Къ этимъ простымъ соображеніямъ слѣдуетъ прибавить еще и то, что въ числѣ писателей Ѳеодоръ Задубскій не значится; объ семъ лицѣ нѣтъ указаній, а о томъ, что онъ былъ граверомъ—это извѣстно: онъ еще въ 1756 году награвировалъ фейерверкъ, сожженный по случаю тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны. Объ этомъ есть указаніе въ сочиненіи Д. А. Ровинскаго „Русскіе граверы и ихъ произведенія“, стр. 191.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго слѣдуетъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что стихи, помѣщенные въ „Судѣ Шемякинѣ“, изданномъ въ 1794 г., не принадлежатъ, вопреки мнѣніямъ гг. Сухомлинова и Д. А. Ровинскаго, А. Оленину, 2) что стихи, помѣщенные въ означенномъ изданіи, есть буквальная перепечатка съ изданія 1780 года; 3) что стихи, помѣщенные въ изданіи 1780 г., не принадлежатъ, вопреки указанію Смирдина, Ѳ. Задубскому и 4) что, слѣдовательно, авторъ стиховъ, помѣщенныхъ въ „Судѣ Шемякинѣ“, изданномъ въ 1780 и 1794 годахъ—неизвѣстенъ, и вопросъ объ этомъ остается открытымъ.

Тула. 1890.

И. Остроглазовъ.

О РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ ПѢНІИ.

Слѣдующая за этимъ предисловіемъ замѣтка была написана въ 1878 году, чтобы привести въ порядокъ разныя соображенія о нашей народной пѣснѣ по поводу споровъ о ней послѣ Русскихъ концертовъ на Парижской выставкѣ ¹⁾. На этотъ вопросъ у насъ немногими обращается вниманія, не смотря на требованія, которыя постоянно и теперь возбуждаются о правильномъ устройствѣ нашихъ школъ, о возстановленіи при этомъ нашего церковнаго и вообще народнаго пѣнія и т. п. Вотъ почему полезно, кажется, было бы подумать, что этотъ вопросъ имѣетъ не одну музыкальную сторону, для инструментовъ или голосовъ, но что онъ тѣсно связанъ съ выраженіемъ нашего языка, а это касается многого. Напр. прежде учились молитвамъ, когда слушали наше обиходное церковное пѣніе отъ причта; а теперь, у пѣвчихъ, нельзя и понять, что они поютъ, несмотря на хорошее исполненіе и такихъ сочинителей, какъ напр. Бортнянскій. И это оттого, что наука не образовательно у насъ слуха, чтобы объяснить природную музыкальную сторону нашего языка, и вотъ почему теперь коренной Русской человѣкъ не можетъ понять, что говорятъ, поютъ и пишутъ, образованные нашими школами Русскіе люди. Мы доверяемъ Европейскимъ способамъ воспитанія, а что главный способъ разумѣнія есть свой природный языкъ, объ этомъ мы совсѣмъ забыли. Несмотря на то, что мы имѣемъ въ нашихъ потныхъ церковныхъ книгахъ ²⁾ усвоенную уже нашему языку древнюю Греческую науку, образцы высокаго музыкальнаго краснорѣчія, а въ народѣ жива того же музыкальнаго закона многоголосная пѣсня ³⁾, чего и древній міръ намъ не оставилъ: мы ищемъ не объясненія нашей природы, а какихъ-то другихъ для нея основаній въ иностранныхъ понятіяхъ классицизма, реализма, контрапункта и т. п.

Въ послѣднее время было немало споровъ о Русской музыкѣ по поводу выставки въ Парижѣ, и общій вопросъ вышелъ, кажется, такой: какими музыкальными сочиненіями мы можемъ заявить нашу народную музыку? Въ этомъ дѣлѣ мнѣнія музыкальных кружковъ, безъ сомнѣнія, очень важны; но можетъ быть не будетъ бесполезенъ взглядъ и съ другой стороны, именно со стороны народной практики.

¹⁾ Ближайшая цѣль была посредствомъ записи многоголосной Русской пѣсни привести въ извѣстность законы нашего народнаго пѣнія.

²⁾ Изданіе Св. Синода 1777 г.

³⁾ Точная записъ ея (Сборникъ Мельгунова 1879 г.) ясно показываетъ этотъ законъ.

Нѣтъ, кажется, сомнѣнія что нашу пѣсню вѣрнѣе всѣхъ другихъ сочинителей понялъ и передалъ Глинка. Его сочиненія и духовныя Львова, Бортнянскаго и частію ихъ послѣдователей, конечно, лучшее, что мы могли отъ себя поставить на выставку. Теперь своевременно обсудить: вполнѣ ли наши сочинители выразили и выражаютъ свою народную пѣсню и чего намъ остается еще желать?

Чтобы понятнѣе отвѣчать на этотъ вопросъ, умѣстно вспомнить о развитіи народнаго склада въ нашемъ литературномъ стихосложеніи. Это вѣдь тоже развитіе слуха, какъ и въ музыкѣ и, если мы сравнимъ успѣхи стихосложенія въ этомъ развитіи съ такими же успѣхами музыки, тогда и виднѣе будетъ, чего мы можемъ желать.

Дѣло представляется такимъ образомъ. Наша музыка и стихотворенія (письменныя, а не изустныя народныя) шли по одной дорогѣ, брали готовые рамки отъ западной науки и въ нихъ старались укладывать свою пѣсню. Обѣ поняли неудобность этихъ рамокъ и по немногу начали изучать свой складъ пѣсни. По настоящее время литература хоть и мала, но имѣетъ произведенія, написанныя народнымъ языкомъ: пѣсню о купцѣ Калашниковѣ Лермонтова и другія въ этомъ родѣ у Кольцова, графа А. Толстаго и проч. всякой крестьянинъ пойметъ. О музыкѣ этого сказать нельзя: то что мы слышимъ до сихъ изъ написаннаго никакой простой Русской человѣкъ не признаетъ за свою пѣсню; развѣ только мѣстами покажется похожа, да и это сходство теряется на Итальянской манерѣ исполненія. Самъ Глинка, какъ извѣстно ¹⁾ былъ недоволенъ итальянщиной въ «Жизни за Царя», а народнѣе этого произведенія, да оперетки Верстовскаго «Аскольдова Могилъ» (тоже съ итальянщиной, но замѣчательной по музыкальному выраженію слова) мы и до сихъ поръ ничего не имѣемъ. Въ церковной сочиненной музыкѣ мы еще меньше слышимъ народнаго, чѣмъ въ свѣтской.

Сравненіе это можетъ показаться неправильнымъ, потому что передать народное слово легче, чѣмъ многоголосную пѣсню. Это можетъ быть и справедливо; но повидимому стихъ и музыкальное выраженіе его должны бы идти рука въ руку. Насколько литература ушла отъ музыки въ дѣлѣ самопознанія, это видно при сравненіи сборниковъ пѣсенъ той и другой. Литературные сборники даютъ полное понятіе о неиспорченной народной рѣчи нашей, а въ лучшемъ изъ музы-

¹⁾ Записки Ростислава (Толстаго).

кальныхъ сборниковъ ²⁾ вѣрно записанныя пѣсни перепорчены сочиненной гармонизаціей, и въ большинствѣ они даютъ только дурное понятіе о Русской пѣснѣ. Чтобы еще ближе сдѣлать это сравненіе, нужно посмотреть гармонизацію къ напѣвамъ духовныхъ стиховъ (Калѣки Перехожіе). Стихи и напѣвы ихъ (не говоря о списанныхъ) переданы такъ, какъ ихъ говорить и поетъ народъ, а гармонія къ напѣвамъ, придѣланная музыкальной наукой, это уже совсѣмъ другое: эта наука даже и нѣкоторые напѣвы *исправила* сообразно своимъ законамъ. Исключеніе можно сдѣлать для гармоніи князя Одоевскаго и въ церковномъ пѣніи для Н. М. Потулова, близкихъ къ правдѣ; но имъ-то и не видно подражателей. Видно, напротивъ, въ новѣйшихъ сборникахъ нѣсколько шаговъ назадъ отъ нихъ ³⁾.

Какая же причина, что мы не можемъ понять своей пѣсни и не слышимъ въ прибавляемыхъ къ ней голосахъ самыхъ рѣзкихъ несвойственныхъ ей звуковъ? Винить въ этомъ нашихъ безспорно талантливыхъ композиторовъ, которые трудятся для ея разработки, было бы несправедливо; да отчасти тутъ причиной и выборъ полурусскихъ стиховъ для Русской музыки. Но воспитаніе слуха винить слѣдуетъ. Князь Одоевскій писалъ: «повторяю и не перестану повторять, что «совершенная гибель для нашей народной мелодіи—вторженіе въ нашу «среду новой Итальянской музыки» ⁴⁾. Тоже, разумѣется, можно сказать и о гармоніи; и замѣнимъ ли мы итальянщину «Вагнеромъ или кѣмъ другимъ, это все равно.

При этомъ долженъ быть поставленъ другой вопросъ: вѣрны ли употребляемые для Русской музыки гармоническіе законы? На это могутъ отвѣчать тѣ, кто слышалъ неисторченный хоръ и ту же пѣсню у пѣвчихъ, какъ это дѣлалъ бывшій директоръ придворной капеллы А. Θ. Львовъ. Онъ (въ своемъ сочиненіи о ритмѣ) отдаетъ преимущество неученымъ пѣсенникамъ предъ учеными, и въ справедливости этого мнѣнія и теперь можетъ всякій убѣдиться. Что наука, удаляясь отъ природы, часто заблуждается, это всякому извѣстно; стоитъ при этомъ указать на статью проф. Вестфала о Русскихъ глаголахъ, что близко къ нашему вопросу (Русск. Вѣстн. 1876, № 10). И изслѣдованіе живой гармоніи нашихъ пѣсней въ сравненіи съ сочиненной ясно показываетъ на разницу ихъ законовъ; а между тѣмъ нельзя отвергать справедливости замѣчанія, что, «если гармонія основана на зако-

²⁾ Балакирева.

³⁾ Напр. въ Сборникѣ Римскаго-Корсакова.

⁴⁾ „Русскій Архивъ“ 1863.

нахъ природы, то и правила для положенія ея на бумагу должны быть общими для всѣхъ родовъ музыки» (Львовъ о ритмѣ). И въ наукѣ, видимо, нѣтъ вѣры въ свои законы: одни и тѣже пѣсни она гармонизируетъ разнообразно, и одно съ другимъ не сходится; а природный законъ давно стоитъ непоколебимо. Хотя къ пѣснямъ прибавляются и разные подголоски множествомъ народа и изъ разныхъ, далекихъ одно отъ другаго мѣстъ, а все вмѣстѣ выходитъ складно и вѣрно.

Почему же мы не принимаемъ въ основаніе науки природный законъ, существующій у насъ, а слѣдуемъ тѣмъ, которые искажаютъ нашу пѣсню?

Тутъ встрѣчается непонятное, повидимому, положеніе дѣла. Руководящей наукѣ наши природные законы неизвѣстны. Это видно изъ всей напечатанной до сихъ поръ Русской музыки, и это же подтверждаютъ высказанія по поводу концертовъ на Парижской выставкѣ серьезныя убѣжденія въ вѣрности принятыхъ наукой правилъ и въ невозможности новыхъ. Безъ сомнѣнія справедливо, что новыхъ правилъ, помимо естественныхъ, быть не можетъ; но въ убѣжденіи музыкальной науки, вѣроятно, есть недоразумѣніе въ томъ, что она считаетъ принятыя ею правила старыми, естественными, между тѣмъ какъ очевидно, при сравненіи ихъ съ природными, что они новыя (хоть можетъ быть и давнишнія) и испорченныя. Вотъ поэтому-то испортили и продолжаютъ портить нашу пѣсню. Отъ какихъ историческихъ причинъ зашла къ намъ эта порча, объ этомъ есть уже въ литературѣ изслѣдованіе: «Калѣки Перехожіе», въ 4-мъ выпускѣ, въ связи съ изслѣдованіемъ духовныхъ стиховъ, между прочимъ о псалмахъ и кантахъ. Правда, князь Одоевскій трудился и писалъ о возстановленіи нашей исконной пѣсни и, кажется, не такъ давно устранивалось для этого общество стараніями собирателей нашей старины; но въ спорахъ о Русской музыкѣ и имени ихъ не встрѣчается. Не встрѣчается также имени и А. О. Львова, который еще 20 лѣтъ назадъ сомнѣвался въ законности принятыхъ музыкой правилъ (хотя и не рѣшился признать ихъ невѣрными, покоряясь, вѣроятно, понятію своего времени). Вотъ его слова (соч. о ритмѣ): «Не сопровождаемъ ли мы наши напѣвы гармонією, законы которой мы изучили и идея которой утвердилась въ нашемъ представленіи лишь вслѣдствіе усилій нашихъ наставниковъ?»

Сомнѣніе это нельзя назвать неосновательнымъ: стоитъ только прослѣдить дѣйствіе школьной практики на природныхъ пѣвцовъ, чтобы убѣдиться, что никто другой, какъ эта школьная практика и испортила

нашъ слухъ. Мы слышимъ, какъ поетъ нашъ неученый народъ, безъ приготовленія, хоромъ, мѣняетъ выраженіе словъ и общую гармонію, каждый по своему вдохновенію, не нарушая этимъ склада пѣсни, и легко убѣдиться, что такъ пѣть въ настоящее время никакой ученый хоръ не можетъ. Не можетъ потому, что привыкъ выпѣвать ноты, а не слова, не разсказъ; оттого, что запутали свой слухъ чужимъ напѣвомъ и складомъ, сравнительно мелкимъ и невѣрнымъ въ примѣненіи къ нашей, да по всей вѣроятности ко всякой природной пѣснѣ. И вотъ почему для слуха самыхъ талантливыхъ исполнителей и сочинителей, которые прошли школьную науку, становится не подъ силу эта наша «несущаяся во всю длину и ширину свою отъ моря до моря Русская пѣсня» ¹⁾. «Такимъ чернымъ волшебствомъ, говоритъ Грибоѣдовъ, мы стали чужими между своими» ²⁾.

А между тѣмъ наши ученые музыканты больше или меньше понимаютъ силу и значеніе этой пѣсни, и нѣтъ сомнѣнія въ желаніи образованныхъ и серьезныхъ людей возстановить нашу исконную Русскую музыку. Это показываютъ и сборники Русскихъ пѣсень, и новыя Русскія оперы, и даже споры о выставкѣ. Но они же показываютъ, что мы все еще не освободились отъ вѣры въ непогрѣшимость музыкальныхъ законовъ Запада, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, еще до установленія этихъ законовъ, потерялъ возможность провѣрить ихъ съ природою; показываютъ и на «чужеземствованіе наше въ землѣ своей» ³⁾: потому что мы не замѣчаемъ у насъ того, что и западная музыка не откажется принять за основаніе, именно естественный законъ для одиночнаго и многоголоснаго пѣнія. Что онъ у насъ есть, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія для близко знающихъ нашу пѣсню. Не говоримъ уже о необходимости этого закона для музыкальной науки вообще, и на сколько необходимы для насъ его знаніе и практика на его основаніяхъ, это можно сообразить изъ того, что законъ этотъ, помогая намъ вѣрно понять чувство нашей народной жизни, которая выражается въ нашихъ пѣсняхъ, даетъ возможность оцѣнить и разработать и тѣ нетронутыя музыкальной наукой богатства, которыя сохранила наша церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ; онѣ основаны на тѣхъ же естественныхъ законахъ, которыми держится строй нашей народной пѣсни. Безспорная древность этихъ пѣснопѣній видна и въ единствѣ ихъ музыкальнаго основанія съ народнымъ преданіемъ. Вѣроятно это были законы древней Греческой

¹⁾ Гоголь, Мертвыя Души.

²⁾ О хороводной пѣснѣ.

³⁾ Гоголь, Переписка съ друзьями.

вѣрной музыкальной науки, сохраненной нашей церковью и народомъ (но не свѣтскими школами) и едва ли не вездѣ потерянной. Отцы церкви, установившіе эти пѣснопѣнія, видимо, знали эти законы и знали ихъ въ связи съ законами словесности. Важность этого признаетъ и современная наука, соединивши языковѣдѣніе съ музыкой⁴⁾, и нѣтъ сомнѣнія, что безъ знанія и неуклоннаго исполненія этихъ законовъ мы не можемъ ни понять, ни оцѣнить, ни передать нашей пѣсни, ея смысла и чувства и той простоты величія, которое имѣетъ въ себѣ наше церковное пѣніе.

Западная наука не вѣритъ въ свои музыкальные законы и сама ищетъ для нихъ старыхъ, природныхъ основаній; слѣдовательно дальше разработки механическихъ подробностей съ ней идти некуда. Основнаго закона она, вѣроятно, не ошибется, если будетъ искать у насъ. Мы владѣемъ коренными его началами, и какого развитія музыки можно намъ при этомъ желать, это очевидно для всякаго, какъ очевидно должно быть и то, что представленіе себѣ «музыки будущаго», завезенное къ намъ съ Запада, есть ничто иное, какъ болѣзнь слуха. Вотъ отъ этой болѣзни и можетъ избавить насъ наша школа, если сдѣлается вполне Русскою, и тогда, конечно, она будетъ имѣть право на благодарность своего народа и уваженіе чужихъ.

Для заключенія можно привести слова Карамзина: «Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Есть всему предѣлъ и мѣра. Какъ человѣкъ, такъ и народъ, начинаетъ подражаніемъ; хорошо и должно учиться, но горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ».

Карлъ Шапошниковъ.

⁴⁾ Напр. изданіе Р. Вестфала и Ю. Мельгунова (1878) фугъ Баха, которыя, вѣстать сказать, могутъ служить дорогой къ правдѣ для потерявшихъ ее и образцомъ того, какъ замѣчательный сочинитель старался къ ней приблизиться, но никакъ не руководствомъ къ знанію основательной музыки для тѣхъ, кто имѣетъ для этого чистый и богатый свой природный источникъ.

О С Л О В Ъ К О П Е Й К А.

Въ Мартовской книжкѣ «Р. Архива» авторъ статьи: «Какъ писать копѣйка или копейка», говоритъ, что, основываясь на указаніяхъ и одобреніи своего профессора, Д. И. Мейера, пришелъ онъ къ убѣжденію, что слова копейка слѣдуетъ производить отъ *копья*, такъ какъ изображеніе всадника съ *копьемъ* встрѣчается на многихъ изъ нашихъ древнихъ монетъ *). Затѣмъ авторъ ссылается на Герберштейна, который повѣствуетъ, что съ того времени, какъ обрѣзанныя деньги были изъяты изъ употребленія, «начали тѣ деньги называться копѣйными».

Нимало не сомнѣваясь въ существованіи приведеннаго названія, позволю себѣ замѣтить, что изъ того обстоятельства, что изображеніе *копья* уничтожалось вслѣдствіе обрѣзки монеты (таковыя находятся въ моей коллекціи) еще никакъ не слѣдуетъ заключать, что слово *копейка* должно было производить отъ *копья*. Если монета получила свое прозваніе отъ находящагося на ней изображенія, то позволено спросить: на какомъ основаніи это названіе приурочено именно къ едва замѣтному знаку копья, а не къ болѣе бросающейся въ глаза фигурѣ коня? По аналогіи гораздо естественнѣе было бы назвать монету съ изображеніемъ всадника (Св. Георгія Побѣдоносца) конкой, лошадкой, а не копейкой.

Мнѣ думается, что происхожденіе слова *копейка* или *копѣйка* слѣдуетъ искать нѣсколько далѣе, именно на Востокъ, откуда немало словъ перешло въ Русскій языкъ. Мнѣніе свое утверждаю я на авторитетѣ извѣстнаго оріенталиста, профессора С.-Петербургскаго университета (1835—1863) А. О. Мухлинскаго, отличнаго знатока восточныхъ нарѣчій. Онъ утверждалъ, что слово *копейка* происходитъ отъ Татарскаго (Тюркскаго) слова *копека*, *капека*, что означаетъ «собака», такъ какъ

*) Нѣсколько серебряныхъ копеекъ съ такимъ всадникомъ царствованія Петра I-го находится у меня въ собраніи монетъ. А. Ч.

на Татарскихъ монетахъ находилось изображеніе бѣгущей собаки: аллегорическое указаніе на назначеніе денежныхъ знаковъ переходить изъ рукъ въ руки (*la monnaie courante*). Находимыя у насъ въ большомъ количествѣ древнія Арабскія монеты не свидѣтельствуютъ ли о томъ, что первыя металлическія деньги на Руси были происхожденія восточнаго и что самое слово копейка принесено къ намъ было съ Монгольскимъ нашествіемъ, если еще не ранѣе?

Вѣроятно также слово *денги* происхожденія восточнаго. По крайней мѣрѣ на Персидскомъ языкѣ деньги—тэнгэ.

Во всякомъ случаѣ очевидно, что споръ о происхожденіи слова копейка можетъ быть рѣшенъ лишь съ помощью хорошихъ знатоковъ восточныхъ языковъ. Вообще нужно замѣтить, что безъ хорошаго знакомства съ исторіей и языками какъ Востока, такъ и Скандинавскаго Сѣвера многое въ нашей исторіи и языкѣ останется неразъясненнымъ.

Ревель. 1890.

А. Чумиковъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1890 ГОДА.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).

Стр.

5. Государыня-публицистъ. (Журнальная дѣятельность императрицы Екатерины Великой). Статья Е. С. Шумигорскаго.
- Капище моего сердца. Сочиненіе князя И. М. Долгорукова (А—М). Въ приложеніи (съ особымъ счетомъ страницъ).
- 59 и 366. Воспоминанія Матвѣя Матвѣевича Муромцова. 1812-й годъ.—Рана.—Въ Вѣнѣ и Баденѣ.—Кульмъ и Лейпцигъ.—Жизнь въ Парижѣ.—Женитьба.—Пятигорскъ.—К. Н. Батюшковъ.—Служба вице-губернаторомъ.—Назначеніе въ Симферополь).
570. Письмо князя М. Л. Еутузова къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ (1812).
473. Изъ воспоминаній графа Ротенштрука (Герцогъ Ришелье. — Путешествіе М. А. Нарышкиной по Югу Россіи.—Березина. — 1812. Вильна. — Походы 1813 года.—Моро.—Посылка къ Бернадоту.—Близость къ Александру Павловичу).
82. Донской атаманъ графъ Платовъ лейбъ-медику Вилъе (1814).
395. Изъ Записокъ Ѳ. Я. Мирковича. (Царствованіе Павла.—Въ пажахъ.—Масонство въ Русскихъ полкахъ.—Рапный въ Рязани.—Въ Дунайскихъ княжествахъ.—Директоромъ втораго кадетскаго корпуса.—Николай Павло-

Стр.

- вичъ въ Теплицѣ.—Вилenskимъ военнымъ губернаторомъ.—Весѣды съ Николаемъ Павловичемъ.—Состояніе Сѣверо-западнаго края).
- 161, 329 и 441. Князь Воронцовъ и А. П. Ермоловъ. Ихъ переписка. 1845—1855 годы. („Сухарная экспедиція“. — Генералы Кюке, князь Аргутинскій.—Дѣйствіи Шамиля.—Полковникъ Копыевъ.—Открытіе каменнаго угля.—Салты.—Приемы управленія.—Борьба съ Шамилемъ.—Взятіе Гергебили. — Нестеровъ.—Поездка въ Варшаву и Петербургъ. — Слѣпцовъ. — Александръ Николаевичъ на Кавказѣ.—Изъ лагеря на Бѣлой.—Ссора Шамиля съ Хаджи-Муратомъ.—Гибель атамана Крюковскаго.—Титулъ свѣтлости.—Хаджи-Муратъ.—Даніель-бекъ.—Отзывъ о графѣ Закревскомъ.—Переселеніе горцевъ на плоскость.—Новыя дороги на Кавказѣ.—Передъ разрывомъ съ Турціей.—Старческое утомленіе.—Передъ отъѣздомъ съ Кавказа.—Выходъ изъ службы.—Рана сына).
- 83 и 215. Двѣнадцать лѣтъ молодости. Воспоминанія Г. Д. Щербачева. (Служба въ гвардейской конной артиллеріи.—Кадетскіе корпуса прежняго времени.—Старая Руса.—Маскарадъ въ Новгородѣ.—Первая любовь. — Жур-

Стр.

- налы стрѣльбѣ.—Товарищеское чувство.—Лагерь.—Травяное довольствіе.—Поединки.—Дисциплина.—Полковникъ Овсянниковъ.—Назначеніе полковымъ адъютантомъ.—Венгерскій походъ.—Исторія Шварца съ Левинымъ.—Севастополь.—Альминское сраженіе.—Боевыя ракеты.—Корниловъ.—Инкерманское сраженіе.—Бомбардированіе.—Контузіи.—Отъѣздъ въ Москву).
536. Давнія встрѣчи. Изъ воспоминаній А. Н. Андреева. (Бальзакъ.—Д. Т. Ленскій.—Актеръ А. М. Максимовъ.—Актеръ А. Е. Мартыновъ.—Императоръ Николай Павловичъ.—Н. Ф. Павловъ и Н. М. Пановскій.—Репанъ.—Графъ С. Г. Строгановъ и профессоръ Ваагенцъ.
131. Далекое прошлое (въ Динабургѣ). Изъ воспоминаній Теобальда.
501. Изъ воспоминаній В. Н. Чичерина. (Н. И. Кривцовъ.—Село Любичи.—Е. О. Кривцовъ.—Братья Баратынскіе.—Стихи Н. Ф. Павлова.—Князь Г. С. Голицынъ.—Политическія убѣжденія деревенскаго кружка.—Изъ писемъ Е. О. Кривцовой.—Старый помѣщичій бытъ.—Пониженіе общественнаго уровня.—Смѣшеніе понятій).
433. Письма А. С. Пушкина къ І. М. Пеньковскому.
325. Изъ рукописнаго стихотворнаго сборника (стихи К. С. Аксакова, Е. А. Баратынскаго, князя П. А. Вяземскаго, графа П. Х. Граббе, И. Нагибина, и неизвѣстнаго лица).

Стр.

139. Гоголь и Славянофилы. Статья Н. М. Павлова.
153. Письма К. С. Аксакова къ Гоголю.
285. Три письма Н. Ф. Павлова Н. В. Гоголю по поводу книги: „Переписка съ друзьями“.
316. Изъ бумагъ Н. П. Гилярова-Платонова: три его автобіографическія письма.
310. И. В. Росковшенко († 1889). Его некрологъ.
- 553 Н. Г. Чернышевскій. По воспоминаніямъ земляка, И. У. Палимсестова.
439. Куно-Фишеръ о сочиненіи Русской княгини.
568. Библиографическая замѣтка. I. Книга о судѣ Шемяки. И. М. Остроглазова.
440. Какъ писать слово „копейка“. Замѣтка И. С. Листовскаго.
581. Еще о словѣ „копейка“. А. А. Чумикова.
572. О Русскомъ народномъ пѣніи. К. К. Шапошникова.
526. Археологія и исторія въ произведеніяхъ повѣйшихъ писателей. (Могила князя-шута.—Князь М. А. Голицынъ.—Ссылка князей Голицыныхъ.—Изображеніе Іоанна Грознаго.—Значеніе Археологическаго Института). А. Н. Труворова.
569. Графъ П. А. Толстой. Замѣтка о архимандрита Леонида.
53. Братья графы Панины. Ихъ переписка 1755 года.

дѣлѣ моихъ, не зная, соответствуетъ ли правдивому и высокому характеру? Я о семъ въ тотъ же день узналъ, и съ тѣхъ поръ одинъ видъ Лобанова есть уже для меня самой непріятной предметъ.

Л о п у х и н а.

23-го Ноября. Анна Александровна, тетка моя двоюродная по отцѣ, вдова, урожденная княгиня Долгорукая. Бывши случайно въ Владимирѣ, когда я еще былъ женатъ на первой женѣ моей и только что вступилъ въ управленіе губерніи, она разсудила подарить меньшихъ дѣтей моихъ 300 рублей, которые, сколь ни уничижительно мнѣ было принять, но, уважая родство, которое ей давало на то право (тѣмъ болѣе, что ей, по должности моей, никакого до меня дѣла не было), я остался ей благодаренъ за сіе вниманіе и ласку къ моимъ ребятишкамъ. Кромѣ сего поступка я никакого ни близкаго знакомства, ни связи съ ней не имѣлъ, и мы, какъ до того были, такъ и послѣ, понынѣ остались другъ отъ друга очень далеки. Сей ничтожной подарокъ былъ какъ камень, брошенной мнѣ подъ ноги, о которой я споткнулся и крѣпко ушибся. 300 рублей эти мнѣ вѣчно будутъ памятны, по ихъ непредвидимымъ и ужаснымъ послѣдствіямъ. У Лопухиной былъ побочной братъ, Рукинъ, котораго она поручила въ покровительство мое и просила опредѣлить къ мѣсту. Старинная вражда между нашими стариками, дѣдомъ моимъ, умершимъ на плахѣ, и братомъ его роднымъ, отцомъ сей Лопухиной, вражда, которая не смягчилась и между потомками (ибо отецъ мой худо со всѣми съ ними былъ знакомъ), вражда, которою я самъ былъ налитанъ съ младенчества, не могла сдѣлать мнѣ пріятнымъ ни подарка Лопухиной, ни расположить меня къ охотнымъ ей и брату ея услугамъ. Но, будучи еще въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыя мы такъ легко обольщаемся героизмомъ великихъ подвиговъ, я почелъ себя въ обязанности за подарокъ Лопухиной стократъ больше ей отплатить, принудя себя, въ удовольствіе ея, сдѣлать добро сыну, или потомку, ненавистнаго мнѣ племени. Я опредѣлилъ сперва Рукина въ приставы, потомъ и въ полицеймейстеры. Онъ былъ

расторопень, но безъ поведенія; я никакихъ проступковъ его не смѣлъ наказывать съ надлежащей строгостью, боясь самъ себя; чтобъ, подъ предлогомъ правильнаго взысканія, не питать внутренняго расположенія къ мщенію и не ожесточаться по тому только, что онъ сынъ врага; и такъ старался, побуждая себя, снисходить ему. Побужденія мои, смѣю сказать, были чисты и благородны и текли изъ источника великодушнаго; но Рукинъ, худо образованной, воспользовался во зло себѣ моимъ снисхожденіемъ, попустилъ себя на разные безпорядки и довелъ участь свою до того, что его сослали въ Сибирь, а я, по фальшивому понятію о моихъ поступкахъ, въ правительствѣ былъ признанъ сообщникомъ въ его шалостяхъ и лишился службы. Вотъ что произвели 300 рублей, которые тетка, любя малолѣтнихъ ребятъ, бросила къ нимъ въ колыбель, и можетъ быть изъ одного чванства; а я, рабски покоряясь долгу благодарности, согрѣлъ, ради ея, змѣю за пазухой и былъ отъ нея жестоко уязвленъ. Не странной ли промыслъ рока? Изъ всѣхъ людей, кои именуются въ этомъ спискѣ, можетъ быть, ни одного лица нѣтъ, съ которымъ бы былъ я менѣе знакомъ, какъ съ этой теткой, и никто, однако, не сдѣлался для меня столь памятенъ по событіямъ, какъ она.

Л о п у х и н а.

30-го Апрѣля. Дарья Николаевна, родня моя по мужѣ. Она Павлова по себѣ, богатая наслѣдница и вышла за богатаго же брата моего внучатнаго, Лопухина, котораго я, будучи еще сущимъ ребенкомъ, лѣтъ пяти, вмѣстѣ съ сестрой его такимъ же младенцемъ, крестилъ, и потому жена его всегда шутила называла меня своимъ свекромъ. Говоря объ ней, ничего болѣе припомнить нельзя: дама умная, пышная, всегда хорошо съ нами обходилась, давала пиры и на всѣ насъ приглашала самымъ дружелюбнымъ родственнымъ образомъ; при помолвкѣ дочери моей подарила ей прекраснѣйшее блондовое платье, цѣнимое въ полторы тысячи рублей. Я всегда доволенъ былъ ея со мной обхожденіемъ; но значительнѣе того, что сказано выше, къ повѣсти моей объ ней прибавить

нечего, развѣ вспомнить, что я въ ея домѣ видалъ всякую недѣлю цѣлую зиму Персидскаго посла, которой, будучи въ Москвѣ, ѣзжалъ къ ней на балы и всемъ далъ разглядѣть свои ожерелья алмазныя и густую Азіятскую бороду.

Л о п у х и н а.

22-го Марта. Прасковья Ивановна, урожденная Левшина, милая и пригожая женщина. Я случайно съ ней ознакомился вотъ какъ и когда. Я служилъ въ гвардіи и жилъ при отцѣ своемъ въ Петербургѣ, матушка съ сестрами находилась въ Москвѣ. Однажды батюшка отпустилъ меня повидаться съ домашними: это былъ первой мой отпускъ въ гвардіи. Мнѣ приказано было непременно явиться къ сроку. Проведя зиму до весны дома, я собрался изъ Москвы за недѣлю до срока, съ тѣмъ, чтобъ порадовать батюшку моей исправностью. Приѣзжаю въ Тверь, останавливаюсь у старыхъ пріятелей моего отца, въ семействѣ Чириковыхъ, кои тамъ служили. Планъ мой былъ, повидавшись съ ними, провести вечеръ, отдохнувши въ ночь, очень рано съ утра пуститься въ остальную дорогу. Тогда Лопухинъ, мужъ ея, былъ тутъ губернаторомъ. На бѣду мою въ этотъ самый день былъ у него балъ. Чириковы званы и не могли для меня остаться дома. Губернаторъ узналъ о моемъ приѣздѣ въ городъ, плясуны ему нужны, онъ присылаетъ ординарца съ билетомъ пригласительнымъ на балъ. Учивость требовала моего согласія. Я приѣхалъ, увидѣлъ хозяйку, ей было съ небольшимъ 20 лѣтъ; влюбляюсь въ нее мгновенно, танцую съ ней поминутно и возвращаюсь въ восторгахъ на квартиру. На завтра зовутъ меня опять обѣдать, я ѣду, послѣ завтра катанье на Волгѣ, я и туда ѣду; словомъ, я дѣлаюсь домашнимъ у Лопухина, всякой часъ дѣла съ ними или у нихъ, и Тверь становится для меня раемъ. Такъ прожилъ я тутъ съ недѣлю. Всѣ сроки забылъ, всѣ приличія потеряны, и естли бъ Чириковы, увидя, что эта бабочка далеко меня увлечетъ, не выпроводили изъ города вонъ почти насильно, я готовъ былъ остаться въ Твери на вѣки. Просрочивши нѣсколько дней, приѣзжаю въ полкъ, и рассказываю батюшкѣ Тверское мое похо-

жденіе. Доброй мой отецъ пожурилъ меня, потомъ улыбнулся, крѣпко прижалъ къ сердцу, а я Лопухину забылъ и послѣ нигдѣ съ нею не встрѣчался. Узнавши о смерти ея, я искренно тужилъ объ ней и понынѣ помню пріятныя тѣ часы и слишкомъ краткіе, кои проводилъ съ нею.

Л о п у х и н ъ.

1-го Октября. Александръ Васильевичъ, отставной полковникъ, братъ родной свѣтлѣйшаго, упрямой и непросвѣщенной Русской дворянинъ, помѣщикъ неважнаго имѣнія въ Володимирской губерніи, въ которой онъ женился Богъ знаетъ на комъ, и мнимой былъ отецъ многихъ чужихъ дѣтей разныхъ племенъ и народовъ. Между прочими подарила ему жена сына, отъ сожитія съ Владимирскимъ полицеймейстеромъ, Нѣмецкимъ барономъ Бутомъ, пріобрѣтеннаго. Я былъ губернаторъ и начальникъ барона. Г-нъ Лопухинъ пригласилъ меня окрестить его Николинку. Изъ уваженія къ свѣтлѣйшему, я отправился къ нему въ деревню и тамъ сдѣлался отцемъ крестнымъ чужаго подкидыша, получившаго имя Лопухина. Вотъ главный и достопамятнѣйшій случай, которой напоминаетъ мнѣ всегда знакомство мое съ этимъ гнуснымъ семействомъ; ибо скоро тотъ же баронъ Бутъ, прижившій съ матерью ребенка, женился на дочери ея и сдѣлался хозяинъ въ домѣ. Такой развратъ заставилъ меня войти въ переписку непріятную съ княземъ. Онъ дѣлалъ мнѣ разныя досады за то, что я гласно вооружился противъ безпорядковъ, происходящихъ въ семействѣ брата его. Бутъ попалъ въ прокуроры, нарядился въ орденъ Владимирской по протекціи князя, сталъ задирать меня бумагами, начертилъ пропасть вздорныхъ дѣлъ, и дома, и по службѣ, далъ волю своему буйному молодечеству и вынудилъ меня къ мѣрамъ строгимъ; отъ одной исторіи безпрестанно раждались новыя. Какъ иначе при подобномъ распутствѣ цѣлаго семейства? Я писалъ, представлялъ, жаловался, выводилъ наружу всѣ ихъ мерзости. Князь по пословицѣ: свой своему по неволѣ другъ, вступался всегда за брата, а я отъ ихъ связей, на соблазнѣ явномъ основанныхъ, вытерпѣлъ множество непріятностей, кои въ исто-

риі моей службы большое заняли мѣсто и здѣсь новой подробности не требуютъ. Впрочемъ полковникъ Лопухинъ до того былъ тупъ, что можно было во всемъ его увѣрить; но при первой оглядкѣ, онъ по характеру способенъ былъ и кинжаломъ поподчивать всякаго того, кто навлечетъ на себя его подозрѣніе. Всѣ они и теперь живы, но я съ тѣхъ поръ какъ оставилъ Владимирскую губернію уже никакого съ ними отношенія не имѣлъ. Лопухинъ сохранялъ ко мнѣ всегда приличное уваженіе, боялся меня и никогда при мнѣ не выходилъ изъ предѣловъ благопристойности. Я обязанъ даже вспомнить его пріятную услугу: передъ отставкой моей безвременной, имѣя нужду въ деньгахъ, дабы съѣздить въ Питеръ, я черезъ третье лицо адресовался къ нему, и онъ тотчасъ меня ссудилъ на вексель 2000 рубл., кои я ему по прошествіи срока съ процентами отдалъ.

Л о п у х и н ъ.

18-го Сентября. Иванъ Владимировичъ, сенаторъ. Говоря о немъ въ смыслѣ публичномъ, онъ не заслуживалъ похвалъ народныхъ, ибо слылъ человекомъ не самыхъ честныхъ правилъ; но я здѣсь, разсуждая о всѣхъ тѣхъ людяхъ, коихъ имена найдутся въ моемъ лексиконѣ, не по отношеніямъ ихъ къ міру вообще, а ко мнѣ лично, обязанъ и похвалить его и возблагодарить за его со мной обращеніе и услуги, имъ мнѣ въ разныя времена оказанныя. Во-первыхъ, онъ, посланъ будучи въ Володимеръ ревизировать не губернію, а образъ устройства первыхъ ополченій, поступалъ со мной благородно, какъ сенаторъ, а отнюдь не такъ, какъ фискаль; снисходительно наставлялъ меня въ столь тяжкомъ и новомъ дѣлѣ, осматрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ и, съ искреннимъ желаніемъ мнѣ добра, поспѣшилъ рекомендовать меня Государю. По его представленію, согласно желанію моему, которое онъ прописалъ въ своемъ рапортѣ, сынъ мой старшій, находившійся тогда въ чужихъ краяхъ, произведенъ изъ коллегіи юнкеровъ въ титулярные совѣтники. Во-вторыхъ, когда меня отставили и попалъ я подъ слѣдствіе въ тотъ департаментъ Сената, въ которомъ присутствовалъ Лопухинъ, онъ

съ жаркимъ участіемъ вступился за меня, не приставалъ никогда къ моимъ злодѣямъ и громко держался выгоднаго обо мнѣ мнѣнія. Сими двумя поступками онъ приобрѣлъ искреннюю мою признательность, и я остался до смерти ему преданъ. Впрочемъ, онъ и безъ всякихъ дѣлъ со мной хорошо былъ знакомъ; онъ любилъ ученость и словесныя науки: это меня приблизило къ нему. Я сохранилъ нѣсколько писемъ его, изъ коихъ видны главныя черты добраго ко мнѣ расположенія. Въ этомъ широкомъ океанѣ, который въ столицахъ именуютъ большимъ свѣтомъ, мы съ нимъ, иногда то часто, то рѣдко, сталкивались, по связямъ и отношеніямъ стороннимъ; но вездѣ и всегда я съ нимъ сходилъ пріятно и ни одного поступка противъ себя не могу припомнить такого, которой бы давалъ мнѣ право, послѣ собственныхъ моихъ опытовъ, приставать къ тѣмъ людямъ, кои, зная ближе приватную жизнь его, злословятъ память и отзываются объ немъ худо. Для меня онъ былъ человѣкъ услужливый, добрый, и я обязанъ о немъ вспомнить всегда съ благодарностію. Въ книгахъ моихъ напечатаны стихи подъ названіемъ: „Савинское“, его подмосковное, которые отъ меня ему и были посвящены.

Л о п у х и н ъ.

28-го Іюня. Свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ. Случайной баринъ Павлова времени: при немъ и по причинѣ страсти царской къ его дочери, онъ сдѣлался изъ рядовыхъ дворянъ первостатейнымъ и богатѣйшимъ вельможей. Будучи генераль-прокуроромъ, когда я служилъ губернаторомъ, я въ частыхъ былъ съ нимъ отношеніяхъ по службѣ и никогда не имѣлъ случая похвалиться особеннымъ его ко мнѣ благоволеніемъ: эгоистъ по характеру и чувству, и равнодушенъ къ родинѣ, престолу и ближнему, живучи для одной только плоти, онъ и добро и зло дѣлалъ только по встрѣчѣ, безъ умысла и намѣренія. Я началъ его знать еще тогда, какъ онъ при Екатеринѣ служилъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ. Никогда не забуду того времени, въ которое я какъ-то съ нимъ вмѣстѣ, въ одномъ и томъ же домѣ, свелъ любовную интригу. Ему назначались часы, мнѣ другіе: я въ-

жалъ, а къ нему ѣзжали. Отъ такого осторожнаго распорядка мы никогда не могли столкнуться вмѣстѣ, но, будучи оба не безъ догадки, всегда при свиданіяхъ нашихъ въ постороннихъ домахъ, съ улыбкой коварной другъ на друга посматривали, боясь взаимно преимущества въ успѣхахъ. Памятенъ также будетъ мнѣ всегда тотъ моментъ, когда Лопухинъ, будучи уже князь и нося на груди алмазной портретъ Государя Павла, становился передо мной на колѣни, изъ того, чтобъ убѣдить меня играть комедію съ одной любимой его Французенкой въ домѣ извѣстной и благородной дамы, за которой онъ также отъ скуки иногда волочился. Хотя это колѣнопреклоненіе происходило въ шести глазахъ только, однако достаточно сего анекдота, чтобъ сдѣлать себѣ прямое понятіе о свойствахъ князя Лопухина и удостовѣриться, что онъ кромѣ себя ничего не любитъ, кромѣ своего удовольствія ничѣмъ не дорожить, покупая оное всѣми средствами, отъ него зависящими, безъ разбора ихъ качества. Таковъ былъ Петръ Васильевичъ и таковы мои связи съ нимъ, начиная отъ молодости до лѣтъ сосѣднихъ съ старостью. Много я провелъ въ обращеніи съ нимъ то пріятныхъ, то жестокихъ минутъ; а лучшія изъ нихъ, о которыхъ я вспоминать буду всегда съ удовольствіемъ, были тѣ, кои мы вмѣстѣ съ нимъ убивали на волокитства и праздныя забавы суетной жизни.

Л у б я н о в с к о й.

25-го Августа. Сегодня я получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени. Не хочу никому иному воздать за то моей признательности, кромѣ г-на Лубяновскаго.

Федоръ Петровичъ нынѣ губернаторомъ въ Пензѣ. Я съ нимъ сошелся знакомствомъ, когда онъ былъ производителемъ дѣлъ при графѣ Кочубеѣ, во время его министерства. Онъ оказалъ мнѣ самую важную услугу въ критическую минуту, которой я никогда не забуду. Въ то время, какъ, по доносамъ въ истребленіи лѣсовъ по Тамбовской и Владимирской губерніямъ, наряженъ былъ отъ князя Куракина чиновникъ 4-го класса, г-нъ Арсеньевъ, производить изслѣдованіе, я былъ отпущенъ, при концѣ того слѣдствія, для личныхъ о

немъ объясненій, въ Петербургъ и явился къ министру, князю Куракину. Тутъ, по старому со мной знакомству, Лубяновской принялся за мои дѣла, обработывалъ ихъ съ крайнимъ прилежаніемъ и доброхотствомъ, видался со мной безъ затрудненія, выслушивалъ меня терпѣливо, соединенными со мной силами опровергалъ, въ докладныхъ своихъ запискахъ, вздорные рапорты Арсеньева, которыхъ открывши всю неосновательность министру, побудилъ его искать средствъ удовлетворить меня за нанесенныя мнѣ разныя отъ Арсеньева обиды и оградить противъ дальнѣйшихъ его ухищреній. Сіе слѣдствіе обратилось въ мою пользу такъ выгодно, что мнѣ пожалована Анненская лента, къ полученію которой, откровенно скажу, способствовали мнѣ усердіе и дѣятельность г-на Лубяновскаго болѣе, нежели протекція Салтыкова, которой прашивалъ тогда министра обо мнѣ, когда зналъ, что министръ самъ готовъ что-нибудь сдѣлать болѣе, нежели ходатайствовалъ мнимой протекторъ; да и самъ князь Куракинъ не рѣшился бы вступить за меня, если бы обработанныя Лубяновскимъ бумаги не показали ему, что онъ будетъ крайне несправедливъ, когда, выдавъ меня, такъ сказать, на жертву Арсеньеву, по пустымъ наклепамъ, дастъ ему еще и силу меня неповинно задавить. И такъ, хотя князь Куракинъ, какъ министръ, представившій меня къ ордену, и имѣетъ нѣкоторое право на мою признательность, но мнѣ пріятно здѣсь откровенно исповѣдать, что я ей гораздо болѣе одолженъ трудамъ и благорасположенію ко мнѣ г-на Лубяновскаго, котораго потому во всю жизнь мою помнить буду съ пріязнью. Впрочемъ, состоянія наши и образъ жизни такъ различны, что мы оба, въ Москвѣ живучи, очень рѣдко видались; и ко всему сказанному я добавить долженъ, что Ѳедоръ Петровичъ, дѣлавши мнѣ добро, ничѣмъ, кромѣ пріязни моей, не былъ никогда заплаченъ, и тѣмъ сильнѣе я обязанъ ему быть навсегда благодарнымъ и уважать благородныя свойства его сердца.

Л Ъ В О В А.

1-го Іюля. Анна Васильевна, молодая дѣвушка, сирота, монастырка, жившая въ домѣ генеральши Бороздиной, подъ названіемъ „барышни“. Она изрядно была воспитана, поль-

зовалась нѣкоторыми талантами, но слишкомъ снисходительна и готова угождать всѣмъ домашнимъ. У Бороздиной былъ мужъ и трое сыновей, а у всей этой семьи одна Львова въ сотоварищахъ. Чтобы ни зандобилось сыграть, пропѣть, съѣздить, зазвать, удержать, заманить, словомъ, все попадало въ должность Львовой, и она не могла ни отъ чего отговориться. Домъ Бороздиной наполненъ былъ муштинъ, игроковъ и всякой всячины; за Львовой и тотъ и другой волочился: отвѣчаетъ — бѣда, не сдается — другая; словомъ, положеніе ея было непріятнѣйшее; но кусокъ хлѣба ея туда загналъ, не хотѣлось его лишиться. Когда у Бороздиной составился благородный театръ, я игралъ съ ней въ Сивильскомъ Цырюльникѣ, разумѣется, по-французски: тогда Русской языкъ былъ еще подъ анаемой. Она представляла Розину, а я Альмавиву. Не потаю грѣха, что я, подъ Испанской епанчой моего названія, любилъ и самъ приволачиваться за ней, не только за кулисами, но и сойдя съ театра. Роли наши насъ такъ соединили, что уже мнѣ скучно было, когда нѣтъ репетиціи; а потому я, какъ директоръ этого театра, назначалъ ихъ разъ по шести въ недѣлю, и думаю, что мы съ полгода комедию нашу пробовали, дабы, подъ предлогомъ симъ, протянуть время нашихъ свиданій и дать имъ какъ бы законное право необходимости. Львова была весела, смѣшлива, я рѣдко задумывался: прекрасное сочетаніе нравовъ! Помню донинѣ съ удовольствіемъ всѣ наши проказы, ссоры, дуэли, сплетни и круговеньки, которыя украшаютъ въ памяти моей время пылкой моей молодости. Послѣ того я ея уже и не видалъ нигдѣ и не слыхалъ о ней ничего: общая участь всѣхъ, наипаче временныхъ, отношеній; свяжется узелъ, кажется, крѣпко, затянешь его еще туже, а время, разслабляющее всѣ связи, расширить его и, мало-помалу, разорветъ такъ, что уже во вѣки конецъ той же нитки съ другимъ концомъ не сойдется. Жива ли ты, или умерла, милая Львова, но прими здѣсь дань моихъ о тебѣ воспоминаній, какъ бѣдную жертву сердца, которое причислило тебя къ списку идоловъ моего капища.

Л я п у н о в ъ.

5-го Іюля. Иванъ Петровичъ, секретарь гвардіи Семёновскаго полку, фактотумъ всѣхъ его дѣлъ, человѣкъ умной, смѣтливой, осторожной; онъ умѣлъ овладѣть довѣренностью всѣхъ своихъ начальниковъ, и ни одинъ изъ нихъ не обходился безъ его совѣтовъ. При Брюсѣ онъ дѣлалъ что хотѣлъ; тоже происходило и при Салтыковѣ. Мнѣ онъ былъ хорошій пріятель и готовъ на услугу. Ему я обязанъ назначеніемъ меня въ полковые адъютанты, ему же скорымъ и весьма неожиданнымъ повышеніемъ въ чинъ капитанъ-поручика, котораго бы я не могъ получить прежде, какъ еще черезъ годъ; онъ же вывелъ меня изъ послѣднихъ капитановъ въ бригадиры къ штатскимъ дѣламъ. Все сіе заставило меня быть ему благодарнымъ. Онъ не во всѣхъ офицерахъ былъ равно счастливъ; тѣмъ болѣе обязанъ я ему за его отличное ко мнѣ расположеніе. Во всю службу мою въ гвардіи, послѣ которой мы съ нимъ совсѣмъ разстались, я ни минуты не имѣлъ случая быть имъ недоволенъ, и обращеніе его, хорошо начавшись, не измѣнялось во всѣ восемь лѣтъ совокупнаго нашего служенія. Какъ же не молвить и о немъ въ такой книгѣ, въ которой представляются воображенію моему многочисленные ряды людей, имѣющихъ право на мои воспоминанія?

М а л ь т и ц ъ.

14-го Октября. Баронъ Петръ Ѳедоровичъ. Онъ первой былъ мой частной начальникъ въ гвардіи, командовалъ 2-й ротой, въ которую я былъ причисленъ прапорщикомъ; по этому сталъ мнѣ памятенъ. Онъ былъ пріятнаго обращенія человѣкъ, хорошо воспитанной, и всѣ имѣлъ вкусы свѣтскіе. Я много заимствовалъ пользы изъ его бесѣды; онъ хорошо со мной обходился, ласково принималъ. Мы часто ѣзжали по дачамъ вмѣстѣ, и много, и много веселыхъ случаевъ раздѣляли съ нимъ. Вышедши изъ гвардіи, онъ попалъ въ посланники, жилъ въ чужихъ краяхъ, и мы съ нимъ уже нигдѣ не встрѣчались. Будучи въ одномъ полку, я дорожилъ его зна-

комствомъ болѣе многихъ другихъ сотоварищей нашихъ; ибо онъ былъ пріятно образованъ, и я говорю здѣсь объ немъ, какъ объ человѣкѣ, съ которымъ мы были чрезмѣрно согласны во вкусахъ. Тогда знакомство такого офицера было пріобрѣтеніе для молодого рекрута, какъ я, въ большомъ свѣтѣ.

М а л ь ц о в а .

25-го Января. Анна Сергѣевна, урожденная княжна Мещерская, милая и достойная женщина. Мужъ ея былъ со мной знакомъ по публикѣ, имѣя огромные стеклянные заводы въ Владимирской губерніи; сдѣлался хорошимъ мнѣ пріятелемъ, когда я правилъ ею, и постоянно остался такимъ, даже и тогда, какъ я ему ни на какую услугу не былъ нуженъ, что заслуживаетъ особеннаго замѣчанія въ нынѣшнее время. По близкому сосѣдству нашихъ домовъ въ Москвѣ, мы часто посѣщали другъ друга, и Анна Сергѣевна въ одномъ случаѣ такую оказала намъ услугу, которой не отъ всякаго новомоднаго друга дождешься. Мы за нее обязаны навсегда ей быть благодарными. Многіе почитаютъ благодареніемъ и одолженіемъ отъ ближняго только то, что приносить имъ корысть денежную или какую-нибудь суетную почесть. Я совсѣмъ иначе думаю и нахожу, что благонамѣренной и дружеской поступокъ, даже безуспѣшной, но показывающій внутреннее расположеніе сердца, гораздо дороже кучи золота и всякой пестрой ленты. Таковъ былъ подвигъ Анны Сергѣевны. Мнѣ пріятно здѣсь, наруша скромность, выставить его къ общему свѣдѣнію: о немъ вѣрно никто не слыхивалъ; Анна Сергѣевна не искала имъ тщеславиться. Вотъ въ чемъ дѣло. Меньшой сынъ моей жены Филиппъ, служа нѣсколько лѣтъ унтеръ-офицеромъ въ армейскомъ полку, долго не могъ выбиться въ офицеры, частью отъ своихъ собственныхъ шалостей, а больше отъ холодности начальниковъ; ибо мы видимъ, что, при протекціи, не только шалуны, но и записные пострѣлы попадаютъ въ важные чины. Жена моя часто говорила при Аннѣ Сергѣевнѣ о сей неудачѣ, и та раздѣляла ея прискорбіе. Во время открытія монумента князя Пожар-

скаго въ Москвѣ *), госпожа Мальцова вздумала воспользоваться сходствомъ имени моего пасынка съ героемъ и, не сказавъ о томъ ни слова женѣ моей, употребила всякое стараніе къ тому, чтобъ возбудить восторгъ въ особахъ военнаго званія, приближенныхъ къ Государю и, въ честь какъ бы великому сподвижнику, произвести въ офицеры молодаго человека, носящаго его имя, и тѣмъ какъ бы удвоить уваженіе къ праху его. Этого не удалось: Государь не соизволилъ, потому что онъ хотя носилъ одно имя, но не происходилъ прямо отъ того, кого прославляла Россія. Тѣмъ не меньше, однакожъ, Анна Сергѣевна сдѣлала все, что отъ нея могло зависѣть къ утѣшенію жены моей. Мы свѣдали о семъ не отъ нея; но она, имѣя хорошія связи у двора, такъ быстро и дѣятельно хлопотала, что даже записка подана была Государю о производствѣ пасынка моего предъ отъѣздомъ его изъ Москвы, въ самой тотъ день, когда монументъ открывался. Что можетъ быть трогательнѣе такого нѣжнаго и благороднаго поступка, котораго цѣна усиливается мрачностью и потаеннымъ ходатайствомъ? О, гдѣ бы я ни былъ, я, конечно, безъ умиленія сердечнаго не вспомню ни имени Анны Сергѣевны, ни великодушнаго ея поступка.

М а м о н о в ъ .

23-го Апрѣля. Александръ Матвѣевичъ, фаворитъ Екатерины, надменной и несносной человекъ въ короткомъ отношеніи. Мое знакомство съ нимъ началось съ юности: у него и у меня одинъ и тотъ же былъ наставникъ, Езуитъ г-нъ Совере; сперва онъ жилъ въ ихъ домѣ семь лѣтъ и, вышедши оттуда, жилъ у насъ столько же времени. Сходство нашего воспитанія должно было, казалось, сдѣлать связь между нами прочною; она такова и была до нѣкотораго времени. Мамоновъ и я въ одной степени родства находились съ дядей моимъ роднымъ, барономъ Александромъ Николаевичемъ Строгановымъ: онъ по женѣ его, а я по немъ самомъ. И такъ, живучи въ Петербургѣ въ одно время, хотя въ разной служ-

*) Въ Февралѣ 1818 года. „Капище“ писалось въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. П. Б.

бѣ (потому что я шелъ по гвардіи, а онъ числился въ штатѣ князя Потемкина) мы въ домѣ дяди безпрестанно бывали вмѣстѣ, а онъ даже и жилъ у него на его коштѣ. Скоро влюбился онъ въ дочь дяди моего, и началась между ими цыдулочная интрига. Дядюшка узналъ о томъ изъ откровенности дочери своей, которая, объявя о склонности своей къ Мамонову, просила дозволенія выйти за него замужъ. Баронъ разсердился на Мамонова, какъ на соблазнителя, отказалъ въ ихъ союзѣ, имѣя хорошимъ предлогомъ родство, и велѣлъ тотчасъ ему съѣхать со двора. Мамоновъ, не зная куда дѣться, рѣшился скакать въ Москву и въ отчаяніи пріѣхалъ прямо ко мнѣ въ полкъ. Я еще былъ холостъ и принялъ его въ свои объятія, какъ искреннѣйшаго моего друга. Молодыми умами руководствуетъ одно сердце, а надъ сердцемъ тогда владычествуетъ не столько истинное чувство, какъ восторгъ и энтузіазмъ. Зная, что дядя мой выгналъ его изъ дому, чувствуя, что я худо поступаю, давая ему убѣжище у себя и явно, такъ сказать, становясь его сообщникомъ противъ дяди, я только думалъ о томъ, что онъ мнѣ другъ, что я обязанъ всѣмъ ему пожертвовать; словомъ, я вообразилъ, что я буду подобенъ Римскимъ витязямъ, когда жарко вступлюсь за Мамонова, и на сихъ началахъ съ горяча основалъ мои тогдашніе поступки: не только принялъ Мамонова, но, прощаясь, далъ ему слово помогать въ его страсти и сдѣлался между имъ и сестрой моей двоюродной передаточной сумой ихъ любовныхъ записочекъ, которыя ко мнѣ почта Московская отъ него возила всякую недѣлю. Я питалъ взаимную ихъ страсть, помогая ихъ перепискѣ, и нимало не воображалъ, чтобъ это было дурно; напротивъ, въ глазахъ моихъ такая услуга казалась геройскимъ подвигомъ; ибо я сдѣлался предметомъ подозрѣній моего дяди и не замедлилъ самъ подпасть подъ гнѣвъ его, которой я дѣйствительно заслуживалъ. Между тѣмъ Мамоновъ влюбился въ Москвѣ въ другую, пересталъ писать къ Строгановой. разумѣется, забылъ скоро и меня, и, воротясь на службу въ Питеръ, жилъ самъ собой; къ дядюшкѣ не смѣлъ показаться, а со мной сохранилъ еще какую-то личину пріязни, которую скоро сорвалъ самымъ подлымъ образомъ, но уже я испыталъ его, и сталъ

умиѣ. Скоро Фортуна очутилась у Мамонова соннаго въ головахъ: надобно было подставить Екатеринѣ новаго фаворита. Потемкинъ рекомендовалъ его. Онъ былъ прекрасной мужчина, ловкой, статной, и въ нѣсколько дней Мамоновъ явился у двора флигель-адъютантомъ. Общая тогдашняя выѣска постельныхъ заслугъ въ царской спальнѣ. Тутъ-то совѣмъ перевернулся листъ, и Мамоновъ началъ, мало-помалу входя въ силу, воздыматься, какъ Фараонъ. Весь нравъ его вышелъ наружу. Дядя мой благороднымъ образомъ выдержалъ свой характеръ и ни разу къ нему не ходилъ на поклонъ. Я, напитанъ будучи правилами восторга, ставилъ себя въ новую добродѣтель также не являться къ нему, дабы дать чувствовать, что я любилъ его безъ видовъ корысти, и ожидалъ, чтобъ онъ пригласилъ меня къ себѣ, вспомявъ прежнюю нашу свычку и, смѣю сказать, тяжкія мои услуги, оказанныя ему на счетъ собственнаго моего спокойства; ибо я удалялъ, какъ выше видно, отъ себя сердце дяди моего и терялъ въ немъ необходимаго себѣ благодѣтеля. Подлинно, на минуту удалось мнѣ мое геройство. Нечаянно встрѣтилъ меня во дворцѣ Мамоновъ, бросился ко мнѣ на шею, пенялъ, что я къ нему не хожу и звалъ, когда хочу, безъ разбора времени. Это движеніе происходило отъ умирающаго порыва юношеской нашей связи, которая невольно долго еще на насъ дѣйствуетъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Неучтиво было бы мнѣ тогда не посѣтить его. Я къ нему пошелъ, былъ принятъ очень просто и ласково и зачистилъ мои посѣщенія. Мамоновъ тѣмъ охотнѣе меня допустилъ въ свои покои, что, изъ всей толпы его посѣтителей, одинъ я ни о чемъ его не просилъ; а я, съ моей стороны, посѣщалъ его съ сугубымъ удовольствіемъ, потому что не имѣлъ никакой нужды въ его протекціи и, видя у него весь дворъ на поклонѣ, нигдѣ такъ не выучился цѣнить людей, какъ тутъ, и скоро выѣчился отъ юношескихъ своихъ восторговъ, въ чемъ особенно послужилъ мнѣ на пользу нечаянный случай, которой все мое спокойство разрушилъ, принудя отступить отъ стоической твердости, съ какой я прежде глядѣлъ на фаворита и толпился въ его парадныхъ покояхъ. Пока все сіе происходило въ Петербургѣ, въ Москвѣ отецъ мой по-

молвилъ сестру мою, Анну, за графа Ефимовскаго, сержанта гвардіи, и батюшка, зная связь мою съ Мамоновымъ, писалъ ко мнѣ, чтобъ я черезъ него постарался доставить ему скорѣй чинъ офицера гвардіи. Для Мамонова это было ничего, но для меня жестокое искушеніе обратиться изъ свободного гостя въ челобитчика у столь надменнаго человѣка. Но воля отца и судьба сестры моей требовали сей жертвы, и я не замѣшкался рѣшиться на ходатайство. При первомъ послѣ того свиданіи съ Мамоновымъ, я попросилъ у него минутъ пять приватной поговорки. Онъ меня отвелъ въ свой кабинетъ, я ему сказалъ въ чемъ дѣло, онъ чрезвычайно охотно за это взялся, и отвѣтъ его я до сихъ поръ помню: „Повѣрьте мнѣ, что я не васъ одолжаю, а себѣ вмѣню въ честь все, что можно будетъ мнѣ сдѣлать къ удовольствію вашему, и теперь тѣмъ охотнѣе исполню твою просьбу, что я самъ долго былъ унтеръ-офицеромъ гвардіи и знаю, какъ непріятно таскать кожаной темлякъ. Считайте на меня; это дѣло сдѣлано!“ Сей отвѣтъ сообщилъ я батюшкѣ, въ надеждѣ, что зять скоро будетъ пожалованъ; свадьба отсрочилась до офицерскаго чина. Спустя мѣсяцъ, видя, что нѣтъ успѣха, я опять нашелъ случай повторить мою просьбу Мамонову. Опять тѣ же ласки, то же пожиманіе руки, никакой перемѣны въ наружномъ обращеніи со мной, и вторичное обѣщаніе: непременно чинъ офицерской выпросить Ефимовскому къ коронаціи, т.-е, къ 22-му Сентября, а это было въ половинѣ мѣсяца. Ждать не долго, думалъ я; посмотримъ, что будетъ. 22-е наступило. Ничего не вышло. Я собираюсь къ фавориту идти съ новой и послѣдней моей докукой, но, къ удивленію моему, встрѣчаю его во дворцѣ, и онъ уже меня не узнаётъ, мнѣ не кланяется. Я пораженъ былъ, какъ громомъ. Съ тѣхъ поръ нога моя не была у него, и я свѣдалъ послѣ, что сдѣланъ былъ реестръ, кого къ нему принимать, въ которомъ моего имени не выставлено. Такъ кончились мои отношенія съ симъ высокоумнымъ честолюбцемъ. Онъ упалъ скоро самъ и больно расшибся, доживалъ вѣкъ въ Москвѣ, брошенъ всѣми, запершись одинъ съ женой, которая была несчастлива и опередила его въ вѣчность. Онъ умеръ, не бывъ никѣмъ оплаканъ, и вся его слава, какъ дымъ, исчезла. Я

долго думать о странной переменѣ его со мной и, кажется, не ошибся въ слѣдующемъ заключеніи. Мамоновъ, будучи очень гордъ, почиталъ для себя высочайшимъ трофеемъ заставить дядю моего ходить къ себѣ и, зная, что онъ непременно участвуетъ въ судьбѣ будущаго своего племянника, а моего зятя, не думалъ ли онъ вынудить его просить себя объ немъ и черезъ то достигнуть своей цѣли, чтобъ видѣть прежняго своего благодѣтеля на ряду со всѣми въ своей прихожей? Такое скарёдное побужденіе достойно было гнилаго сердца Мамонова; но дядя мой устоялъ и къ Мамонову не ходилъ, а между тѣмъ другими легчайшими средствами зять мой въ тотъ же годъ, по докладу Измайловскаго полка, произведенъ въ офицеры Генваря 1-го (см. Арбенева). Вотъ картина моей связи съ Мамоновымъ, въ которой я игралъ роль очень похожую на юнаго Филибера, каковъ онъ изображенъ въ переведенномъ мной романѣ сочиненія г-на Коцебу. Сколько подобныхъ ложныхъ друзей мы приобретаемъ въ молодости, прежде нежели доищемся одного надежнаго, на котораго можно положиться и любить безъ боязни и обмана!

М а н с у р о в а.

28-го Авг. Катерина Александровна. Бѣдная дворянка, прославившаяся своей красотой, которая доставила ей блистательнѣйшую Форуну; ибо она, не имѣя никакого состоянія, попала замужъ за богатаго князя Трубецкаго и весь вѣкъ свой донинѣ проводитъ въ изобиліи и всякомъ довольствѣ. Ихъ было нѣсколько сестеръ при старушкѣ-вдовѣ, домъ ихъ былъ очень бѣденъ. Я съ ними ознакомился у Молчановыхъ, посѣщая ихъ каждый день; тамъ по часту бывали веселыя пирушки. Будучи офицеромъ гвардіи тогда, я волочился за Катериной Мансуровой, танцывалъ съ ней безпрестанно, но скоро знакомство наше юношеское прекратилось. Потомъ она, сдѣлавшись богатой дамой и Московской жительницей, имѣла у себя въ домѣ благородной спектакль, въ которой я попалъ и неоднократно игралъ у нихъ въ домѣ: театръ былъ очень хорошъ, лучшіе люди въ городѣ къ нимъ съѣзжались. Балы и ве-

ликолѣнные вечера опять меня съ ней сблизили, но уже прелести ея измѣнились, и мое стремленіе къ ней было тише. Я продолжалъ это знакомство не для нея собственно, а для забавъ и удовольствій, которыми я у нея наслаждался нѣсколько лѣтъ безъ малѣйшаго возмущенія. Изъ всѣхъ представленій, кои тамъ даны были, удачнѣе всѣхъ шла комедія „Le Bon Ton“, въ которой успѣхи мои донинѣ мнѣ памятны; а, вмѣстѣ съ ними, вспоминая мѣсто славы моей, не могу забыть и виновницы многихъ моихъ удовольствій, Катерины Александровны Мансуровой, въ честь коей помѣщается имя ея въ семъ списокѣ моихъ сердечныхъ обывателей. Нынѣ она стала стара; дѣти заступили ея мѣсто. Домъ ихъ не такъ пышно содержится, и знакомства моего съ ними въ поминѣ нѣтъ.

Марія Теодоровна.

31-го Января. День, напоминающій мнѣ неизъяснимые восторги любви и радости; день, который я могъ назвать треблаженнымъ въ моей жизни: потому что я въ сіе число женился на неподобной Евгеніи, которой обязанъ былъ счастьемъ лучшихъ лѣтъ моихъ! О комъ приличнѣе въ этотъ день произнести слово, какъ не о той высокой особѣ, которая соизволила соединить меня съ воспитанницей своей?

Марья Теодоровна, Императрица, мать Россійскаго императора Александра (см. Павелъ). Она изволила участвовать во всѣхъ тѣхъ милостяхъ и благодѣяніяхъ, какія супругъ ея, будучи Великимъ Княземъ, женѣ моей покойной и мнѣ оказывалъ. Евгенія изъ монастыря, гдѣ была воспитана на ихъ иждивеніи, принята ко двору и до дня замужества за меня при ономъ находилась, играя комедіи въ обществѣ Великаго Князя, во всѣхъ городскихъ и загородныхъ его дворцахъ. Я всегда былъ отмѣнно принятъ Ихъ Высочествами, и они меня оба изволили жаловать. По началамъ ихъ милости къ намъ, казалось, что мы будемъ всю жизнь нашу ими взысканы; но поѣздка моя на службу въ Пензу и, слѣдовательно, продолжительная разлука съ дворомъ, такъ насъ истребила изъ памяти Ихъ Высочествъ, что они отказались совершенно устроить судьбу нашу, когда дошла очередь и до нихъ сѣсть ря-

домъ на тронъ Екатерины. Говоря здѣсь объ одномъ лицѣ императрицы Маріи, приведу на память разные ея съ нами поступки, кои покажутъ читателю, сколь противоположно было обращеніе Императрицы и Великой Княгини противъ меня и жены моей. Правда, что на самыхъ первыхъ порахъ, при вступленіи ихъ въ самодержавное званіе, когда Павелъ отставилъ меня изъ службы, супруга его, принявъ жену мою очень милостиво, сильно ходатайствовала о томъ, чтобъ я опредѣленъ былъ паки къ должности, въ чемъ и успѣла; но потомъ остуда ея, по мѣрѣ, какъ она привыкала къ высокому сану, стала становиться рѣшительнѣе и сильнѣе. Тогда Императоръ раздавалъ многимъ вотчины; но ни я, ни жена моя, не удостоились этой щедрости, и Марія Оеодоровна изволила назначить женѣ моей изъ кармана своего только 300 рублей пенсіи въ годъ. Можно ли назвать такую милостиню благодѣяніемъ, особливо тогда, какъ простыя прислужницы получали по 200 и по 500 душъ? Я служилъ и жилъ въ Москвѣ, терпя всякіе недостатки. Жена моя напоминала о себѣ разными письмами Императрицѣ, и только одинъ разъ удостоена была отъ нея церемоніальныхъ пяти строчекъ, за кошелькъ ея работы, который она поднесла ей въ день ея именинъ. Не любить могли сіи цари-супруги меня; но за что привязывали къ злосчастной участи моей судьбу неповинной предъ ними ихъ воспитанницы, которую отягощали мои недостатки? Всѣ прежнія сношенія были забыты. Ужаснѣе всѣхъ прочихъ примѣръ ихъ равнодушія къ намъ изложу въ слѣдующемъ поступкѣ. Жена моя была въ чахоткѣ; врачи совѣтывали ей, для подкрѣпленія жизненныхъ силъ, переѣхать за городъ въ такое мѣсто, гдѣ бы можно было врачеваться испареніемъ навоза. Всего удобнѣе намъ казалось переѣхать для сего на скотный дворъ Воспитательнаго Дома и тамъ, занявъ два-три покоя, провести хорошее время года. Надобно было на это просить дозволенія Императрицы; жена писала и получила отказъ. По смерти Павла I-го, дворъ былъ въ Москвѣ. Жена явилась къ Императрицѣ, и та приказала ей привести показать дѣтей своихъ. Жена, самъ четвертъ, приѣхала во дворецъ, допущена къ Императрицѣ и въ недужномъ ея состояніи ничего другаго не удостоилась, какъ нѣ-

сколькихъ карамелей для ея малютокъ. И мы, бѣдные партикулярные люди, стыдимся отпускать такимъ образомъ отъ себя нашихъ малолѣтнихъ крестниковъ, когда ихъ привозятъ къ намъ знакомые родители. Живучи въ Володимерѣ, жена моя, предъ самой кончиной своей, просила убѣдительнѣйшимъ письмомъ Императрицу не оставить послѣ нея ея дѣтей и утѣшить ее еще при жизни Фрейленскимъ вензелемъ для старшей дочери нашей, Маріи. Ни слова отвѣту и ни малѣйшаго вниманія. По смерти ея прекратился и нищенской годовой пенсіонъ. Такъ кончились отношенія сей Императрицы съ женой моей; продолжались они къ моимъ дѣтямъ нѣкоторое время, но весьма холодно. Въ послѣднее пребываніе двора въ Москвѣ, послѣ Француза, жена моя представляла оставшихся двухъ дочерей моихъ Императрицѣ, и она, говоря дворскимъ языкомъ, очень милостиво изволила ихъ принять, потрепала ту и другую по щекѣ, называла своими дѣтьми; тѣмъ и ограничилось все ея благоволеніе, отъ котораго дочери мои ни на волосъ пользы существенной не приобрѣли. По случаю кончины королевы Виртембергской, Екатерины Павловны, я сочинилъ стихи, которые, по совѣту многихъ моихъ пріятелей, посвятилъ государынѣ Маріи Теодоровнѣ, и она изволила отблагодарить меня учтивымъ и благопріятнымъ письмомъ. Вотъ все, что могу собрать о ней, вспоминая время моихъ отношеній къ симъ священнымъ особамъ. Пусть читатель опредѣлитъ самъ мѣру и степень моей благодарности къ такимъ мнимымъ благодѣтелямъ; а мой долгъ, написавъ это, замолчать и забыть все то зло, которое нанесли мнѣ въ разные времена сіе порфиноносные владыки, ради неоцѣненнаго сокровища, которое я принялъ отъ рукъ ихъ, дражайшей моей Евгеніи.

Марковъ.

25-го Маія. Николай Ивановичъ, полковникъ перваго Московскаго пѣхотнаго полку, въ которомъ я началъ службу свою прапорщикомъ, бывъ пожалованъ симъ чиномъ, при выпускѣ моемъ изъ студентовъ Московскаго университета. Полкъ этотъ стоялъ въ Москвѣ; я въ немъ только числился и тотчасъ откомандированъ на безсмысленные ординарцы къ

князю Долгорукому, главнокомандующему въ Москвѣ; однако, нося того полка эполеты, я бывалъ иногда въ зависимости отъ властей его и не имѣлъ случая пожаловаться ни на полковника, ни на брата его, маіора Гераклія: оба они обходились со мной очень хорошо, а Гераклій и въ позднее уже время жизни моей не отрекся оказать мнѣ важной услуги. Будучи во время войны съ Французами начальникомъ Московскаго ополченія, онъ записалъ въ него сына моего, Александръ и пасынка Алексѣя, и былъ къ нимъ очень милостивъ, даже до излишняго благоснисхожденія, которымъ я обязанъ воспоминанію прежнихъ моихъ съ нимъ и братомъ его отношеній въ Московскомъ пѣхотномъ полку. Всѣ тѣ люди, кои, попадаясь мнѣ навстрѣчу въ молодости моей, любили меня и хорошо, со мной обращались, всѣ живутъ донинѣ въ памяти моей: я люблю съ ними вмѣстѣ приводить себѣ на мысль тогдашнее блаженное время, и два брата Марковыхъ всегда въ ней присутствуютъ.

М а р т ы н о в а.

13-го Марта. Проснувшись, вспомнилъ, что сегодня я лишился Петруши; мысленно гляжу на гробъ его въ Пензѣ, и воображенію моему представляется та почтенная старушка, о которой говорить стану.

Катерина Ивановна, мать и мачиха огромнаго потомства мужа ея, за которымъ она была третья. Я вошелъ въ дружескую связь съ ихъ семействомъ, живучи въ Пензѣ. Кончина этой доброй женщины будетъ для меня всегда разительнымъ памятникомъ; по участію въ ихъ домѣ, я вмѣшался во всѣ распоряженія ея похоронъ и такъ наглядѣлся на мертвое ея тѣло, что, послѣ нѣсколькихъ бессонницъ, натура разстроила мое воображеніе до такой степени, что я занемогъ жестокой гипохондріей. Не имѣя никакой болѣзни, едва не сошелъ съ ума, боялся попа, иконъ, и приходилъ въ трепетъ отъ малѣйшей нечаянности, ежедневно готовился умирать, жену свою и домъ держалъ въ безпрестанномъ страхѣ, не имѣя вовсе спокойнаго сна и, будучи въ такомъ жалкомъ положеніи, не много старѣе 30 лѣтъ, прохворалъ съ полго-

да. Лѣтній воздухъ и разсѣяніе возвратили мнѣ прежнюю свободу мыслей и обыкновенное мое благосостояніе. Я и понынѣ не могу этой эпохи вспомнить безъ ужаса, и съ тѣхъ поръ уже не видывалъ и не смѣлъ взглянуть ни на одного открытаго мертвеца, боясь, чтобъ тѣ же впечатлѣнія не разстроили меня и теперь такъ, какъ тогда: въ старости не такъ-то легко ужъ было бы и вылѣчиться. Странно начало и послѣдствіе сего припадка. Это произошло въ великомъ постѣ; я уже заготовленъ былъ скукой, которая начинала отъ разныхъ обстоятельствъ крайне угнетать меня въ Пензѣ. Мнѣ хотѣлось перемѣнить мѣсто. Не было еще удачи. Желчь между тѣмъ готовила мнѣ сокровенной недугъ. Въ Четвергъ на первой недѣлѣ поста мы отпустили въ первый разъ изъ дома сына своего, Павла, въ Москву обучаться; на второй недѣлѣ, въ Четвергъ же, умеръ на рукахъ моихъ сорокадневной младенецъ, нашъ Петруша; котораго я самъ, своими руками, опустилъ въ могилу. Все это, казалось, прошло, но внутренно давило и мысль и душу. На третьей недѣлѣ, въ Четвергъ же, я хоронилъ Мартынову, и тутъ открылась сильнѣйшая, черная меланхолія, которая совсѣмъ меня съ ногъ свалила, и я сдѣлался почти безумнымъ. Дорого стоило мнѣ неумѣренное мое участіе въ помянутой старушкѣ, и она вѣчно мнѣ будетъ памятна; я долго, долго не могъ привыкнуть къ тому, чтобъ не бояться Четверговъ, и лишь день этотъ подходилъ, то я отъ всякаго вздора содрогался. Послѣ, гораздо послѣ, я овдовѣлъ въ Четвергъ, но уже этотъ ударъ не произвелъ подобнаго дѣйствія, хотя былъ сильнѣе; ясно, что тогдашняя болѣзнь была приготовлена длиннымъ рядомъ безпокойныхъ случаевъ, коихъ искра вспыхла на гробѣ Мартыновой. Славу Богу, съ тѣхъ поръ я уже не имѣлъ подобныхъ нервическихъ припадковъ отъ меланхолія, хотя я къ ней отъ природы очень склоненъ, и, кажется, могла бы она неоднократно возобновиться съ вѣщшею силою послѣ тѣхъ ударовъ и скорбей, кои я донинѣ осужденъ былъ переносить. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ разстроить воображеніе. Чтò душу тронетъ, тому время поможетъ; а чтò на голову подѣйствуетъ, отъ того рѣдко уврачуешься.

М а ш е н ь к а.

6-го Декабря. Первая горничная дѣвушка покойной жены моей, при которой она вошла ко мнѣ въ домъ. Она была Нѣмецкаго происхожденія, вѣрна въ услугахъ и очень привязана къ Евгени, которая не могла долго безъ нея обойтись. Я никогда не забуду того смѣшного происшествія, какъ жена моя, въ первую ночь послѣ нашей свадьбы, потребовала, чтобъ Машенька ея ночевала у ея кровати; та, будучи въ лѣтахъ уже и, слѣдовательно, опытиѣ жены моей, которая, по новости ея положенія и совершенной простотѣ во нравѣ, не могла рѣшиться остаться одна съ мужчиной на ночь, хотя этотъ мужчина былъ ея мужъ, та, сколько ни отговаривалась, не могла отбиться до тѣхъ поръ, какъ я далъ ей способъ ускользнуть невзначай вонъ изъ нашей спальни. До сихъ поръ помню ихъ общее тревоженіе въ эту минуту и мой тогдашній неумѣренной смѣхъ надъ обѣими. Жена принуждена была, наконецъ, совсѣмъ съ ней разстаться; ибо Машенька, по болѣзненнымъ припадкамъ, уже не могла быть при ея услугахъ; а какъ она была вольная, то и должны были мы ее отпустить. Время все пожинаетъ: и барыня скончалась, и Машенька ея тамъ же!

М е л и с с и н о.

1-го Февраля. Иванъ Ивановичъ. Онъ былъ кураторомъ Московскаго университета, когда я въ ономъ обучался, старикъ почтенный, котораго милости я обязанъ помнить всегда. При немъ я произведенъ въ студенты и удостоенъ особеннаго его одобренія, когда читалъ рѣчь въ торжественномъ собраніи, по случаю рожденія нынѣшняго Императора. Съ юношествомъ моимъ прекратилось всякое между нами отношеніе. Осталось одно воспоминаніе его покровительства и снисхожденія.

Княжна Меншикова. † 1837. *)

27-го Апрѣля. Въ это число батюшка продалъ домъ свой на Тверской въ 1784 годѣ, въ которомъ всего чаще приходилъ мнѣ на память Меншикова, и о ней я говорить хочу.

Княжна Елена Петровна, внучатная сестра моя. Мать ея, урожденная княжна Долгорукая, была въ короткой связи съ нашимъ домомъ и, во время отлучки батюшкиной на службу въ Петербургъ, ѣзжала почти всякой вечеръ играть съ матушкой въ карты. Изъ двухъ ея дочерей, меньшая, Елена, была отменно остра и затѣйлива; ей было тогда около 14 лѣтъ, а мнѣ лѣтъ 18. Ежедневное свиданіе, не сопровождаемое никакимъ другимъ разсѣяніемъ, скоро насъ привязало другъ къ другу: мы вмѣстѣ привыкли бѣгать, играть, рѣзвиться. Отъ искры загорается пожаръ: открылась между нами взаимная симпатія въ чувствахъ, и скоро мы другъ въ друга влюбились. Это была, такъ сказать, моя страсть первоученка. Новы оба въ чувствѣ любви, всякая малѣйшая ласковость казалась намъ блаженствомъ, и мы спѣшили имъ наслаждаться. Чтобъ показать, сколько хитрости бываетъ въ умахъ незрѣлыхъ нашего тогдашняго возраста, я скажу, что старшая сестра ея, Елисавета, полюбя меня безъ взаимности, ревновала къ сестрѣ своей; а поелику она была любимая дочь у матери, то наши свиданія съ Еленой зависѣли совершенно отъ мѣры вліянія сестры ея на мать ихъ, и потому мнѣ надлежало очень много интриговать, дабы Елисавета, находя сама собственное удовольствіе быть у насъ, располагала къ посѣщенію сему мать свою. Отъ сихъ перепутанныхъ между нами интересовъ я принужденъ былъ каждой вечеръ жертвовать нѣсколькими четвертьми часа на то, чтобъ казаться влюбленнымъ въ Елисавету и въ уединенныхъ съ нею бесѣдахъ, получа честное слово, что она опять на завтра къ намъ будетъ, обращался къ моему предмету, къ Еленѣ, въ которую я влюбленъ былъ смертельно и украдкой срывалъ на устахъ ея жарчайшіе поцѣлуи. Чѣмъ больше

*) Это позднѣйшая отмѣтка на рукописи, но не самого автора. П. Б.

тайны въ любви, тѣмъ она пламеннѣе разгорается. Онѣ бывали у насъ каждой вечеръ, я хаживалъ къ нимъ пѣшкомъ по утрамъ; милліоны поцѣлуевъ, принужденныхъ съ одной сестрою, и сладострастныхъ съ другой, на которые всегда любовники минуту сыщутъ, такъ насъ соединяли крѣпко, что я готовъ былъ, во что бы то ни стало, жениться на Еленѣ. Итальянецъ, у котораго я бралъ уроки нарочно для того, что онъ и Елену обучалъ по-итальянски, перенашивалъ отъ насъ пламенные цыдулочки (см. лит. И.); все насъ разжигало и очаровывало, никто изъ нашихъ родственниковъ не примѣчалъ этого и, изъ довѣренности къ нашимъ ребячьимъ лѣтамъ, не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія ни мать ихъ, ни моя. Интрига наша шла прекрасно. Вотъ что ее разстроило. Однажды случилось мнѣ, стоя за стуломъ у Елены, когда она играла на фортепіано въ общей гостиной, шепнуть ей, что я хочу на ней жениться. Она возразила со вздохомъ: „Нельзя, мы родня!“—„Что за нужда! отвѣчалъ я. Примѣры бывали: Орловъ женился на двоюродной сестрѣ своей“. Мать, вошедшая въ комнату, такъ что я этого не замѣтилъ, вслушалась въ послѣднія мои слова и потребовала изъясненія нашего разговора. Я признался въ моей страсти; мать увидѣла пропасть, въ которую мы оба готовы были устремиться, поворотила все это въ шутку, но приняла строгую осторожность въ обращеніи дочерей ея со мною. Такъ разорвались или только затруднились наши свиданія, но мы другъ другу поклялись въ вѣрности непреоборимой. Скоро настало мнѣ время отправиться въ Питеръ къ батюшкѣ: онъ меня потребовалъ къ себѣ. Я простился съ Еленой и въ отчаяніи поѣхалъ. Долго продолжалась между нами потаенная переписка. Въ довѣренности нашей была меньшая сестра моя: Елена отдавала ей свои письма, а та ихъ ко мнѣ пересылала въ своемъ пакетѣ, адресуя, однако, на имя батюшки, которой безъ всякаго подозрѣнія отдавалъ мнѣ ихъ, не раскрывая. Много труда стоило намъ это; потому что я боялся, съ одной стороны, чтобъ батюшка не узналъ нашей интриги, съ другой, чтобъ не открыла ее въ Москвѣ Еленина сестра, поджигаемая ревностью, примѣтивъ изъ вышеписанныхъ происшествій, какъ она лукаво была обманута нами и далеко

увлечена своимъ обольщеніемъ; однако письма наши шли порядочно одно другому, и я ихъ набралъ изрядное множество. Выдержавши съ годъ постоянно роль любовника, я случайно отправленъ былъ въ Москву и предвкушалъ уже то удовольствіе, которое меня ожидаетъ въ объятіяхъ Елены. Я уже не мальчикъ, а офицеръ гвардіи, видѣлъ свѣтъ, извѣстенъ въ немъ; сколько, думалъ я, новыхъ преимуществъ будутъ охранять мое счастье. Увы! ошибся въ расчетѣ. Я еще не умѣлъ, судя самъ по себѣ, отгадать, что наличные глаза могутъ быть милѣе отдаленнаго взора. Елена безъ меня вывезена въ большой свѣтъ, начала казаться въ собраніяхъ. Будучи мила, заманчива и рѣзва, скоро приучила слоняться за собой молодыхъ людей, развернулось женское самолюбіе; оно научило кокетству и, словомъ, Елена моя уже другимъ плѣнялась, когда я въ первой разъ встрѣтился на балѣ съ нею въ клубѣ. Я скоро это замѣтилъ, приревновалъ, разсердился, грустилъ съ недѣлю и, видя, что тоска моя уже не дѣйствуетъ на ея сердце, захотѣлъ похвастать своими правилами и постоянствомъ, выпросилъ у нея свиданье, въ которомъ, послѣ жаркаго изъясненія, рѣшились мы разстаться сердцами. Я выпросилъ у нея позволеніе при ней сжечь всѣ ея письма, на что она согласилась и возвратила мнѣ мои, съ моимъ портретомъ вмѣстѣ, которой я для нея украдкой списалъ за довольно дорогую цѣну и подарилъ въ табакеркѣ подъ секретомъ. Все это мнѣ возвращено, какъ ненужные пожитки, и она съ довольнымъ равнодушіемъ высмотрѣла *auto da fe*, которой я произвелъ изъ ея переписки, заставляя ее, по ревнивому побужденію, тирански выслушать содержаніе каждаго письма, прежде нежели оно кидалось въ огонь. Таковъ былъ конецъ первой и самой пылкой моей страсти; я объ ней донинѣ вспоминать не могу безъ восторга. Такъ какъ мы были въ близкомъ между собой родствѣ, то должны были и видаться и часто быть вмѣстѣ, но уже не прежнее было между нами обращеніе; потомъ мы часто и надолго разставались, по нѣскольку лѣтъ другъ друга не видали: она была въ чужихъ краяхъ, долго жила сама собой, безъ матери, въ полной своей волѣ, не выходя ни за кого замужъ. Когда она жила на дачѣ подъ Москвой,

я у нея бывалъ, игралъ съ ней комедію и, переставши быть любовникомъ, мы остались навсегда искренними друзьями: исчезли восторги, и мѣсто ихъ заступила пріязнь, которая продолжится, уповательно, между нами до послѣднихъ нашихъ дней. Она очень поздно вышла замужъ, влюбясь въ молодца прекраснаго Неѣлова, который былъ ея моложе, и теперь живетъ съ нимъ въ Москвѣ, не имѣя дѣтей, одна своимъ домомъ. Умъ никогда не старѣется; и такъ она все еще мила и любезна, и мнѣ кажется такой болѣе другихъ, по воспоминаніямъ нашей молодости. Елисавета вышла въ мое время замужъ, народила дѣтей и умерла. Мать ихъ давно скончалась. Я первые мои стихи посвящалъ Еленѣ: въ собраніи моихъ сочиненій есть очень много пѣсенъ стариннаго вкуса и работы, которыя точно ей принадлежали по обстоятельствамъ нашимъ на то время. Что можетъ быть пріятнѣе, какъ воспоминать и живо вообразить счастье юныхъ дней нашей жизни! Въ нихъ-то и самая жизнь настоящая: они ее скрашиваютъ, и въ морщинахъ старости играетъ улыбка, когда вспомнишь первой огонь страстей своихъ. Такъ точно и я становлюсь изъ угрюмаго человѣка пріятнымъ собесѣдникомъ, когда встрѣчаю взоръ той, которая нѣкогда столь волшебнаго наполняла все бытіе мое собою.

М и к л а ш е в и ч е в а.

19-го Апрѣля. Варвара Семеновна, жена магистратскаго прокурора въ Пензѣ, съ которой я, будучи тамъ въ службѣ, свелъ пріятное знакомство. Она была барыня молодая, умная и достойная, но увлекалась часто романическими восторгами и отъ того много дурачества въ свой вѣкъ надѣлала; она была не хороша, и потому мало считала волокитъ за собою: отъ этой самой причины и я не попалъ въ число ихъ. Во время моихъ несчастныхъ тамошнихъ приключеній, о которыхъ говорить будетъ подъ другими именами, она самымъ благороднымъ образомъ поступила и обязала меня чистѣйшей благодарностью. Я оставался одинъ въ городѣ, угнетенъ и презрѣнъ всѣми, потому что губернаторъ со мной былъ въ ссорѣ; жены моей не было со мною: она ѣздила въ Мо-

скву родить. Ни одна дама не пріѣхала бы навѣстить меня, чтобъ не сдѣлаться предметомъ недостойной молвы; одна Варвара Семеновна все это презрѣла и, зная, что въ моемъ положеніи сообщество мнѣ нужнѣе было, чѣмъ когда-нибудь, всякой вечеръ пріѣзжала ко мнѣ сидѣть и бесѣдой своей, весьма пріятной, разсѣивала мрачныя мысли, коими я былъ до крайности разстроенъ въ духѣ. Мало, конечно, людей, способныхъ сдѣлать изъ чистаго побужденія благороднаго свойства подобное пожертвованіе. Память тѣхъ дней привязала меня къ ней навсегда. Я ее видалъ и послѣ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ разныхъ положеніяхъ, то счастливу, то злополучну, всегда принималъ въ ней участіе искреннее и пользовался полной ею ко мнѣ довѣренностью. Несчастливая! Она имѣла одного сына, взростила его, лишилась его, не могла жить для мужа, которой ей не стоилъ, и потеряла совершенно рассудокъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ.

17-го Сентября. Великій Князь. Когда онъ, будучи въ ребячествѣ еще, воспитывался, мнѣ довелось быть ему представлену его наставникомъ, генераломъ Ламсдорфомъ. Я служилъ губернаторомъ. Онъ меня удивилъ до крайности своимъ вопросомъ. Я считалъ, что, поцѣловавъ у него руку и низко поклонясь, выду изъ комнаты, едва примѣтя взоръ его и наружность; но онъ меня спросилъ: „Любятъ ли науки въ губерніи, и какіе успѣхи имѣетъ просвѣщеніе?“ Въ устахъ ребенка, хотя онъ былъ и царской сынъ, такое любопытство меня поразило, и я вышелъ отъ него гораздо довольнѣе сей аудіенціей, нежели могъ и долженъ ожидать по возрасту Его Высочества. Я искренно въ эту минуту пожелалъ, чтобъ кто-нибудь изъ династіи Павла привязался къ наукамъ и полюбилъ просвѣщеніе, не въ превратномъ, а въ настоящемъ его смыслѣ. Но врядъ исполнится ли такое желаніе?

Могилевскій.

27-го Іюля. Александръ Ивановичъ, молодой Кіевлянинъ, учившійся съ успѣхомъ въ Московскомъ университетѣ, откуда попался мнѣ подъ начальство. Назначенъ будучи въ губернаторы въ Володимеръ, я имѣлъ нужду въ грамотномъ

человѣкъ и искалъ его между студентами университета. Мнѣ рекомендовали Могилевскаго, я его взялъ съ собой, и онъ былъ при мнѣ нѣсколько лѣтъ секретаремъ. Онъ хорошо былъ обученъ словесности, имѣлъ, сверхъ наружныхъ преимуществъ, всѣ тѣ дарованія, которыя отличаютъ въ обществѣ, зналъ иностранные языки, и я былъ отмѣнно имъ доволенъ. Онъ жилъ у насъ въ домѣ; поутру мы съ нимъ служили, а въ вечеру онъ въ нашемъ обществѣ рѣзвился, танцевалъ, игралъ комедіи и соединялъ въ себѣ человѣка дѣловаго съ пріятнымъ собесѣдникомъ. Въ домѣ моемъ всегда было людно, весело; онъ велъ себя благородно и далеку былъ отъ того круга простыхъ приказнослужителей, которые развращаютъ молодыхъ людей и въ одномъ порокѣ ищутъ своихъ выгодъ. Во время вдовства моего онъ сдѣлался мнѣ необходимъ для товарищества; я съ нимъ раздѣлялъ унылые часы мрачной тогдашней моей жизни. Послѣ покойной жены моей одна оставалась у меня приманка для молодого человѣка—Анна Михайловна Богданова (см. лит. Б). Могилевской скоро въ нее влюбился; онъ равномерно ей понравился, и я почти готовился соединить ихъ, какъ вдругъ судьба насъ разлучила. У него старшій братъ былъ правителемъ дѣлъ при Циціановѣ, въ Грузіи. Этотъ генералъ, нуждаясь въ людяхъ письменныхъ, вздумалъ его потребовать, и Государь приказалъ мнѣ его къ нему отправить. Такимъ образомъ я лишился секретаря и вмѣстѣ, смѣло могу сказать, хорошаго пріятеля. Первымъ могъ быть у меня всякой, потому что я самъ любилъ работу гражданскую и упражнялся въ ней неусыпно, но послѣдняго не скоро найдешь въ толпѣ скитающихся чиновниковъ по прихожимъ губернаторскимъ въ провинціяхъ. Разставаясь съ нимъ, мы другъ о другѣ весьма много сожалѣли, и отношенія мои съ нимъ дали ему право помѣститься въ этомъ алфавитѣ. Между тѣмъ Циціановъ погибъ отъ кинжала разъяреннаго Перса. Могилевской, не доѣхавъ до него, узналъ о семъ и воротился ко мнѣ. Я не могъ уже принять его въ мой штатъ, ибо онъ попалъ подъ непосредственное распоряженіе верховной власти; но, снабдя его письмами къ министру и Сперанскому, просилъ о неоставленіи его. Ходатайство мое получило благопріятной

успѣхъ: онъ причисленъ къ канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, потомъ попалъ въ штатъ принца Ольденбургскаго, гдѣ онъ достигъ чина коллежскаго совѣтника и получилъ два ордена. Теперь онъ все служитъ при водяныхъ коммуникаціяхъ. Время и разлука прекратили прежнія наши связи. На все есть часъ. Ничто такъ не изглаживается въ жизни нашей, какъ отношенія; ихъ уподобить можно волнамъ морскимъ: такъ точно было время, когда мы съ Могилевскимъ плыли вмѣстѣ и съ одного берегу смотрѣли на валы морскіе, кои разбивались у ногъ нашихъ, или пробѣгали мимо; а нынѣ мы уже такъ далеки стали, что я не знаю, ни гдѣ онъ, ни чтó онъ? Подобно и онъ обо мнѣ едва ли извѣстенъ. Но это не мѣшаетъ мнѣ его помнить, любить заочно и, вспоминая время службы его при мнѣ, отдавать всю справедливость въ познаніяхъ, какъ секретарю, и въ чувствахъ сердца, какъ человѣку близкому ко мнѣ и нѣкогда почти назначенному быть моимъ домашнимъ. Судьба строитъ все по своему. Во время пребыванія его у меня въ домѣ, я обязанъ ему перепиской нѣсколькихъ тетрадей изъ моей исторіи, съ моего почерка набѣло, чтó ему стоило большаго труда и, не входя въ кругъ занятій его по службѣ, есть, съ одной стороны, пріятельское одолженіе его ко мнѣ, котораго я не забуду, а съ другой—вѣрнѣйшій знакъ моей къ нему довѣренности, слѣдовательно и уваженія къ личнымъ его достоинствамъ.

М о и с е й.

25-го Марта. Архіерей Θεодосійской и Маріупольскій. Я его зналъ еще въ свѣтскомъ состояніи, когда онъ просто назывался Михайла Гумылевской. Онъ хаживалъ къ намъ въ домъ по часамъ преподавать мнѣ Катехизисъ и обучать Закону Божию. Съ тѣхъ поръ я его зналъ въ разныхъ степеняхъ духовныхъ, не видалъ только архіереемъ; ибо онъ, завезенъ бывъ Потемкинымъ въ новопріобрѣтенные края на Черномъ морѣ, скоро тамъ умеръ. Онъ былъ человѣкъ очень умной и весьма свѣдующій. Я до сихъ поръ его помню, и у меня хранится портретъ, которой на него очень похожъ.

Молдаванка.

19-го Іюля. День знаменитой въ жизни моей по событію, которое опишется при выше-писанномъ имени рабы, меня спасшей отъ ужасной смерти.

Горничная служанка нынѣшней моей жены, которой я обязанъ жизнью. Какъ же ее забыть? Можетъ ли услуга какая нибудь быть важнѣе сей? Мы ѣхали на Макарьевскую ярмонку и переправлялись на паромѣ черезъ рѣку Лугѣ, въ селѣ князя Ѳедора Николаевича Голицына, Мытахѣ, въ Володимирской губерніи. Разсудилось мнѣ пройти по лавамъ; жена мнѣ отсовѣтывала, но я нетерпѣливо хотѣлъ переправиться, а паромъ долго не шелъ. И такъ, перейдя одну часть рѣки съ дѣтьми и частью людей нашихъ, я увидѣлъ, что надобно, пройдя небольшую отмель, опять по другимъ лавамъ перебираться на настоящій матерой берегъ; паромъ между тѣмъ шелъ къ женѣ, а гребцы кричали мнѣ, что дальнія лавы плохи. Надобно было воротиться; я, перепустя предъ собой всѣхъ домашнихъ, побрелъ за ними по тѣмъ же лавамъ, по которымъ шелъ уже за четверть часа прежде; глаза у меня вдругъ какъ-то помутились, и я упалъ въ воду во весь ростъ съ картузомъ на головѣ. Дна не доставши, я не вспомнилъ и не знаю, какимъ образомъ успѣлъ ухватиться за жердину, на которой держались лавы. По счастью, за мной шла Молдаванка; она увидѣла руку мою надъ водой, подбѣжала и успѣла схватить меня подъ мышки, прежде нежели я сорвался совсѣмъ. Освободя такимъ образомъ мнѣ голову, она доставила случай опомниться, и я, прыгнувши съ успіемъ, попалъ ляжкой на лаву и присѣлъ, послѣ чего нетрудно уже было мнѣ спастись и быть живу. Я подалъ тотчасъ голосъ женѣ, которая, видя все происшествіе съ берегу, лежала уже безъ памяти, и вся дорожная услуга была при ней. Дѣти также совались безъ ума и памяти по берегу и не умѣли сыскать себѣ помощи отъ страха и тоски. При мнѣ была одна Молдаванка въ эту ужасную и для меня, и для нея минуту: ибо, естъли бѣ она, нагнувшись до половины тѣла, чтобъ вытащить меня подъ плеча, потеряла перевѣсъ, буду-

чи увлечена мною и моимъ грузомъ, то бы и я не спасся, и она всеконечно погибла. Сильной подвигомъ усердія ея ко мнѣ, за которой я остался ей обязанъ на всю жизнь мою; само Провидѣніе поставило ее тутъ какъ бы для того, чтобъ сдѣлать ее, а не другаго кого, орудіемъ моего спасенія; безъ нея я совершенно погибалъ въ волнахъ. Всѣ ближніе мои потерялись и не знали, что дѣлать, увидѣвши, что я упалъ въ воду и головы не видать. Она бросилась, не соображая, что сама можетъ утонуть, высвободила меня и стала навсегда предметомъ уваженія и признательности моего семейства. Ахъ, этой ужасной минуты я безъ трепета донинѣ вспомнить не могу; но, слава Богу, сей случай не имѣлъ никакихъ опасныхъ послѣдствій въ здоровьѣ ни для меня, ни для жены и дѣтей, которыя вытерпѣли только самой жестокой страхъ, а я почти безъ чувствъ былъ, доколѣ не присѣлъ на лавы и не увидѣлъ, что Богъ благоволилъ избавить меня отъ насильственной и ужасной смерти, а домъ мой отъ плачевнаго сиротства. Убо да будетъ Богъ препрославленъ, и да ущедритъ милостію Своею избавительницу мою, Молдаванку (такъ прозванную женой моею; ибо она, впрочемъ Русская и настоящее имя ея Марья, жена деревенскаго нашего садовника).

М О Л О Ж Е Н И Н О В Ъ .

4-го Сентября. Иванъ Николаевичъ, отставной полковникъ, человекъ холостой, нестарой, но больной и отменно угрюмой. Моралистъ жестокой: всякое слово нравственное—проповѣдь! Я съ нимъ познакомился въ домѣ князя Волконскаго, въ которомъ онъ выросъ, воспитанъ и жилъ почти безвыходно, хотя самъ по себѣ имѣлъ состояніе изрядное. Во то время, какъ я былъ въ связи съ княжной Варварой Петровной (см. лит. В.), я его боялся, какъ царя и владыки, и вліяніе его на меня сильнѣе дѣйствовало, чѣмъ чье-либо иное во всю жизнь мою. Я въ безпрестанной былъ работѣ, стараясь, чтобъ онъ не примѣтилъ моей интриги съ княжной, и угождалъ ему, какъ рабъ господину своему, дабы пріобрѣсть его вниманіе и тѣмъ усилить правъ мои быть короткимъ въ этомъ домѣ.

пбо Моложениновъ былъ оракулъ всего семейства, и всякой, отъ хозвина до послѣдняго гостя, уважалъ его. Раскрывая здѣсь картину моего сердца во всей наготѣ его, я признаюсь, что онъ былъ причиной моего разрыва съ Волконской, и отъ него, точно я не женился на ней. По нѣкоторомъ времени моего вдовства, продолжая любовную съ княжной переписку и, согласно съ ней, предполагая, что мы, при первомъ удобномъ случаѣ, обвѣнчаемся, я получилъ отъ нея одно письмо, въ которомъ, между прочимъ, она, бесѣдуя со мной о разныхъ подробностяхъ будущаго нашего соединенія, внушала мнѣ, что Моложениновъ, какъ человѣкъ порядочной, расчетливой, бережливой, словомъ совершеннѣйшій, можетъ жить въ нашемъ домѣ и управлять нашимъ хозяйствомъ. Я такъ испугался этого сухаго, холоднаго и угрюмаго мизантропа, что тутъ же сталъ колебаться; дочь моя довершила мою рѣшимость, и княжна потеряла случай навсегда сдѣлаться моей супругой. Съ одной стороны будучи ревнивъ, я остерегался того преимущества, которымъ пользовался исключительно Моложениновъ въ домѣ Волконскихъ, и боялся скрытой страсти его къ княжнѣ, такой же, какова была моя; съ другой, самолюбіе мое страдало: я боялся попасть къ нему подъ опеку и принужденнымъ быть дѣйствовать по его наставленію и произволу во всякомъ дѣлѣ. Сіи два страха такъ овладѣли моимъ разсудкомъ, что я, при всей любви моей къ княжнѣ, за мѣсяць, можетъ быть, только передъ тѣмъ какъ надѣялся въ объятіяхъ ея увѣнчать давнишнюю мою къ ней склонность, охолодѣлъ вдругъ до того, что рѣшился, наруша, можно сказать, всѣ приличія, отказать, безъ всякой причины гласной, такой союзъ, на которой самъ вызвалъ со всей пылкостью взволнованной души. Вотъ въ какомъ я нашелся отношеніи съ г. Моложениновымъ! Вотъ какъ онъ сильно подѣйствовалъ на судьбу мою! Я, переставши быть съ нимъ знакомъ, не могу, однакоже, позабыть его донинѣ и вѣрно во всю жизнь мою эпоху связи моей съ нимъ (весьма, впрочемъ, побочной и принужденной) помнить буду. Какъ не сказать, вспоминая подобныя мятежи сердца человѣческаго, что оно есть бѣдное игралище страстей?

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:
ПОУЧЕНІЯ ПОСТНИКАМЪ ИЛИ ГОВѢЛЬЩИКАМЪ,
ИННОКЕНТІЯ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

ЦѢНА 15 КОП.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Складъ изданія: Страннопріимный въ Москвѣ домъ графа Шереметева, что у Сухаревой башни, въ квартирѣ Ивана Платоновича Барсукова.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ
И
ПСИХОЛОГІИ.

Подъ редакціей Н. Я. ГРОТА.

СОДЕРЖАНІЕ 2-Й КНИГИ.

Э. Радлова Вольтеръ и Руссо. И. Иванцова Отношеніе между философией и наукой. Л. Лопатина Положеніе этической задачи въ современной философій. Н. Звѣрева Къ вопросу о свободѣ воли. Н. Грота Что такое метафизика. Н. Шишкина. Психологическія явленія съ точки зрѣнія механической теоріи. Д. Овсяннико-Куликовского. Очерки изъ исторіи мысли. Хроника: Гипнотическій съѣздъ въ Парижѣ А. Токарскаго. Второй съѣздъ по криминальной антропологіи Н. Баженова Критика и Библіографія. *Revue philosophique* Н. Грота и Н. Ланге. Философскія статьи въ Русскихъ и иностранныхъ журналахъ. Обзоръ книгъ по метафизикѣ, этикѣ, эстетикѣ, психологіи и исторіи философій.

Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ 6 р. безъ дост. и 6 р. 50 к. съ дост. въ Москвѣ и перес. въ другіе города Россіи; съ перес. за границу 7 р. 50 к.; для членовъ Психологич. Общества и сотрудниковъ журнала, для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, воспитанниковъ духовныхъ семинарій, учителей народныхъ и городскихъ училищъ—4 р., съ дост. и перес. 4 р. 50 к. Русскіе студенты за границей платятъ въ годъ 5 р.—Подписка принимается въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярева, квартира Николая Як. Грота), въ редакціяхъ журнала „Русская Мысль“ и „Газеты А. Гатцука“, и въ магазинахъ: „Новаго Времени“ (А. С. Суворина въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ); Н. П. Карбасникова въ Москвѣ, Петербургѣ и Варшавѣ; Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, Бѣлаго и Распопова въ Одессѣ, а также въ конторѣ Печковской (Москва, Петровскія линіи).

Подписка принимается послѣ выхода 2-й книги только съ января 1890 г. по январь 1891 г., такъ какъ экземпляровъ 1-й книги, отпечатанной въ колич. 1500 экз., осталось слишкомъ мало для удовлетворенія новыхъ подписчиковъ (остающіеся экз. продаются въ магаз. „Новаго Времени“ отдѣльно по 2 р. 50 к.).

ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива“ 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1890 году съ пересылкою и доставкой — девять рублей. Для Германіи—одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ Петербургѣ, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. О. Зміевъ); Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

За перемѣну адреса городского на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городского на иногородный 90 к.; иногороднаго на городской 50 к. (по цѣнамъ Почтамта).

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888 и 1889 получаютъ, съ пересылкою и доставкой, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ П. Бартеневъ.

